

ISSN 2409-3793

ВЕСНІК

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя D. ЭКАНОМІКА, САЦЫЯЛОГІЯ, ПРАВА

Выходзіць два разы ў год

1 (47)
2016

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (галоўны рэдактар);
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (нам. галоўнага рэдактара);
д-р гіст. навук дацэнт Д.С. Лаўрыновіч (нам. галоўнага рэдактара);
канд. фіз.-мат. навук дацэнт Б.Д. Чабатарэўскі (нам. галоўнага рэдактара);
канд. экан. навук дацэнт Т.Ф. Балашова (старшыня рэдакцыйнага савета серыі D);
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Эканоміка:

д-р экан. навук прафесар Л.У. Пакуш (Горкі)
д-р экан. навук прафесар С.А. Канстанцінаў (Горкі)
д-р экан. навук прафесар Н.У. Макоўская (Магілёў)

Сацыялогія:

д-р сацыял. навук прафесар Ю.М. Бубнаў (Магілёў)
д-р сацыял. навук прафесар Н.М. Беяковіч (Мінск)
д-р сацыял. навук дацэнт М.Я. Ліхачоў (Магілёў)
канд. сацыял. навук дацэнт С.М. Ліхачова (Магілёў)

Права:

д-р юрыд. навук прафесар В.М. Бібіла (Мінск)
д-р юрыд. навук прафесар А.Г. Цікавенка (Мінск)
канд. юрыд. навук дацэнт Л.Ф. Лазуціна (Магілёў)
канд. юрыд. навук дацэнт А.І. Пліско (Магілёў)

*Научно-методический журнал “Вестник Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А. А. Куляшова” включен в РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования),
лицензионный договор № 811–12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
пакой 223, т. (8-0222) 28-31-51

ЗМЕСТ

ЕНИН Ю. И., АНОСОВ В. М. Методы управления платежеспособностью и финансовым оздоровлением субъектов хозяйствования в машиностроении	4
МАКОВСКАЯ Н. В., ЧЕГЕРОВА Т. И. Оценка идентичности подходов к организации внутрифирменного обучения работников в России и Беларуси	10
ОСИПЕНКО Н. А. Механизм формирования системы позиционирования товара на рынке	18
ЧУРАКОВА А. П. Природный капитал в системе “зеленой экономики”	24
ЛИХАЧЕВА С. Н. Демографическое поведение населения Могилевской области как предмет социологического анализа	32
ИЛЮХА О. П., ЛИТВИН Ю. В., ПУШКИН И. А. Белорусы в Карелии: итоги изучения этнической группы	40
БОРИСОВА О. В. Семья и брачно-семейные отношения в представлениях современной студенческой молодежи (на примере студентов учреждений высшего образования г. Могилева)	51
БОГУСЛАВСКАЯ С. В. Экономические теории миграции: обзор зарубежных подходов	64
ВЕРЕМЕЕНКО М. Д. Насильственное завладение имуществом путем грабежа и разбоя: актуальные вопросы теории и практики правоприменения	70
ПАНТЕЛЕЕВА Н. В. Статус, признаки и правовая регламентация естественных монополий, определяющих развитие хозяйственной деятельности	78
БУЯНОВА И. В. Сравнительный анализ уголовного законодательства Республики Беларусь и Украины в части освобождения от уголовной ответственности	84
НОВИЦКАЯ М. В. Актуальные аспекты правового регулирования коллективных трудовых споров по законодательству Беларуси, России, Казахстана	91

ЭКАНОМІКА, САЦЫЯЛОГІЯ, ПРАВА

УДК 658.5(075.8)

МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТЬЮ И ФИНАНСОВЫМ ОЗДОРОВЛЕНИЕМ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В МАШИНОСТРОЕНИИ

Ю. И. Енин

доктор экономических наук, профессор
Белорусский национальный технический университет (г. Минск)

В. М. Аносов

кандидат экономических наук, доцент
Белорусский национальный технический университет (г. Минск)

В статье авторы анализируют методы и практику финансового оздоровления в автомобилестроении.

Ключевые слова: финансовое состояние, факторы изменения платежеспособности, показатели платежеспособности, методы и практика финансового оздоровления, долги и обязательства в управлении платежеспособностью в машиностроении.

Введение

Последствия мирового финансового кризиса 2008–2012 гг. – сокращение спроса, свертывание платежеспособных рынков, повышение рисков неплатежей сказались во всех сферах мировой экономики. Наиболее болезненно эти процессы проявились в автомобилестроительной отрасли: многие признанные бренды автомобилестроения – GeneralMotors, Chrysler, VOLVO, оказались на грани банкротства. Поэтому для поддержания конкурентоспособности, сохранения объемов продаж, и соответственно, перспектив развития отечественных автомобилестроительных предприятий, важно обеспечить эффективное использование как собственных, так и заемных финансовых ресурсов, пересмотра подходов и методов управления платежеспособностью.

Основная часть

Традиционно под платежеспособностью принимается достаточность у предприятия ликвидных активов для погашения в случае необходимости своих обязательств перед кредиторами, т. е. способность предприятия платить по своим краткосрочным, а также долгосрочным обязательствам, вытекающим из торговых, кредитных и других операций денежного характера. Соответственно, неплатежеспособность характеризуется, и проявляется в различной степени нарушений при формировании текущих активов, в диспропорциях между заемными и собственными источниками, в отсутствии в

© Енин Ю. И., 2016

© Аносов В. М., 2016

распоряжении организаций ликвидных, легкорезализуемых активов, достаточных для погашения долгов и обязательств. Можно говорить о том, что неплатежеспособность – главный симптом ухудшения финансового состояния организаций.

Изменение платежеспособности предприятия определяется всей совокупностью экономических условий – объемами, структурой и эффективностью примененных ресурсов, техническим, технологическим оснащением, ценами и затратами, качеством и конкурентоспособностью производимой продукции.

При определении причин сложного финансового состояния предприятий факторы, вызывающие неплатежеспособность, подразделяются на внешние и внутренние.

К числу внешних (экзогенных) факторов снижения платежеспособности принято относить кризисные явления в экономике – спад объемов производства, рост инфляции, свертывание, либо отсутствие платежеспособных рынков спроса, налоговая нестабильность и т. д. Воздействие перечисленных факторов на финансовое состояние субъектов хозяйствования подтверждается не только приведенным выше зарубежным, но и отечественным опытом (неудача проекта сборочного производства компании “Ford”).

Внутренние (эндогенные) факторы снижения платежеспособности могут быть подразделены: на производственные, инвестиционные и финансовые.

Опыт хозяйственной деятельности предприятий реального сектора экономики показывает, что производственные факторы могут сказаться на платежеспособности через неэффективный маркетинг (увеличение запасов готовой продукции на складах, недостаточная диверсифицированность производимой продукции, нарастание величины и удельного веса дебиторской задолженности), неэффективную структуру текущих затрат, наличие сверхнормативных запасов оборотных средств и т. п.

Реализация потенциала производственных факторов повышения платежеспособности на предприятии во многом предопределяется использованием, так называемых инвестиционных факторов. Так, инвестиционные факторы влияют на платежеспособность через: низкий уровень использования основных средств, отвлечение денежных средств в капитальное строительство, осуществление неэффективных проектов, недостижение запланированных объемов прибыли.

Производственные и инвестиционные условия сказываются на реализации финансовых факторов управления платежеспособностью субъекта хозяйствования, которые отражаются в выработке оптимальной структуры и эффективности активов, высокой доле заемных и привлеченных средств, тем самым предопределяя эффективность применяемой финансовой стратегии. На наш взгляд, в качестве самостоятельного фактора также следует рассмотреть организационную составляющую. Речь, в частности, может идти об организации бухгалтерского учета наличия и использования финансовых ресурсов. Основываясь лишь на анализе остатков денежных средств и ежедневных поступлениях на расчетный счет проблематично ответить на важные вопросы: имеются ли на предприятии ресурсы для приобретения основных средств и материалов, сколько можно привлечь заемных средств, сохранив при этом финансовую устойчивость?

Выявление факторов, определяющих состояние и изменение показателей платежеспособности субъектов хозяйствования, позволит создать условия для достижения желаемых результатов, в том числе и необходимых перемен.

Для измерения состояния и тенденций изменения платежеспособности предприятия принято использовать методические подходы с целью выявления комплекса основных показателей. Например, в статистических сборниках, таких, как Статистический ежегодник, Социально-экономическое положение Республики Беларусь применяется два показателя – коэффициент текущей ликвидности и коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами, которые позволяют характеризовать финансовое состояние субъектов хозяйствования.

Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами характеризует наличие у субъекта хозяйствования собственных оборотных средств, необходимых для его финансовой устойчивости. Рассчитывается как отношение суммы собственного капитала и долгосрочных обязательств за вычетом стоимости долгосрочных активов к стоимости краткосрочных активов.

Коэффициент текущей ликвидности характеризует общую обеспеченность субъекта хозяйствования собственными оборотными средствами для ведения хозяйственной деятельности и своевременного погашения срочных обязательств. Рассчитывается как отношение стоимости краткосрочных активов к краткосрочным обязательствам.

Неплатежеспособная организация – организация, у которой одновременно коэффициент текущей ликвидности и коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами ниже установленных нормативов.

Отметим, что неплатежеспособность влияет не только на экономическое положение коллектива предприятия – возможности поддержания и развития бизнеса, реализацию социальных программ, но и на финансовое состояние предприятий-смежников и кредиторов.

Поэтому совершенствование методов управления платежеспособностью приобретает в современных условиях особую актуальность и практическую ценность.

Решению этой проблемы в нашей стране уделяется пристальное внимание органов государственного управления – Закон Республики Беларусь “Об экономической несостоятельности и банкротстве”, Указы Президента Республики Беларусь, Постановления Правительства, ведомственные и межведомственные документы, например, постановление МФ РБ, МЭ РБ от 27.12.2011 г. № 140/206 “Об утверждении Инструкции о порядке расчетов коэффициентов платежеспособности и анализа финансового состояния и платежеспособности субъектов хозяйствования”.

Основная направленность этих документов – фиксация факта неудовлетворительного финансового состояния и обеспечение его дальнейшего “достойного” ухода (ликвидации) с рынка.

Инструкция о порядке расчетов коэффициентов платежеспособности и анализа финансового состояния и платежеспособности субъектов хозяйствования является документом, определяющим, дальнейшую судьбу бизнеса.

В ней содержится перечень показателей, характеризующих платежеспособность организации – основания для признания ее неплатежеспособной. Поэтому не случайно этот документ непрерывно подвергается трансформациям (изменениям).

Последнее реформирование документа связано с расширением перечня оценочных показателей, включением в их состав коэффициентов утраты восстановления платежеспособности, коэффициента финансовой независимости.

Не говоря о плюсах и минусах этой меры (тема отдельного разговора) отметим, что результативность управления платежеспособностью может быть существенно повышена за счет включения в документ раздела, позволяющего обеспечить профилактику банкротства, а также набора мер по выходу из предкризисного (кризисного) состояния.

Является очевидным фактом, что профилактика – действенный инструмент предотвращения нежелательного развития событий и его последствий. В части управления платежеспособностью мировая практика выработала и успешно применяет ряд методов профилактики ухудшения финансового состояния и наступления банкротства, которые, в принципе могут быть использованы и в условиях Республики Беларусь. Речь идет об известных моделях Э. Альтмана, Р. Таффлера, У Бивера, О. Волковой, В. Ковалева.

Наибольшую известность в этой области получила работа известного западного экономиста Э. Альтмана, разработавшего с помощью аппарата множественного дискриминантного анализа (*Multiple-discriminant analysis, MDA*) методику расчета индекса кредитоспособности. Именно индекс Э. Альтмана представляет собой функцию от некоторых показателей, характеризующих экономический потенциал предприятия и результаты его работы за истекший период, таких, как прибыль, стоимость активов, выручка от реализации, соотношение собственного и заемного капитала, отношение акций предприятия к активам, собственные оборотные средства.

Этот индекс (Z) позволяет в первом приближении разделить хозяйствующие субъекты на потенциальных банкротов и небанкротов.

Критическое значение индекса Z рассчитывалось Э. Альтманом по данным статистической выборки и составило 2,675. С этой величиной сопоставляется расчетное значение индекса кредитоспособности для конкретного предприятия. Это позволяет провести границу между предприятиями и высказать суждение о возможном в обозримом будущем (2–3 года) банкротстве одних ($Z < 2,675$) и достаточно устойчивом финансовом положении других ($Z > 2,675$). Если $Z < 1,81$, то компания с очевидностью может быть отнесена к потенциальным банкротам, если $Z > 2,99$, то суждение прямо противоположно.

Известны и другие подобные критерии, в частности, британские ученые Р. Таффлер и Г. Тишоу апробировали подход Э. Альтмана на данных 80 британских компаний, и построили четырехфакторную прогнозную модель с отличающимся набором факторов. Такие подходы позволили более точно прогнозировать будущее обследуемых компаний, определять наличие угроз и время наступления возможного банкротства.

Использование этого опыта, в принципе, могло бы стать основой формирования соответствующего раздела рассматриваемой Инструкции. Тем не менее, при-

менительно к переходной экономике для всех упомянутых моделей характерен один существенный недостаток – они дают искаженную картину финансового состояния субъекта хозяйствования. Там, где, согласно результатам расчетов, предприятие находится либо в предбанкротном состоянии, либо банкротство неотвратимо, реально складывается абсолютно противоположная картина – его финансовое состояние абсолютно устойчивое.

Причин подобных искажений несколько. Например, часть коэффициентов, связанных с обращением ценных бумаг в модели Э. Альтмана, “не работает” в переходной экономике. Также представленные модели не учитывают влияния на итоговую оценку платежеспособности, в частности, в отраслевых условиях и особенностях ведения бизнеса.

Применительно к переходной экономике, в частности, к условиям Республики Беларусь, возможности получения субъектами хозяйствования льготных кредитов, бюджетных ссуд, использования налоговых каникул достаточно проблематично. Тем не менее, как показывает опыт Российской Федерации, работы в этом направлении следует продолжать, а по их завершении результаты исследований целесообразно включить в соответствующий раздел Инструкции.

Заключение

В переходный период, представляется целесообразным, отразить в Инструкции возможный набор мер противодействия как внешним, так и внутренним угрозам утраты платежеспособности субъекта хозяйствования, начиная от финансово-экономической составляющей и до производственной реструктуризации.

Опыт финансового оздоровления зарубежных автомобилестроительных компаний посредством финансовой реструктуризации, о которых говорилось ранее, показал их достаточно высокую эффективность. Поэтому важно знать и, главное, уметь использовать возможности этих инструментов для достижения успеха и выживаемости в условиях усиления рыночной конкуренции.

Кроме того, на наш взгляд, в методику необходимо включить перечень инструментов воздействия на финансовое состояние организаций до наступления кризисной ситуации. Речь идет об эффективном использовании комплекса современных технологий управления товарно-материальными ценностями, выручкой от реализации, прибылью – ABC-XYZ анализа, JIT-доставка комплектующих точно в срок, определение экономичного размера заказа – EOQ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Закон Республики Беларусь от 13.07.2012 № 415-З “Об экономической несостоятельности (банкротстве)”. Закон Республики Беларусь от 13.07.2012 № 415-З / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2012.
2. Постановление Министерства финансов Республики Беларусь, Министерства экономики Республики Беларусь от 27.12.2011 г. № 140/206 “Об утверждении Инструкции о порядке расчетов коэффициентов платежес-

- пособности и анализа финансового состояния и платежеспособности субъектов хозяйствования”.
3. Анализ хозяйственной деятельности в промышленности : учебное пособие / В. И. Стражев [и др.] ; под ред. В. И. Стражева, Л. А. Богдановской. – 7-е изд., испр. – Минск : Высшая школа, 2008. – 527 с.
 4. **Ковалев, В. В.** Финансовый менеджмент: теория и практика. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 1024 с.
 5. **Савицкая, Г. В.** Анализ хозяйственной деятельности предприятия. – Минск : ООО “Новое знание”, 2006. – 688 с.
 6. **Савицкая, Г. В.** Анализ финансового состояния предприятия / Г. В. Савицкая. – Минск : Изд-во Гревцова 2008. – 215 с.
 7. **Шеремет, А. Д.** Методика финансового анализа. – М. : ИНФРА-М, 2008. – 456 с.

Поступила в редакцию 10.02.2015 г.

Контакты: ugu.enin-2009@tut.by (Енин Юрий Иванович)

Yenin Y.I., Anosov V.M. MANAGEMENT OF PAYING ABILITY AND FINANCIAL RECOVERY OF BUSINESS AGENTS IN MACHINE BUILDING.

In the article the analysis of the methods and practice of financial recovery in machine building is provided.

Key words: financial state, factors of paying ability change, indexes of paying ability, methods and practice of financial recovery, debt and obligations in payment management in machine building.

УДК 331.5

ОЦЕНКА ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДХОДОВ К ОРГАНИЗАЦИИ ВНУТРИФИРМЕННОГО ОБУЧЕНИЯ РАБОТНИКОВ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Н. В. Маковская

доктор экономических наук, профессор

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Т. И. Чегерова

кандидат технических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье представлен сравнительный анализ подходов к организации внутрифирменного обучения работников в России и Беларуси. Анализ проведен по направлениям оценки идентичности структуры, целей, принципов и задач внутрифирменного обучения персонала. Это позволило выявить институциональные особенности и специфику внутрифирменного обучения работников на предприятиях России и Беларуси, дать оценку инновационных инструментов внутрифирменного обучения для разных категорий персонала с учетом возраста и стажа работников.

Ключевые слова: внутрифирменное обучение, работники, человеческий капитал, инвестиции, квалификация, компетенции, инновационное развитие.

Введение

Востребованные на рынке труда компетенции, полученные в процессе повышения квалификации или переобучения, имеют большую производственную ценность, так как имеет место формирование и развитие специфической части человеческого капитала, который в большей степени определяет эффективность хозяйственной деятельности. Разрыв в согласованности мотивационных установок работников и элементов кадровой политики, направленных на внутрифирменное обучение, свидетельствует о диспропорциях в системе взаимодействия профессионального рынка труда и внутреннего рынка труда предприятия, и косвенно указывает на неэффективность регулирования национальных систем профессионального образования. В совокупности это является “тормозом” создания инновационной кадровой системы, удовлетворяющей потребности технической модернизации в национальной экономике.

Специфика организации внутрифирменного обучения приводит к тому, что прохождение обучения не оказывает существенного влияния на карьерные перемещения и заработную плату работника в организации, за исключением молодых работников. Это определяет эффективность инвестирования в человеческий капитал молодежи. Инвестиции фирм в обучение работни-

© Маковская Н. В., 2016

© Чегерова Т. И., 2016

ков положительно связаны с размером организаций и ее экономическим положением, категорией работников (руководитель, специалист, рабочий) и отрицательно – с возрастом и стажем работника [1; 3; 4]. Учитывая высокую мобильность молодых работников и особенности институтов регулирования трудовых отношений, работодатели не стремятся активно финансировать внутрифирменное обучения данной категории работников, что негативно влияет на формирование кадрового инновационного потенциала.

В этой связи актуализируются проблемы, связанные с анализом структуры, целей, принципов и задач внутрифирменного обучения персонала, выявлением институциональных особенностей и специфики внутрифирменного обучения работников на предприятиях России и Беларуси, оценкой инновационных инструментов внутрифирменного обучения для разных категорий персонала с учетом возраста и стажа работников. Решение данных проблем позволит не только эффективно использовать опыт организации внутрифирменного обучения в России и Беларуси, но и определить институциональные особенности и специфику этих процессов в экономиках двух стран. Это позволит дополнить недостающие элементы в исследовании системы инвестирования человеческого капитала в постсоветских экономиках.

Проблемы организации, планирования и результативности внутрифирменного обучения являются предметом научных изысканий среди экономистов (Gilbreth, F., Gilbreth, L. Becker, Gary S. Shultz, T.W. Holmstrom, В. Гимпельсон В., Капелюшников Р.) [2–4; 5; 6]. Значимыми результатами, которые получены специалистами в данной области, являются эмпирические данные и выводы, указывающие на неоднородность результатов внутрифирменного обучения работников разных возрастов, что определяет целесообразность и избирательность инвестирования в человеческий капитал.

Основанная часть

Для определения идентичности опыта России и Беларуси в формировании внутрифирменных систем обучения персонала был проведен сравнительный анализ развития и наличия изменений в данных системах двух стран. Цель такого анализа – выявление общих (или разных) трендов развития системы внутрифирменного обучения. Если подтверждается гипотеза о том, что системы внутрифирменного обучения в России и Беларуси идентичны в своем развитии и происходящие изменения имеют одинаковый тренд, то существуют предпосылки для взаимного использования опыта двух стран.

Данный анализ был проведен с использованием социологического метода. Были определены мнения респондентов двух стран (Беларусь – 96 респондентов, Россия – 184) по вопросам, касающимся развития и изменений во внутрифирменном обучении (например, отношения руководства организации к внутрифирменному обучению; организационных принципов внутрифирменного обучения; целей внутрифирменного обучения в организации и т. п.).

Результаты сравнительного анализа и статистических оценок по собранным данным (анкетным) России и Беларуси представляют собой следующее.

1. В целом и в России и Беларуси одинаковое отношение руководства к обучению персонала и к развитию системы ДПО (дополнительное профессиональное образование или внутрифирменное обучение). Критериями интереса (шкала от 1 до 5) руководства к обучению явилась следующая информация респондентов: очень важное направление деятельности организации; так же важно, как другие направления работы с персоналом; полезное, но не самое важное направление работы с персоналом; вынужденная необходимость; обучение отнимает средство и время. Оценивалась связь максимальных значений по этим критериям с уровнем квалификации работников и по категориям персонала. В результате значимой (значимость на уровне 0.05 (2-сторон.)) оказалась связь отношения руководства к обучению с уровнем квалификации специалистов: Беларусь (коэффициент корреляции – 0,236), Россия (коэффициент корреляции – 0,366).

Значима связь отношения руководства к обучению с уровнем квалификации руководителей: Беларусь (коэффициент корреляции – 0,357), Россия (коэффициент корреляции – 0,326). Чем выше заинтересованность руководства организации в обучении работников, тем выше уровень квалификации руководителей и специалистов.

Существенным отличием является то, что на белорусских данных не выявлено взаимосвязи интереса руководства организации к обучению категории рабочих, а российские данные указывают на наличие прямой связи (коэффициент корреляции – 0,321). В российских организациях существует интерес руководства к внутрифирменному обучению категории рабочих.

2. В двух странах развитие инновационных принципов внутрифирменного обучения зависит от количества обучаемых работников в год. Существует прямая положительная зависимость (значимость на уровне 0.05 (2-сторон.) в Беларуси коэффициент корреляции – 0,438, в России – 0,329). Причем в Беларуси наблюдается большая заинтересованность руководства организации во внутрифирменном обучении и тем самым может прогнозироваться вовлечение большего количества работников в обучающую деятельность.

В России и Беларуси выбор целей внутрифирменного обучения имеют одинаковый тренд. Так значимым оказалось отношение руководства организаций к такой цели, как подготовка работников к выполнению других функциональных обязанностей по новой профессии, квалификации (Беларусь: коэффициент корреляции – 0,248 Беларусь, Россия: коэффициент корреляции – 0,303). Однако для белорусских организаций значимой является и такая цель, как подготовка работников в целях реализации стратегий развития предприятия.

Определена идентичность в выборе инновационных направлений во внутрифирменном обучении России и Беларуси, зависящая от ориентации на компетенции, которые будут у работников, после обучения. В таблице 1 представлены компетенции, которые сопровождают инновационное развитие организаций в России и Беларуси.

Таблица 1 – **Компетенции, сопровождающие инновационное развитие организаций в России и Беларуси**

Компетенции	Корреляция с заинтересованностью руководства	
	Беларусь	Россия
Страна		
1. Профессиональные компетенции	0,39	0,06
2. Коммуникационные компетенции	0,41	0,40
3. Самостоятельность	0,34	0,38
4. Умение работать в команде	0,35	0,45
5. Планирование работы	0,31	0,43
6. Умение решать проблемы	0,44	0,29
7. Знание иностранного языка	0,22	0,19
8. Готовность к изменениям	0,25	0,30
9. Лидерство	0,36	0,50

значимость на уровне 0.05 (2-сторон.)

Корреляционные зависимости указывают практически на одни и те же компетенции, которые выбирают в приоритетные топ-менеджмент организаций двух стран.

3. Проведена сравнительная оценка мотивации инновационных изменений в системе внутрифирменного обучения двух стран в зависимости от уровня хозяйственного состояния (прибыльная, безубыточная, убыточная) организации.

Таблица 2 – **Оценка мотивации инновационных изменений в системе внутрифирменного обучения двух стран**

Категории персонала	Уровень квалификации	Прибыльные организации		Безубыточные организации		Убыточные организации	
		Беларусь	Россия	Беларусь	Россия	Беларусь	Россия
Рабочие	недостаточный	8	7	10	3	6	2
	средний	25	21	10	9	12	2
	высокий	9	9	4	5	1	0
	Очень высокий	0	0	0	0	1	0
Специалисты	недостаточный	0	0	2	0	2	0
	средний	17	16	11	9	10	2
	высокий	24	25	11	8	8	2
	Очень высокий	1	1	0	0	0	0
Руководители	недостаточный	2	0	2	0	6	0
	средний	10	4	5	4	5	1
	высокий	17	33	15	12	6	3
	Очень высокий	13	5	2	1	3	0

Результат такой оценки показал следующее:

– как в России, так и в Беларуси прибыльные организации в целом имеют достаточно высокую степень квалификации руководителей и специалистов, что минимизирует их интерес к инновационному развитию внутрифирменного обучения;

– в двух странах безубыточные организации имеют высокий уровень квалификации у руководителей и специалистов. Однако значительное количество организаций указали на наличие среднего уровня квалификации у специалистов. Это в среднесрочной перспективе может стать предпосылкой формирования потребности в повышении уровня квалификации данной категории работников;

– принципиальная разница в оценке мотивации изменений в системе внутрифирменного обучения двух стран состоит в том, что в Беларуси для убыточных организаций характерен средний уровень квалификации у руководителей, специалистов и рабочих. В России респонденты убыточных организаций не подтверждают среднего уровня квалификации у всех категорий работников.

Поэтому, в России и Беларуси формирование мотивации инновационных изменений в системе внутрифирменного обучения в зависимости от уровня хозяйственного состояния организации будет иметь место скорее в безубыточных организациях.

Таким образом, оценки мнений респондентов в организациях России и Беларуси по вопросам, касающимся развития во внутрифирменном обучении, показали наличие одинаковых трендов в изменении системы ДПО, которые связаны с одинаковым отношением руководства к обучению персонала в организациях двух стран, с наличием зависимости использования инновационных принципов внутрифирменного обучения от количества обучаемых работников в год, с идентичной мотивацией к ДПО, которая формируется исходя из уровня хозяйственного состояния (прибыльная, безубыточная, убыточная) организации [7–8].

Идентичность трендов в развитии системы внутрифирменного обучения в России и Беларуси определяют возможности взаимного использования опыта России и Беларуси в формировании внутрифирменных систем обучения персонала.

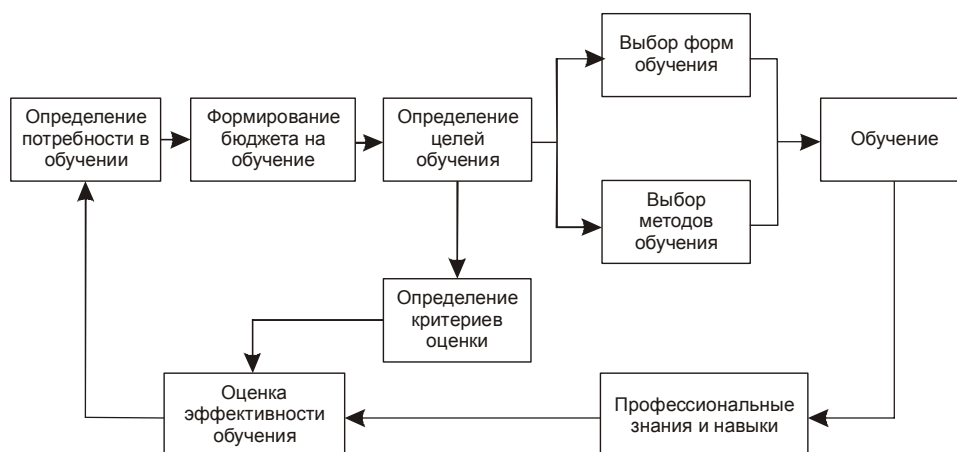
Перспективы дальнейшего развития исследований системы внутрифирменного обучения в России и Беларуси с целью практического продвижения их результатов в хозяйственную деятельность организаций могут быть отражены следующим образом.

1. Разработка и научно-практическое обоснование модели систематического внутрифирменного обучения в организациях России и Беларуси.

2. Разработка и обоснование дополнительных (или специальных) институтов, обеспечивающих организацию и развитие внутрифирменного обучения. Схема организации ДПО представлена на рисунке.

Каждый этап данной схемы предполагает специальное институциональное обеспечение. Для экономического и нормативно-правового развития организаций двух стран такое обеспечение будет индивидуальным.

3. Обоснование институционального обеспечения для организации и развитие внутрифирменного обучения на предприятиях единого экономического пространства России и Беларуси. Данное направление исследований имеет принципиальную новизну.

Организация системы внутрифирменного обучения

4. Совершенствование методов оценки внутрифирменного обучения с использованием современных технологий. На предприятиях России и Беларуси может быть апробирован и использован метод Д. Кирпатрика. Данный метод представляет собой сравнение целей (эталонного поведения) с результатами (конечным поведением), чтобы ответить на вопрос о том, насколько обучение достигло своих целей. Классическим способом такой оценки эффективности обучения является модель Дональда Кирпатрика [9], состоящая из четырех уровней (таблица 3).

Таблица 3 – Обобщенная модель Д. Кирпатрика

Уровень оценки	Название	Сущность	Метод оценки
1-й уровень	Reaction	Оценка удовлетворенности потребителей. Реакция обучаемых	Интервьюирование и анкетирование сразу после обучения
2-й уровень	Learning	Изменение установок, улучшение знаний и совершенствование навыков участников.	Тестирование до и после обучения либо отчет руководителя структурного подразделения
3-й уровень	Behavior	Изменение поведения участников на рабочем месте	Оценочные мероприятия. Наблюдения руководителя
4-й уровень	Results	Изменения, которые произошли в связи с тем, что участники прошли обучение. Влияние на результаты бизнеса.	Внутренняя сертификация

5. Изучение и исследование возможного практического использования в организациях России и Беларуси современных (инновационных) инструментов внутрифирменного обучения к которым относятся:

- Баддинг (от англ. *buddy*, приятель) – разновидность наставничества нацелена на поддержку вновь принятого в организацию работника. Если коучинг направлен на развитие сотрудника, то основная задача баддинга – поддержка;

- Профессиональный коучинг – сотрудничество между коучем (наставник) и клиентами (работник). Принципы коучинга основаны на достижениях

современной западной психологии и древней восточной мудрости. Коучинг эффективный метод работы с людьми, который внедряется в менеджмент для повышения результативности бизнеса, мотивации персонала, развития лидерских качеств. Основная задача стимулировать самообучение, чтобы в процессе деятельности человек смог сам находить и получать необходимые знания. Пример методики коучинга – коучинг-менеджмент, которая предполагает:

- создание мотивирующей и объединяющей линии поведения, которая стимулирует высокую инициативность сотрудников;
- эффективное использование потенциала работников;
- повышение производительности труда, и, как следствие, возрастание конкурентоспособности.

6. Разработка и совершенствование методик калькулирования цены внутрифирменного обучения, что позволит создать систему возмещения затрат на обучение всем категориям персонала (если в этом будет необходимость). К основным принципам таких методик относится: возможность выступления в роли инициатора обучения как организации, так и сотрудника; возможность принимать решение о субсидировании обучения на основании четких правил предоставления субсидирования обучения в зависимости от опыта работы, типа обучения; появление гарантий для организации со стороны сотрудника по отработке; правила обращения за субсидиями, наличие необходимых для предоставления субсидии документов, гарантии и компенсации в случае нарушения сотрудником ученического договора и т. п.

Заключение

Таким образом, существуют возможности взаимного использования опыта России и Беларуси в формировании внутрифирменных систем обучения персонала. Это позволяет разрабатывать механизмы практического использования эффективных практик двух стран. Идентичны в своем функционировании структура, цели, принципы и задачи внутрифирменного обучения персонала, институциональные особенности организации внутрифирменного обучения работников на предприятиях России и Беларуси, инновационные инструменты внутрифирменного обучения для разных категорий персонала с учетом возраста и стажа работников.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Эренберг, Р. Дж.** Современная экономика труда. Теория и государственная политика / Р. Дж. Эренберг, Р. С. Смит. – Москва : Изд-во МГУ, 1996. – 800 с.
2. **Gilbreth, F.** Applied motion study / F. Gilbreth, L. Gilbreth. – Easton (Pa) : Hive publishing company, 1973. – 96 p.
3. **Becker, Gary S.** Investment in human capital: a theoretical analysis / Gary S. Becker. – London : LXX (October), 1962. – 361 p.
4. **Shultz, T. W.** Human capital: policy issues and research opportunities / T. W. Shultz // Human resources, fiftieth anniversary colloquium. – 1975. – Vol. 5, № 1.
5. **Гимпельсон, В. Е.** Дефицит квалификации и навыков на рынке труда: недостаток предложения, ограничения спроса или ложные сигналы рабо-

- тодателей? / В. Е. Гимпельсон. – Москва, 2004. – 28 с. – (Препринт ГУ ВШЭ WP3 / 2004 / 01).
6. **Holmstrom, B.** Internal labor market: too many theories, too few facts / B. Holmstrom // American economic review. – 1995. – Vol. 2, № 85. – P. 9–25.
 7. Рынок труда Республики Беларусь: особенности формирования и развития / Е. В. Ванкевич [и др.] ; под науч. ред. Е. В. Ванкевич. – Витебск : УО “ВГТУ”, 2008. – 302 с.
 8. **Маковская, Н. В.** Трансформация трудовых процессов в условиях модернизации предприятий : монография / Н. В. Маковская. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – 144 с.
 9. Модель оценки эффективности обучения Дональда Киркпатрика. Режим доступа: http://www.hrm.ua/article/model_ocenki_jeffektivnosti_obuchenija_donalda_kirkpatrika

Поступила в редакцию 11.11.2015 г.

Контакты: maknata@mail.ru (Маковская Наталья Владимировна)

Makovskaya N.V., Chegerova T.I. ASSESSING THE IDENTITY OF APPROACHES TO THE ORGANIZATION OF INTRACOMPANY TRAINING IN RUSSIA AND BELARUS.

The article presents a comparative analysis of the approaches to the organization of employees' in-house training in Russia and Belarus. The assessment of the identity of the structure, objectives, principles and aims of the staff in-house training is provided. The analysis allowed to reveal the institutional features and specificity of the employees' in-house training at the enterprises of Russia and Belarus, to evaluate innovative tools of in-house training for different categories of staff with regard to their age and length of service.

Key words: in-house training, workers, human capital, investment, qualification, competencies, innovative development.

УДК 339.138

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ТОВАРА НА РЫНКЕ

Н. А. Осипенко

аспирант

Белорусский государственный экономический университет (г. Минск)

В статье представлена характеристика и обоснована роль механизма формирования системы позиционирования на предприятии. Данный механизм позволит обеспечивать эффективную реализацию позиционирования и достижение поставленных маркетинговых целей.

Ключевые слова: позиционирование, восприятие, система позиционирования, цели позиционирования, процессы позиционирования.

Введение

Достижение успеха на рынке обеспечивается при помощи различных маркетинговых инструментов, среди которых особое место занимает позиционирование. Его использование позволяет формировать конкурентные преимущества, создавать сильную позицию, решать стратегические задачи развития предприятия. Доминирующей концепцией в области позиционирования выступает ориентация на восприятие целевых потребителей, в рамках которой можно выделить два направления: а) использование существующего восприятия потребителей; б) воздействие на восприятие потребителей в целях создания необходимой позиции в их сознании. Следует отметить, что первое направление, как в литературе, так и в практической деятельности компаний преобладает. Это объясняется использованием более простой схемы действий, меньшими затратами времени и финансовых ресурсов. Однако такой подход невозможно использовать в условиях, характеризующихся отсутствием знаний потребителей о товарной категории и самом товаре, негативного или безразличного отношения к нему, отсутствием мнения, которое можно было бы использовать, а также в условиях острой конкуренции, когда наиболее значимые основания позиционирования заняты. В связи с этим возникает необходимость в осуществлении действий, направленных на формирование восприятия потребителей.

Основная часть

Необходимость формирования восприятия связана со следующими обстоятельствами:

а) восприятие формируется под влиянием различных рыночных факторов, неблагоприятное влияние которых может привести к ослаблению позиции товара. В свою очередь деятельность по формированию восприятия потребителей позволит осуществлять меры, направленные на корректировку позиции и улучшать результаты деятельности;

б) при внедрении товара на рынок формирование восприятия позволит обеспечить создание ему необходимой позиции;

в) восприятие оказывает влияние на поведение потребителей, в том числе на выбор ими товаров.

Реализация предприятием деятельности по формированию восприятия потребителей требует решения ряда организационных вопросов, а также наличия необходимых средств, инструментов, персонала и других составляющих. Таким образом, встает вопрос о создании механизма, который позволит установить необходимые связи между функциональными сферами и службами предприятия, обеспечить достижение поставленных целей позиционирования.

Изначально понятие “механизм” с греческого языка означало устройство, приводящее что-либо в действие. В последующем механизм стали связывать с системой, определяющей какой-либо порядок действий. Так, в энциклопедическом словаре под хозяйственным механизмом понимается совокупность организационных структур и конкретных форм и методов управления [1, с. 871].

Основываясь на современном значении данного понятия, на наш взгляд, под механизмом формирования системы позиционирования следует понимать упорядоченную совокупность взаимосвязанных элементов, обеспечивающих функционирование системы позиционирования на предприятии, позволяющей создать сильную позицию товара в сознании целевых потребителей путем формирования их восприятия.

Данный механизм включает следующие элементы:

- 1) Цели позиционирования.
- 2) Процессы и методы формирования восприятия товара потребителями.
- 3) Информационное обеспечение позиционирования.
- 4) Организационная структура системы позиционирования.

Цели позиционирования должны отражать результат, который предприятие желает получить по итогам реализации данного процесса. Анализ литературы показал, что одни авторы в качестве результата позиционирования рассматривают позицию или место товара в сознании потребителей, другие – восприятие потребителей. Следует отметить, что между этими понятиями существует связь. Позицию товара создает производитель (продавец), воздействуя на сознание потребителей, итогом которого и выступает необходимое восприятие. Таким образом, процесс формирования восприятия потребителей характеризует процесс позиционирования товара предприятием. При этом данный процесс имеет долгосрочный характер и требует последовательных действий во времени, что обуславливает определение системы соответствующих целей. Система целей позиционирования представлена на рисунке.

Достижение целей позиционирования предполагает осуществление процессов формирования восприятия товара потребителями с помощью определенных методов. К ним относятся:

- 1) Процессы формирования предпочтений потребителей в товаре:

– аналитические процессы, в основе которых лежат маркетинговые исследования потребителей и конкурентов, действующих на конкретном то-

варном рынке. Результатом данных процессов является определение восприятия потребителей, соответствующего идеальному образу товара, а также восприятие конкурирующих на рынке товаров, что позволит установить соответствие или разрыв между позицией идеального товара и позициями предлагаемых продуктов.

Система целей позиционирования товара

– процесс выбора основания позиционирования товара (атрибуты товара, характеристики потребителей, слабые стороны конкурентов), направленного на формирование знаний потребителей. Если в качестве основания позиционирования выступают атрибуты, то для выбора среди них наиболее подходящего предлагается использовать модель выбора атрибутов позиционирования товара. Данная модель характеризует схему последовательных действий: а) определение набора атрибутов; б) определение значимых для потребителей атрибутов; в) оценка позиций товаров конкурентов; г) опреде-

ление атрибутов для позиционирования товара; д) оценка соответствия позиционируемого товара требованиям рынка; е) оценка возможностей предприятия; ж) выбор атрибутов позиционирования товара;

– процесс установления связей между восприятием потребителей и товаром при помощи соответствующих ассоциаций, что в свою очередь характеризует эмоциональную составляющую предпочтений;

– процессы воздействия на поведение потребителей в целях стимулирования их намерений, в рамках которых могут использоваться следующие способы: преодоление ценовых барьеров, премии, конкурсы, программы лояльности, повышение воспринимаемого риска.

2) Процессы усиления мнения и отношения потребителей к товару, включающие повышение осведомленности потребителей, дифференциация товара, повышение лояльности потребителей, поддержание соответствия товара потребностям рынка. Следует отметить, что реализация данных процессов обеспечивается при помощи маркетинговых коммуникаций.

3) Процессы формирования устойчивого восприятия потребителей включают анализ факторов лояльности потребителей, поддержание соответствия товара заявленному обещанию, повышение частоты и объема покупки товара, стимулирование готовности потребителей давать рекомендации.

Реализация перечисленных процессов формирования восприятия потребителей основывается на информации, источниками которой выступают:

1) Маркетинговые исследования, проведение которых осуществляется в направлениях, представленных в таблице [2, с. 310].

Направления маркетинговых исследований при формировании восприятия потребителей

Направление исследований	Задачи исследований
Исследования потребителей товара	– исследования в целях сегментирования потребителей; – исследования существующего восприятия потребителей.
Исследования конкурентов предприятия	– исследования с целью выявления сильных и слабых сторон, конкурентных преимуществ; – исследования восприятия потребителями товаров конкурентов.

2) Информация о внутренней среде предприятия.

Предоставляется соответствующими службами и касается сведений о наличии и доступности ресурсов, необходимых для реализации процесса поддержания соответствия товара потребностям рынка. К таким сведениям могут относиться данные о материальных ресурсах, основных средствах, персонале, финансовых и других ресурсах. На основе этих данных проводится оценка ресурсных возможностей предприятия, позволяющая разрабатывать мероприятия по совершенствованию товара в целях создания его соответствия требованиям рынка.

В рамках теории менеджмента организационная структура определяет специализацию конкретных видов работ, выполняемых при решении конк-

ретных задач по достижению поставленных целей, формирование подразделений и установление связей между ними, установление уровня централизации или децентрализации управления [3, с. 185].

Исходя из этого, организационная структура системы позиционирования устанавливает связи между функциональными службами при решении ими соответствующих задач, а также их полномочия и обязанности. В основе данной структуры стоит служба маркетинга предприятия, координирующая действия других функциональных служб и производственных подразделений при необходимости их участия в процессе создания товара, соответствующего потребностям и требованиям рынка, или его совершенствования до определенного уровня, что в свою очередь позволит обеспечить эффективную реализацию позиционирования. Непосредственно функцию координации должен осуществлять сотрудник службы маркетинга, который несет ответственность за разработку позиции товара и являющийся при этом руководителем комитета, в состав которого входят представители соответствующих функциональных служб. В свою очередь включение данных служб в состав комитета определяется решениями, необходимыми для разработки и реализации позиционирования. Речь идет о его функциях: согласование решений между функциональными службами, организация планирования процессов позиционирования, мотивация персонала, занятого реализацией процессов позиционирования, контроль результатов позиционирования.

Внутренняя структура службы маркетинга также должна соответствовать эффективной реализации процессов позиционирования. С этой точки зрения важным является наличие функций, осуществление которых обеспечивает решение требуемых задач. К ним следует отнести: организацию маркетинговых исследований, мониторинг рынка и позиции товара, разработку позиции товара, реализацию мероприятий по формированию восприятия целевых потребителей, текущий контроль реализации мероприятий.

Механизм формирования системы позиционирования позволяет провести ее оценку с точки зрения наличия необходимых элементов, а также их эффективного функционирования и использования. Такая оценка проводилась на примере ОАО «Лента». В результате проведенного исследования было выявлено, что целостный механизм формирования системы позиционирования на предприятии отсутствует. При этом имеются такие его элементы, как информационное обеспечение и цели, выражающиеся в отдельных функциях отдела маркетинга. Однако данные элементы сформированы в недостаточном объеме, что не позволяет эффективно и полноценно их использовать. Так, информационное обеспечение представлено результатами мониторинга цен конкурентов, исследований удовлетворенности потребителей – организаций. Функции отдела маркетинга, которые позволяют решать отдельные задачи позиционирования при этом не в полном объеме, сводятся к разработке рекламных мероприятий по продвижению ассортимента продукции, определению направлений изменения характеристик продукции в целях улучшения потребительских свойств, исследования этих свойств и удовлетворенности потребителей, использование способов стимулирования покупателей. Также на предприятии отсутствует четкое понимание позиционирования как процесса и его результатов. Следует отметить, что отсутствует методическое

обеспечение позиционирования и соответствующая организационная структура. В связи с этим требуется решение ряда задач, связанных с формированием системы позиционирования на предприятии, что позволит создавать сильную позицию на рынке и более эффективно адаптироваться к внешним условиям.

Заключение

Таким образом, создание механизма формирования восприятия потребителей на предприятии позволит обеспечить решение задач позиционирования товара на рынке, что в свою очередь сформирует такие возможности, как создание сильной позиции на рынке, повышение эффективности деятельности, укрепление финансового состояния, увеличение доли рынка. Функционирование данного механизма зависит от наличия соответствующих элементов, при отсутствии которых требуется предпринять необходимые действия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Барихин, А. Б.** Экономика и право : энциклопедический словарь / А. Б. Барихин. – М. : Книжный мир, 2000. – 928 с.
2. **Осипенко, Н. А.** Маркетинговое исследование восприятия товара потребителями / Н. А. Осипенко // Менеджмент и маркетинг: опыт и проблемы : сборник научных трудов / под общей редакцией д.э.н., проф. И. Л. Акулича. – Минск : А. Н. Вараксин, 2015. – С. 310–313
3. **Гончаров, В. И.** Менеджмент : учеб. пособие / В. И. Гончаров. – Минск : Современная школа, 2010. – 640 с.

Поступила в редакцию 26.11.2015 г.

Контакты: (+ 375 29) 242-58-16 (Осипенко Наталья Александровна)

Osipenko N.A. THE MECHANISM TO FORM MARKET GOODS POSITIONING SYSTEM.

The article presents the description of the mechanism employed to form the positioning system at the enterprise. The mechanism allows to ensure the effective implementation of positioning and the achievement of marketing objectives.

Key words: positioning, perception, positioning system, targets of positioning, positioning processes.

УДК 330.32

ПРИРОДНЫЙ КАПИТАЛ В СИСТЕМЕ “ЗЕЛеноЙ ЭКОНОМИКИ”

А. П. Чуракова

аспирант

Белорусский государственный экономический университет (г. Минск)

В статье рассмотрены особенности воспроизводства природного капитала. Определены факторы и условия его накопления, сохранения и эффективного использования в контексте достижения экономической, социальной и экологической эффективности. Раскрыто содержание “зеленой экономики” и ее механизмов, обеспечивающих преимущественно интенсивный тип расширенного воспроизводства природного капитала. Освещены тенденции накопления, сохранения и эффективного использования природного капитала в системе “зеленой экономики” Республики Беларусь.

Ключевые слова: природный капитал, “зеленая экономика”, устойчивое развитие, общественное воспроизводство.

Введение

Рыночный механизм не всегда способен функционировать эффективно. К проявлениям такой неэффективности в настоящее время относятся исчерпание природных ресурсов, рост загрязнения и деградации окружающей среды, изменение климата, сокращение биологического разнообразия, при этом рост благосостояния часто не позволяет повысить качество жизни населения. В этой связи природный капитал остается ключевым фактором экономической динамики, а его накопление, сохранение и эффективное использование определяет возможности устойчивого развития общества. Решение этих проблем на повестку дня ставит необходимость реализации императивов “зеленой экономики”, предполагающих достижение парето-эффективного состояния за счет развития природосберегающих производств и обеспечения экологической безопасности человека и человечества.

Основная часть

В условиях нарастающей исчерпаемости многих природных ресурсов и усиливающейся антропогенной нагрузки, стремящуюся за пределы отведенной человечеству ресурсной базы земли, остро стоит проблема обеспечения различными субстанциональными формами природного капитала как нынешнего, так и будущих поколений. Он является одним из атрибутов рыночной экономики, участвует в формировании системы факторов производства, обладает свойствами субституциональности и комплементарности. Соответственно, ему присуща определенная и изменяющаяся в связи с научно-технологическим прогрессом норма технологического замещения, при этом без его участия осуществление процесса производства не представляется воз-

можным на всем протяжении истории человечества. Потребление природного капитала происходит на всех уровнях экономических взаимодействий, а ускоряющийся разрыв в темпах роста потребления природного капитала и скорости его восстановления определяют необходимость накопления, сохранения и эффективного использования данного капитала.

Накопление природного капитала следует рассматривать как процесс увеличения производственных возможностей использования природных ресурсов посредством их количественного и качественного приращения, выявления новых свойств и способов хозяйственного применения с целью получения дохода.

Так, например, при рациональном использовании земля не только не изнашивается, но и может улучшаться. При этом экономическое плодородие земли повышается, хотя количественно ее площадь может и сокращаться. Создавая ирригационные системы, осуществляя рекультивационные мероприятия и применяя интенсивные системы земледелия, можно повысить почвенное плодородие и урожайность. Научные и технико-технологические достижения позволяют использовать ресурсы-субституты, например, все более широко внедряются технологии опреснения морской воды. Соответственно, обеспечение дополнительного инвестирования может интенсифицировать и гармонизировать процесс накопления природного капитала.

Инвестициями в природный капитал могут выступать вложения в разведку ресурсов, в освоение (разработку) природных объектов, в улучшение их качества, в экологически чистые, ресурсосберегающие и ресурсозамещающие технологии, позволяющие повысить эффективность функционирования природного капитала.

Сохранение природного капитала состоит в обеспечении условий его использования, в объеме, достаточном для непрерывности процесса потребления и возможности воспроизводства данного капитала, при этом желательно расширенного его типа. Стоит отметить, что сохранение природного капитала обусловлено не только его эксплуатационной ценностью, но и необходимостью удовлетворения экологических потребностей, нивелирования угроз экологического кризиса. Ведь природоразрушающее производство равносильно самоуничтожению человечества как вида. Природу можно так допреобразовывать, что ее субстанциональная структура примет формы несовместимые с человеческой жизнедеятельностью. Существуют подходы, согласно которым произведенный человеком и природный капитал полностью взаимозаменяемы [1]. Однако они не выдерживают критики. Так, например, можно восстановить лес, но не природную лесную экосистему, гипотетически на стройке можно обойтись без древесины, но никак, даже гипотетически, не обойтись без земли.

Сохранение природного капитала должно базироваться не только на экономическом расчете, но, что наиболее важно, – на бережном отношении к природе, предусматривающем использование самых современных экологически безопасных, ресурсосберегающих и природоподобных технологий. Условиями его сохранения выступают: эксплуатация возобновляемых природных ресурсов должна нарастать темпами более низкими или равными темпам их естественного восстановления; производство отходов и выбросов не-

обходимо допускать в объемах, не превышающих естественной и (или) искусственной способности экосистемы к их поглощению; расширяющаяся заменяемость природных ресурсов технологически новыми продуктами [2]. К этому следует добавить углубление переработки природных ресурсов вплоть до создания и расширения безотходных технологий.

Экономическая эффективность использования природного капитала представляет собой соотношение полученных при заданных объемах производимой при его посредстве продукции результатов с затратами данного капитала. Она предполагает полное использование изъятых из природы ресурсов путем сокращения потерь при добыче, оптимизации процессов обогащения и углубление переработки природного сырья. В рамках экономической эффективности использование природного капитала нацелено на максимизацию прибыли.

Вместе с тем, если во главу угла поставить лишь экономическую эффективность использования природного капитала и не брать во внимание экологической и социальной эффективности его использования, то можно не просто ухудшить состояние окружающей среды, но придти к настоящей эколого-социальной катастрофе. Общеизвестно, что система чисто рыночных отношений не нацелена на решение экологических и социальных проблем и поэтому для достижения экологической и социальной эффективности она должна быть дополнена системой общественного и государственного регулирования.

На эффективное использование природного капитала также оказывают влияние особенности формирования экономических отношений между участниками процесса воспроизводства [3, с. 12]. Так, например, в ходе использования воспроизводимых ресурсов подземных вод возникают экономические отношения по поводу их присвоения-отчуждения, которые обуславливают потребление последних теми или иными субъектами. Если же воды не используются, то они могут и терять свою потребительную стоимость, тоже может быть и по поводу лесных ресурсов, когда перестоявшийся лес начинает болеть и захламляться и т. п. То есть потребление природного капитала далеко не всегда приводит к его уничтожению и может даже инспирировать его качественное совершенствование и прирост в долгосрочном периоде. Это ставит на повестку дня системное структурирование субстанционального состава природного капитала с целью выделения невозпроизводимых и воспроизводимых его частей. При этом воспроизводимые его части следует подразделить на совершенствуемый в данном процессе природный капитал и несовершенствуемый. Это обеспечит информационную базу для управленческих решений, нацеленных не только на количественное приращение природного капитала, но и на его качественное совершенствование.

В концепции постиндустриального общества подчеркивается, что повышение эффективности использования природного капитала связано с переходом от индустриальной структуры экономики к постиндустриальной, предполагающей стабилизацию объемов производства природоэксплуатирующих отраслей на уровне необходимого минимума, одновременно с интенсивным развитием верхних структурных слоев экономики, производящих сложные товары и услуги (в частности, интеллектуальные продукты) и основанных не

на изъятии как можно большего количества ресурсов из экосистемы, а на использовании передовых научно-технических достижений и высококвалифицированного труда, позволяющих в определенные периоды даже возвращать в экосистему изъятые из нее ресурсы [4]. При этом устойчивое развитие предполагает прирост природного капитала, не столько в стоимостном, сколько в натурально-вещественном смысле, поскольку стоимость природного капитала может расти и при его частичной деградации, в результате которой некоторые структурные компоненты природного капитала становятся достаточно редкими, а поэтому и дорогими.

Таким образом, правомерным представляется, что накопление, сохранение и эффективное использование природного капитала невозможно без осуществления экономических, социальных и экологических преобразований, позволяющих исправлять дефекты рынка и обеспечивать экологоориентированные императивы экономической динамики. В свою очередь, непротиворечивое развитие социально-экономической и природной среды базируется на новой парадигме хозяйствования, в качестве которой в настоящее время выступает «зеленая экономика».

«Зеленая экономика» представляет собой совокупность технологических, экономических и организационных мероприятий, направленных на одновременное использование экономического и экологического потенциала природных ресурсов, позволяющих реализовывать экономическую, экологическую и социальную эффективность.

Индустриальная экономика породила рост разрушающих окружающую среду загрязняющих отходов, а также ряд довольно опасных для нее производств. Традиционные технологии исходят из предпосылки неограниченного распоряжения природными ресурсами. Однако ввиду экологических границ расточительное использование этих ресурсов недопустимо, так как природоразрушительное производство и поведение человека может привести к гибели человечества [5, с. 3–4]. Преодоление этих тенденций является вопросом жизни и смерти человеческой цивилизации. Поэтому технологии в сфере ресурсосбережения составляют основу «зеленой экономики» и направлены на радикальное повышение эффективности использования природного капитала, снижению ресурсоемкости, сокращению воздействия на биосферу и создания комфортных условий для человеческой жизнедеятельности. О необходимости трансформации экономических отношений, технологического перевооружения, развития низко- и безуглеродных технологий, увеличения использования возобновляемых источников энергии и вторичных ресурсов, развития городов в целях сохранения климата и окружающей среды также было заявлено и на Парижском климатическом саммите 2015 г.

В этом плане Л. Н. Давыденко верно подмечено, что всякая экономия минерального сырья практически означает относительное снижение потребности во вновь производимом сырье, следовательно, позволяет уменьшить отрицательное воздействие на окружающую среду процессов его добычи и переработки [6]. Внедрение ресурсосберегающих и природоохраняющих инноваций, осуществляемых на принципах мало- и безотходных технологических процессов в производстве, дает возможность сократить расходы на осуществление дорогостоящих природоохраняющих мероприятий и способствует бо-

лее рациональному использованию природных ресурсов. Развитие малоотходных и ресурсосберегающих технологий также связано с созданием замкнутых технологических циклов, с полным использованием поступающего сырья без внешних отрицательных эффектов в окружающей среде.

Как подчеркивают С. Н. Бобылев и А. Ш. Ходжаев, поэтапная трансформация традиционных технологий в малоотходные и ресурсосберегающие позволит постепенно перейти от открытых производственных систем со свободным входом ресурсов и выходом отходов к полукрытым с частичным использованием извлекаемых материалов и очисткой отходов, а затем и к системам закрытого типа с полной переработкой и утилизацией всех поступающих ресурсов и отходов и прекращением загрязнения последними окружающей среды. Малоотходные технологии и технологии глубокой переработки дают возможность существенно уменьшить количество разрабатываемых месторождений, сохранить для будущих поколений запасы исчерпаемых, невозобновимых природных ресурсов. О потенциале малоотходных технологий говорит и то, что в настоящее время из-за несовершенства технологий добычи в земле остается до 70% нефти, 30% угля, 20% железной руды [7, с. 173].

Природный капитал также является фундаментальным фактором экономического развития Республики Беларусь, учитывая сформировавшиеся индустриальные и сырьевые приоритеты экономики, актуализируется его накопление, сохранение и эффективное использование в целях сохранения благоприятной окружающей среды и обеспечения динамично развивающейся производственной деятельности. Особенно это актуально для таких элементов природного капитала республики, как земельные, лесные, водные, минеральные, экотуристические, охотничье-промысловые ресурсы.

В условиях зависимости от внешних энергетических ресурсов, не вызывает сомнения необходимость развития возобновляемых и альтернативных источников энергии, среди которых наиболее актуально использование древесного и торфяного топлива, биогаза, геотермальной, гидро-, ветро- и гелиоэнергии. Укрепление энергетической безопасности путем развития собственной энергосырьевой базы, снижения энергоемкости ВВП закреплено в новой редакции Директивы № 3, принятой в январе 2016 г., которая предусматривает обеспечение к 2020 г. доли производства (добычи) первичной энергии из возобновляемых источников энергии в валовом потреблении топливно-энергетических ресурсов не менее 6 процентов [8].

В сфере землепользования необходимым условием при переходе к “зеленой экономике” является применение экологически чистых технологий производства, безопасных средств защиты растений, комплексных минеральных удобрений, методов селекции животных, биотехнологий заготовки и сохранения качества кормов, использования биогаза и органических удобрений, а также внедрения технологий обработки почвы, позволяющих максимально эффективно реализовать естественный потенциал земельных ресурсов, позволяющих обеспечить производство и экспорт экологически чистых продуктов питания с относительно невысокой нагрузкой на окружающую среду.

Остаются значимыми вопросы сохранения и повышения качества питьевой воды, в том числе обеспечения водой из артезианских источников всех

жителей крупных городов, а также перехода к центральному водоснабжению в сельских местностях. Должное внимание необходимо уделить на запас минеральных лечебных и столовых вод, которые могут служить основой для развития как санаторно-курортной деятельности, так и внешних поставок этих ценных природных ресурсов. Следует отметить, что уровень использования подземных минеральных вод составляет лишь 3% от имеющегося количества, и при высокой обеспеченности водными ресурсами, в структуре оптовых продаж минеральной воды доля вод отечественного производства составила 66,2% в 2014 г. [9, с. 202].

Изменение климата способствует появлению новых климатических зон на территории республики, возникновению неблагоприятных метеорологических явлений, что увеличивает необходимость своевременной адаптации и реструктуризации посадки лесов. Поэтому воспроизводство лесных ресурсов следует рассматривать в контексте обеспечения экологического равновесия всего европейского континента. Реализация эколого-экономических возможностей белорусских лесов требует комплексного развития лесной инфраструктуры и сферы экологических услуг, повышения эффективности лесозаготовки, лесопосадки и деревообработки в направлении увеличения количества переделов. При этом не следует сбрасывать со счетов такую ресурсную базу белорусских лесных угодий и болот, как ягодники, грибы, лекарственные травы и экологические оздоровительно-лечебные услуги.

Болота, являясь источником образования и накопления торфа, также участвуют в регулировании температурного режима. В настоящее время добыча торфа в республике определяется потребностями промышленности. Однако с позиции накопления и эффективного использования природного капитала повышается значимость использования торфа для производства многоцелевых гуматсодержащих субстратов, сорбционных материалов широкого спектра, включая активированные угли, биологически активные ростовые вещества, кормовые добавки, препараты фунгицидного действия. Добавленная стоимость такой продукции значительно выше стоимости торфа используемого для энергетических целей [10, с. 3].

Несмотря на наличие значительных запасов минерально-сырьевых ресурсов, а также на достижения белорусской науки в области изучения недр на больших глубинах, эффективность использования минеральных ресурсов остается низкой ввиду недостатка собственных современных технологий добычи, обогащения полезных ископаемых.

Таким образом, к задачам накопления, сохранения и эффективного природного капитала Республики Беларусь в контексте “зеленой экономики” следует отнести инвентаризацию имеющихся в стране природных ресурсов, выявление возможностей их альтернативного использования и соответствия целям и темпам экономического развития, обоснование перспектив развития определенных производств в зависимости от состояния окружающей среды, регулирование темпов роста экономики в связи с ограничениями некоторых видов ресурсов и экологических последствий их использования, ограничение потребления некоторых природных ресурсов в интересах будущих поколений, обоснование стратегических задач и решений в области взаимосвязанного решения экономических и экологических проблем, определение воз-

возможностей разведки природных ресурсов и влияние научно-технологического прогресса на этот процесс.

Заключение

Природный капитал в системе общественного воспроизводства обладает не только эксплуатационной ценностью и участвует в производственно-экономических процессах, но также является фактором удовлетворения экологических потребностей и обеспечения экологической безопасности. Поэтому представляется, что наиболее полное использование естественных богатств, сохранение и даже улучшение состояния окружающей среды возможно посредством реализации “зеленой экономики”, которая направлена на гармонизацию экономической, социальной и экологической систем и достижение экологических императивов при высокой экономической динамике и социальной стабильности. Условиями и факторами накопления, сохранения и эффективного использования природного капитала в контексте “зеленой экономики” выступают полное и рациональное использование изъятых из природы ресурсов путем сокращения потерь при добыче, оптимизации процессов обогащения и углубление переработки природного сырья; расширению их заменяемости новыми продуктами; внедрении ресурсосберегающих и природоохраняющих инноваций; осуществлении инвестиций в разведку ресурсов, в освоение природных объектов, в улучшение их качества, в экологически чистые, ресурсосберегающие, ресурсозамещающие и природоподобные технологии; соответствующее научно-технологическое, институциональное и кадровое обеспечение.

Таким образом, реализация концепции “зеленой экономики”, предусматривающая активизацию инновационной деятельности в области воспроизводства природного капитала, позволяет обеспечить рост парето-эффективности экономических, экологических и социальных взаимодействий в контексте достижения целей устойчивого развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Pearce, D. W.** Capital theory and the measurement of sustainable development: an indicator of “weak” sustainability / David W. Pearce and Giles D. Atkinson // Ecological Economics [Electronic resource]. – 1993. – Vol. 8. – Issue 2. – P. 103–108. – 1993. – Mode of access: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/0921800993900399>. – Date of access: 25.09.2015.
2. **Daly, H.** Toward Some Operational Principles of Sustainable Development / H. Daly // Ecological Economics. – 1990. – No 2. – P. 1–6.
3. **Евсеев, К. А.** Совершенствование условий воспроизводства природных ресурсов : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / К. А. Евсеев ; Московск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2011. – 33 с.
4. **Иноземцев, В. Л.** За пределами экономического общества : научное издание. – М. : Academia – Наука, 1998. – 640 с.
5. **Бондарь, А. В.** Экономика знаний: ретроспективно-перспективный анализ / А. В. Бондарь, М. А. Бондарь // Вестник ПГУ. – 2011. – № 5. – С. 2–8.
6. **Давыденко, Л. Н.** Местные природные ресурсы как залог иностранных инвестиций / Л. Н. Давыденко // Природные ресурсы. – 2012. – № 1. – С. 113–120.

7. **Бобылев, С. Н.** Экономика природопользования : учебник / С. Н. Бобылев, А. Ш. Ходжаев. – Москва, 2003. – 567 с.
8. О внесении изменений и дополнений в Директиву Президента Республики Беларусь № 3 [Электронный ресурс] / Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь President.gov.by. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/ukaz-26-ot-26-janvarja-2016-g-12976/. – Дата доступа: 28.01.2016
9. Розничная и оптовая торговля, общественное питание в Республике Беларусь: статистический сборник / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2015. – 229 с.
10. Торф: добыть и не навредить / М. Гулякевич // Веды [Электронный ресурс]. – 2013. – 13. – Режим доступа: <http://gazeta-navuka.by/images/electronic-catalog/25.03.13.pdf>. – Дата доступа: 23.09.2015.

Поступила в редакцию 12.01.2016 г.

Контакты: hannachurakova@gmail.com (Чуракова Анна Петровна).

Churakova A.P. NATURAL CAPITAL IN THE 'GREEN ECONOMY' SYSTEM.

The features of natural capital reproduction are considered in the article. The factors and conditions of its accumulation, preservation and effective use in the context of economic, social and environmental efficiency are revealed. The nature of the concept "green economy" and its mechanisms for a principally intensive type of natural capital reproduction is disclosed. The trends of accumulation, conservation and efficient use of natural capital in the "green economy" of the Republic of Belarus are highlighted.

Key words: natural capital, "green economy", sustainable development, social reproduction.

УДК 314.145.2

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

С. Н. Лихачева

кандидат социологических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье на основе статистических и социологических данных рассматриваются особенности демографических процессов в Могилевской области. Сделан анализ демографического поведения как научной категории. Выявлены основные тенденции репродуктивного поведения населения, в том числе в зависимости от пола, типа населенного пункта и стажа семейной жизни. Рассмотрены миграционные настроения жителей области.

Ключевые слова: демографическое поведение, репродуктивные установки, семья, воспроизводство населения, депопуляция, мобильность, миграция, миграционные настроения.

Введение

В последние годы исследование демографического поведения все больше привлекает внимание специалистов: демографов, социологов, экономистов, психологов. Они отмечают серьезность последствий его изменения для социально-демографической структуры населения страны, трудовых ресурсов, социально-культурного потенциала. Современная демографическая реальность через призму статистических данных демонстрирует тот факт, что за последние 15 лет население страны сократилось примерно на полмиллиона человек.

Особенностью демографических процессов является отдаленность их последствий по сравнению, например, с политическими или экономическими. Общество не всегда осознает глубину социальных изменений, связанных с рождаемостью и смертностью, миграцией, самосохранительным поведением и т. д. Более явно эти последствия прослеживаются в регионах, где отмечается изменение половозрастной структуры, депопуляция и даже исчезновение целых населенных пунктов.

Большую актуальность исследование демографического поведения приобретает для построения социально-экономических прогнозов, развития инфраструктуры, социальной сферы как на уровне всего общества, так и отдельных его регионов.

Основная часть

Понятие демографического поведения занимает одно из центральных мест в демографии и исследованиях, связанных с воспроизводством населения, рассмотрением его как важнейшего капитала общества. В широком по-

© Лихачева С. Н., 2016

нимании оно охватывает целый комплекс действий человека и социальных групп, который влияет на состояние демографической ситуации. В узком понимании оно рассматривается как процессы, связанные с воспроизводством населения. “Демографическое поведение – система действий и отношений, опосредующих достижение того или иного результата в отношении деторождения, брачного статуса, здоровья и продолжительности жизни” [1, с. 208]. В нем выделяют такие аспекты воспроизводства населения, как матримониальное, репродуктивное и сексуальное поведение [2, с. 520]. Белорусский исследователь Л.П. Шахотько определяет данный феномен как “систему действий и отношений, опосредствующих демографические поступки, явления. Это такая сторона деятельности индивида, семей и других малых групп, которая непосредственно ведет к сохранению или изменению их демографического статуса” [3, с. 127].

Демографическое поведение тесно связано с категорией демографическое сознание, “под которым понимается совокупность социальных и социально-психологических норм, определяющих отношение людей к браку, деторождению, а также к здоровью – своему и окружающих, т. е. норм, регулирующих воспроизводство населения. Для нормального воспроизводства населения важно, когда и в каких условиях формируется семья, насколько она стабильна, в какой мере обеспечивается в ней возобновление поколений” [4, с. 211]. Семья является одним из важнейших институтов общества, поэтому, основываясь на том, в каком состоянии она находится, насколько эффективно способна выполнять свои основные функции, можно судить об общественном развитии и положении дел на общегосударственном уровне.

Государство заинтересовано в создании здоровой прочной семьи, однако статистика свидетельствует, что современные трансформационные процессы достаточно болезненно отразились на ее состоянии. Демографы фиксируют невысокую рождаемость, социологи отмечают рост асоциальных семей, падение нравственных устоев семейного воспитания и др. Прямое воздействие на демографическое поведение индивидов с целью увеличения рождаемости, сдерживания нежелательной миграции, призывы вести здоровый образ жизни не приносят существенных результатов, что связано в первую очередь с изменением системы ценностных ориентаций. Исследования показывают, что в модернистской семье “каждый из супругов ждет от брака того, что “не заложено” в его природе как социальном институте – эротике (вплоть до “романтической” любви) и счастья, то есть личностной самореализации, а рождение ребенка рассматривается как исполнение хотя и важной, но не первоочередной нужды” [5, с. 49]. Поэтому значение демографической политики возрастает в контексте укрепления семейных ценностей и постепенного формирования у подрастающих поколений потребности в трех-четырех детях. Необходимо отметить, что в последние годы в стране наблюдается снижение убыли населения, что можно связать в том числе и с проводимыми мероприятиями семейной политики (таблица 1).

Таблица 1 – Естественный прирост, убыль (-) населения, тыс. человек [6]

1996	2005	2010	2011	2012	2013	2014
- 37,6	-51,4	-29,1	-25,9	-10,6	- 7,3	- 3,0

Однако от 2015 г. позитивных сдвигов ожидать не приходится. В первом полугодии 2015 г. родилось 56,5 тыс. детей, т. е. на 0,8 тыс. меньше, чем в аналогичный период 2014 г. В результате общий коэффициент рождаемости в целом по республике составил 12,0‰, что на 0,2 промильных пункта ниже, чем в 2014 г., т. е. по-прежнему не обеспечивается простое воспроизводство населения. Наибольшее сокращение общего коэффициента рождаемости наблюдалось в Могилевской и Брестской областях. Сохраняются высокими показатели смертности (13‰) [7, с. 49–50].

В Могилевской области отмечается ежегодное снижение численности населения (2001 г. – 1197,1 тыс. чел, 2010 г. – 1097,3 тыс. чел, 2015 г. – 1070,8 тыс. чел.), а по количеству сельских жителей она находится на последнем месте среди остальных регионов – 224,4 тыс. чел. [8]. В этой связи актуально изучение влияния аварии на ЧАЭС в 1986 г., хотя исследования показывают, что с начала 1990-х гг. в Могилевской и Гомельской областях «ведущими стали явления и процессы новой социальной, политической и экономической реальности, что было характерно для демографического развития Республики Беларусь в целом. А значит и уменьшением роли «чернобыльского» фактора в депопуляционном развитии» [9, с. 228]. Сокращение населения происходит в первую очередь в периферийных районах, вызывая значительное уменьшение трудовых ресурсов, влияет на состояние экономики и других сфер. В целях комплексного социально-экономического развития юго-восточного региона Могилевской области и создания благоприятных условий для проживания населения 8 июля 2015 г. Президентом Республики Беларусь был подписан Указ № 235 «О социально-экономическом развитии юго-восточного региона Могилевской области» [10], на основе которого была принята областная программа конкретных мероприятий.

Различные аспекты демографического поведения как воспроизводства населения изучались Могилевским институтом региональных социально-политических исследований в 2015 г. Традиционно в социологии рассматривается репродуктивное поведение через призму идеального, желаемого и реального числа детей. В ходе опроса было предложено респондентам определить, какое количество детей в современной белорусской семье является оптимальным, в том числе и для минимизации проблемы невысокой рождаемости. Так, считают, что в белорусской семье должно быть трое детей – 23,5%, более трех – 3,7%. Большинство опрошенных респондентов (61,0%) придерживается точки зрения о необходимости наличия двух детей. Возможность иметь в семье не более одного ребенка отметили 8,6% респондентов.

Ответы жителей Могилевской области относительно идеального числа детей в семье позволяют проанализировать социальные представления о нормах детности, характерных для современных белорусов. Общий демографический настрой в современном белорусском обществе имеет направленность на минимизацию детности. Основная часть опрошенных придержива-

ется курса на одно-двухдетную семью. Как видим, ценность и престиж большой семьи, как это было принято у прежних поколений, в обществе практически отсутствует (таблица 2).

Таблица 2 – **Распределение ответов на вопрос: “Сколько детей должно быть в современной белорусской семье?”, %**

Предполагаемое количество детей в современной белорусской семье	Крупный город	Райцентр	Село
Один ребенок	10,2	6,3	6,3
Двое детей	65,3	62,0	45,0
Трое детей	18,8	24,1	38,7
Более трех детей	3,1	3,2	6,3

Данные таблицы показывают, что в сельской местности несколько чаще высказывается точка зрения относительно желательности трехдетной семьи, а в городе более популярна семья с двумя детьми. Таким образом, можно предположить, что в целом население сельской местности лояльнее относится к семьям с тремя детьми, и ценность такой семьи в селе несколько выше, чем в городе. Некоторые отличия имеются в ответах мужчин и женщин (рисунок 1).

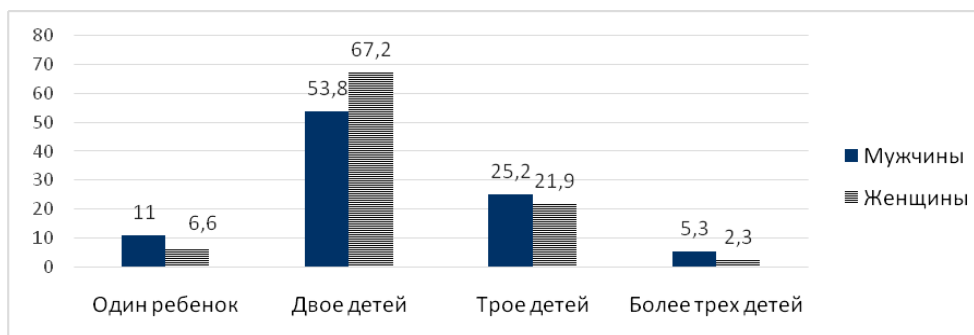

Рисунок 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос: “Сколько детей должно быть в современной белорусской семье?”, по полу, %

Распределение ответов по поводу идеального числа детей показывает, что у женщин меньше выражена установка на многодетность, но и однодетной семье они отдают меньше предпочтений по сравнению с мужчинами. Молодые семьи также не считают многодетную семью идеальной для себя (таблица 3).

Таблица 3 – **Распределение ответов на вопрос: “Сколько детей должно быть в современной белорусской семье?”, в зависимости от семейного стажа, %**

Предполагаемое количество детей в современной белорусской семье	До 1 года	1–3 года	3–7 лет	Более 7 лет
Один ребенок	9,1	11,7	6,7	7,5
Двое детей	66,7	51,7	61,9	62,1
Трое детей	21,2	31,7	27,6	22,9
Более трех детей	–	3,3	1,9	4,4

Таким образом, распределение ответов населения в зависимости от стажа семейной жизни не вселяет уверенности, что модель семьи в представлениях граждан изменится в ближайшее время, так как молодые супруги предпочитают малодетную семью, и маловероятно, что их установки изменятся в ближайшие годы.

Идеальное представление о количестве детей в современной семье перекликается с их желаемым числом в собственной семье. Ответы на вопрос: “Сколько детей вы хотели бы иметь в своей семье?” показывают, что жители области придерживаются преимущественно двухдетной семьи и только каждый четвертый хотел бы иметь троих и более детей (одного ребенка – 8,9%, двоих детей – 58,9%, троих детей – 23,6%, более троих детей – 3,5%). Желание иметь определенное количество детей в семье находится в определенной зависимости от типа населенного пункта (таблица 4).

Таблица 4 – **Распределение ответов на вопрос: “Сколько детей вы хотели бы иметь в своей семье?”, в зависимости от типа населенного пункта, %**

Желаемое количество детей в семье	Крупный город	Райцентр	Село
Один ребенок	9,9	7,6	7,2
Два ребенка	61,1	60,1	49,5
Три ребенка	21,1	23,4	32,4
Более трех детей	3,4	1,9	6,3

Можно отметить несколько большую ориентированность жителей сельской местности в отношении рождения троих и более детей. Возможно такая тенденция может быть связана с тем, что дети в сельской местности чаще, чем в городе, воспринимаются как помощники в подсобном хозяйстве, а также тем, что иногда именно детское пособие, в условиях отсутствия рабочего места на селе, может являться основным финансовым обеспечением семьи. Сказывается также большая приверженность традиционным ценностям сельчан. Оптимальное количество детей в данном случае есть представление супругов о числе детей в целом, без учета личностного подхода, то есть это суждение о социальной норме детности. В обществе сформировалась достаточно стойкая позиция о том, что современная семья должна состоять из родителей и двоих детей. Это подтверждает и распределение ответов респондентов по полу (рисунок 2).

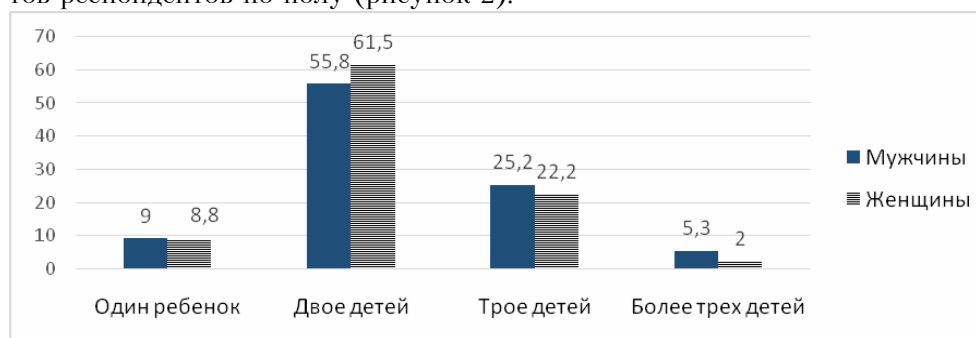

Рисунок 2 – **Распределение ответов на вопрос: “Сколько детей вы хотели бы иметь в своей семье?”, по полу, %**

В предпочтениях относительно собственной семьи женщины и мужчины почти единогласны и хотели бы преимущественно двоих детей. Однако это пока только желаемое число, в реальности оно существенно меньше. Так, среди участников опроса одного ребенка имеет 36,9%, двоих – 42,6%, троих и более – 6,4%, а 14,1% – детей не имеют. Таким образом многодетную семью имеет небольшое число респондентов, и можно предположить, что многие так и останутся в лучшем случае на двоих детях. За несколько последних десятилетий сложилось суженое воспроизводство населения, которое неминуемо ведет к депопуляции.

Немаловажную роль в последнее время в численности населения стал играть миграционный фактор. По официальным статистическим данным в страну въезжает больше людей, чем ее покидает (таблица 5).

Таблица 5 – Миграционный прирост, убыль, тыс. человек [6]

1995	2001	2006	2011	2012	2013	2014
- 0,2	+ 9,1	+ 5,6	+ 9,9	+ 9,3	+ 11,6	+ 15,7

Таким образом, миграция содействует решению проблемы демографического кризиса, однако только на нее делать ставку не приходится. Тем более что дать точную статистическую оценку внешней миграции достаточно затруднительно. Если переезд за границу происходит без изменения регистрации, то он статистикой не учитывается. Открытость границы между Республикой Беларусь и Российской Федерацией позволяет без какой-либо документальной фиксации перемещаться на любой срок и с любой целью. Как правило, таких мигрантов сложно учесть и при переписи населения. Поэтому важно миграционные настроения населения анализировать на основе результатов социологических исследований.

Социологический контекст изучения данной проблемы приобретает особое значение, так как миграция не сводится только к перемещению на другую территорию, а является более сложным явлением, включающим формирование установок на переезд, само переселение и адаптацию мигрантов на новом месте, в том числе освоение языка, традиций и уклада жизни, если миграция внешняя. Мобильность населения Могилевской области, в том числе и миграционные настроения были изучены методом анкетного опроса (таблица 6).

Таблица 6 – Распределение ответов на вопрос: “Планируете ли вы выехать за границу? С какой целью?”, %

Варианты ответов	Общее распределение	Крупный город	Райцентр	Село
Да, с целью постоянного проживания	3,1	3,7	1,5	2,8
Да, временно, с целью осуществления трудовой деятельности	3,3	3,9	2,5	2,8
Да, временно, с целью получения образования	0,6	0,7	-	0,7
Да, с целью путешествий или отдыха	18,4	22,3	12,6	11,1
Планирую, но пока нет возможностей	17,6	18,9	18,7	11,4
Нет, не планирую	59,0	53,5	64,6	72,9

Как показали результаты исследования, устремленность за пределы страны у населения достаточно высокая (около 40%). Хотя большинство среди этих желающих хотело бы отдохнуть и посмотреть мир, такие действия относятся к мобильности. Около 7% желало бы уехать на более длительный срок, в том числе и на постоянное место жительства в другую страну. Миграционные настроения имеются у жителей во всех типах населенных пунктов.

В современном мире люди активно меняют место жительства, уезжают в другие страны на учебу или работу, и белорусы – не исключение. Республика Беларусь также по-прежнему остается привлекательной для мигрантов. Последствия миграции трудно оценить однозначно. Она влияет на сбалансированность рынка труда, изменяет социально-экономическое положение населения, может сопровождаться ростом образовательной и профессиональной подготовки участвующих в миграции людей. Сбалансированная миграционная политика поможет решить внутри- и внешнеполитические проблемы, а также позволит отдельной личности сделать собственный выбор о месте своего проживания.

Заключение

Сокращение численности населения в Беларуси представляет собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности страны в XXI в. Демографическое поведение представляется как весьма сложное явление, определяемое совокупным действием разного рода причин: экономических, социальных, психологических. Оно нуждается в постоянном мониторинге со стороны специалистов различных научных отраслей. Установка на малодетную семью прочно укоренилась среди социальных нормативов жителей Могилевской области.

Решение демографических вопросов зависит от двух основных факторов: первый – увеличение рождаемости и второй – снижение смертности населения. Миграция пока существенного влияния не оказывает. Уровень рождаемости в нашей стране приблизительно такой же, как и во многих европейских странах, но уровень смертности, превышает показатели развитых стран мира. Таким образом наряду с мобилизацией усилий по повышению рождаемости, необходимо предпринимать меры по поддержанию здоровья населения, улучшению качества жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Демографический понятийный словарь / под ред. проф. Л. Л. Рыбаковского. – М. : ЦСП, 2003. – 352 с.
2. **Митрофанова, Е. С.** Демографическое поведение поколений россиян в сфере семьи и рождаемости / Е. С. Митрофанова // Экономический журнал ВШЭ. – 2011. – № 4. – С. 519–542.
3. Экономико-социологический словарь / сост. : Г. Н. Соколова, О. В. Кобяк, науч. ред. Г. Н. Соколова. – Минск : Беларус. навука, 2013. – 615 с.
4. **Волков, А. Г.** Избранные демографические труды : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. А. Г. Вишневецкий ; Нац. исслед. ун-т “Высшая школа экономики”. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 567 с.
5. **Голод, С.** Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социс. – 2008. – № 1. – С. 40–50.

6. Годовые данные. Численность и естественный прирост / Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/population.php>. – Дата доступа: 05.01.2016 г.
7. **Привалова, Н. Н.** Демографическая ситуация и рынок труда / Н. Н. Привалова, М. П. Пилуй // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. – 2015. – № 8. – С. 49–53.
8. Численность населения по областям и г. Минску / Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/naselenie/demografiya_2/g/chislennost-naseleniya-po-oblastyam-i-g-minsku/ - Дата доступа: 05.01.2016 г.
9. **Злотников, А. Г.** Демографические идеи и концепции / А.Г. Злотников. – Минск : Право и экономика, 2014. – 388 с.
10. Указ Президента РБ № 235 от 08.06.2015 О социально-экономическом развитии юго-восточного региона Могилевской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kodeksy-by.com/norm_akt/source-B7/235-08.06.2015.htm. – Дата доступа: 05.01.2016 г.

Поступила в редакцию 12.01.2016 г.

Контакты: lihacheva_sn@mail.ru (Лихачева Светлана Николаевна)

Likhachova S.N. DEMOGRAPHIC BEHAVIOUR OF MOGILEV REGION POPULATION AS A SUBJECT-MATTER OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS.

On the basis of the statistical and sociological data the features of demographic processes in the Mogilev region are considered in the article. The analysis of demographic behaviour as a scientific category is presented. The author reveals the main tendencies of the reproductive behaviour of the population, including those based on gender, place of residence and length of family life. The migratory mood of the people in the region is considered.

Key words: demographic behavior, reproductive attitudes, family, reproduction of population, depopulation, mobility, migration, migration moods.

УДК 39(=161.3)

БЕЛОРУСЫ В КАРЕЛИИ: ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ¹

О. П. Илюха

доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра
РАН, г. Петрозаводск, Республика Карелия, РФ

Ю. В. Литвин

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
г. Петрозаводск, Республика Карелия, РФ

И. А. Пушкин

кандидат исторических наук, доцент
Могилевский государственный университет продовольствия, г. Могилев, РБ

В статье рассматривается история изучения белорусов в Карелии, третьей по величине этнической группы в Республике, интенсивное формирование которой пришлось на 1940 – первую половину 1960-х гг. в результате миграции посредством системы организационного набора рабочих кадров. Показаны основные направления и важнейшие итоги изучения белорусской диаспоры на протяжении пятидесяти лет, отмечены исследовательские подходы, а также обозначены лакуны и связанные с ними перспективы исследований этой крупной этнической группы в Карелии.

Ключевые слова: Карелия, белорусская диаспора, этнические группы в Карелии, история, миграция населения.

Введение

Белорусы являются третьей по величине этнической группой в составе населения современной Карелии. Такое положение вещей сложилось за счет интенсивной миграции в советское время. В послевоенный период Карелия испытывала острый дефицит рабочей силы, постепенная ликвидация которого осуществлялась во многом за счет регулирования миграционных потоков с использованием системы организованного набора. Одним из наиболее значимых регионов-доноров в новых условиях стала Белорусская ССР, жители которой искали в Карелии средства для решения собственных материальных проблем. Если перепись 1959 г. отразила пик численности белорусов, их доля в составе населения КАССР превысила 11%, то перепись 1970 г. показала снижение их доли в составе населения до 9,3%. В 1960-е Белорус-

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект №15-21-01004; БРФФИ, проект № Г15Р-019 “Белорусская диаспора в Карелии: формирование и процессы интеграции (середина XX – начало XXI веков)”.

© Илюха О. П., 2016

© Литвин Ю. В., 2016

© Пушкин И. А., 2016

ская ССР из активного “поставщика” рабочих кадров в Карелию стала их “потребителем”. Причиной сложившейся ситуации стало сокращение объемов лесозаготовок в Карелии, а также замедление в целом темпов экономического развития Карелии, отставание республики от многих регионов страны в социально-бытовой и культурной сфере.

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. в Российской Федерации проживало 521,4 тыс. белорусов, в том числе 23,3 тыс. чел. – в Республике Карелия [1], по этому показателю Карелия занимает пятое место среди субъектов Российской Федерации.

Белорусы ярко обозначились в общественной и культурной жизни Карелии в 1990-х гг. Они одними из первых в республике создали общество национальной культуры, называвшееся “Криница”². Представители Общества участвовали в различных мероприятиях, посвященных развитию контактов русских и белорусов, в организации Дней культуры Карелии в Беларуси и Беларуси в Карелии. Однако постепенно деятельность в этом направлении угасла. Новую жизнь ей пытался вдохнуть состоявшийся 2 ноября 2015 г. в Петрозаводске Первый съезд белорусов Карелии. Съезд принял резолюцию о создании национально-культурной автономии белорусов Карелии с той целью, чтобы способствовать развитию белорусского языка и культуры, развивать связи русского и белорусского этносов. В ходе выступлений делегатов неоднократно поднимался вопрос о необходимости усиления экономического сотрудничества между республиками, в том числе за счет поощрения развития белорусского бизнеса в Карелии.

Задача данной статьи – раскрыть историю изучения белорусов в Карелии, показав основные направления исследований, подходы и инструментарий авторов, важнейшие итоги, а также обозначить имеющиеся лакуны и связанные с ними перспективы гуманитарных исследований этой крупной этнической группы Карелии.

Основная часть

Первые научные публикации, затрагивающие положение белорусов в советской Карелии, относятся к началу 1960-х гг. Они были инспирированы активизацией изучения истории и современного положения рабочего класса после XX съезда КПСС, и особенно после XXII съезда, который взял курс на построение бесклассового коммунистического общества в СССР. Новые подходы к изучению “национальных отрядов” рабочего класса в этот период определялись возрождением социологической науки и использованием этнологами инструментария социологии (в частности, анкетирования) в своих исследованиях.

В Карелии на рубеже 1950–1960-х гг. было проведено конкретное этнографическое исследование производственного и семейного быта лесозаготовителей многонационального поселка Верхний Олонец. Работа была организована группой научных сотрудников Петрозаводского института языка, литературы и истории АН СССР (ныне – ИЯЛИ КарНЦ РАН). В состав коллектива входили известные впоследствии этнологи В.В. Пименов,

² С 1998 по 2001 г. она имела статус Карельской региональной национально-культурной автономии белорусов.

Р.Ф. Тароева (Никольская), фольклорист У.С. Конкка и др. В ходе экспедиций велось изучение различных сторон повседневной жизни лесозаготовителей путем непосредственного наблюдения, а также с помощью метода анкетирования. Результаты работы были опубликованы в коллективной монографии «Верхний Олонец – поселок лесорубов» (1964). Книга написана с ярко выраженным идеологическим акцентом, однако приведенный в ней фактический материал уникален и представляет самостоятельную научную ценность.

В указанном исследовании приведены важные результаты наблюдений за бытом белорусов, хотя они и не были объектом специального рассмотрения. Этнический состав жителей поселка Верхний Олонец на рубеже 1950–1960-х гг. сформировался из двух основных групп: старожильческого карельского ливвиковского населения и пришлого – белорусов, русских, украинцев, финнов и др., – составлявшего немногим более половины населения. Белорусы в 1960 г. составляли 21,8% жителей рабочего поселка [2, с. 39–40].

Большинство белорусов прибыли сюда по вербовке. Часть из них имела опыт работы на лесосплаве, а основной состав – колхозники, – также были знакомы с особенностями работы в лесу и легко осваивались на производстве, «хорошо управлялись с лошастью, пилой и топором» [2, с. 41, 57]. Результатом такого положения вещей была быстрая адаптация и профессиональный рост многих рабочих-белосусов.

Культурной интеграции белорусов в локальное сообщество способствовали смешанные браки. Наиболее характерным вариантом в Верхнем Олонце были русско-белорусские браки (13,7% от общего числа браков), карельско-белорусские (10%), тогда как национально-однородные браки между белорусами составили 9,4% всех пар. Детей, родившихся в карельско-белорусских семьях, «записывали» карелами, в русско-белорусских – русскими [2, с. 106–107, 136].

Исследование выявило наиболее жизнеспособные элементы традиционной белорусской культуры в условиях многонационального поселка лесозаготовителей. В их числе оказался свадебный обряд, традиционная вышивка (на полотенцах и занавесях, в т. ч. в «переднем углу», но уже как самостоятельный элемент декора, а не украшение икон). В гардеробе не выделялись какие-либо национальные особенности. Сферой интенсивного «международного культурного обмена» и заимствований стала народная кухня. Эти признаки национальной культуры, определялись специалистами как «едва уловимые», что соответствовало концепции стремительного сближения народов и слияния их в «единую общность – советский народ», «цементирующей силой» которого выступал рабочий класс, а ученые должны были доказывать неотвратимость процесса «стирания различий» [3].

В дальнейшем работа по изучению этнического состава населения лесных поселков и деревень была продолжена с прицельным вниманием к семье, которая, наряду с производственным коллективом, признавалась важнейшим каналом межкультурного взаимодействия, рассматривалась «как структура этнической интеграции» [4, с. 242]. Изучались состав семьи, тип и численность, материальный быт и духовный мир, семейные обряды, воспитание детей, внутрисемейные отношения и т. д. Проводились массовые опросы жителей как отдельных поселений, так и целых районов. Так, в 1963–

1966 г. было обследовано около 2500 семей лесозаготовителей и рабочих совхозов в Калевальском, Медвежьегорском, Пряжинском и Прионежском районах [4, с. 238–239].

Анкетный опрос рабочих лесного поселка Куусиниеми 1965 г. показал, что происходит определенный культурный обмен, выразившийся, в частности, в знании традиций. Так, 14,3% проживавших здесь украинцев и белорусов знали карельский фольклор, и, в свою очередь, 50% карел были знакомы с украинско-белорусским фольклором. 25% опрошенных белорусов, украинцев и русских сообщили о своем знании карельской кухни. Среди карел, знакомых с блюдами славянской кухни, было 75% [4, с. 246]. Среди факторов бытового воздействия на культуру карел со стороны славянского населения в послевоенный период этнографы зафиксировали перемены в оформлении интерьеров жилищ (использование занавесок на окнах, оклейка стен бумагой и окраска полов и потолков, побелка печей, совмещение русских печей с плитами), изменение в составе пищи (в быт карел вошли пельмени, грибной суп, рассольник, жареный картофель и т. п.), появление новых черт в духовной культуре (распространение частушечного репертуара). В свою очередь, белорусы и русские заимствовали элементы карельской культуры [4, с. 244–245].

Результаты экспедиционных работ, отложившиеся в Научном архиве КарНЦ РАН, послужили основой для написания в 1960-х гг. диссертационных исследований и ряда статей о взаимовлиянии карел, русских и белорусов в семейно-бытовой и производственной сферах [5].

Экономисты, изучавшие народное хозяйство советской Карелии, выходили на “белорусский компонент” при исследовании вопросов трудовой миграции, организованного набора рабочей силы и трудовых ресурсов республики. Наиболее значительный вклад в раскрытие темы внесла монография карельского экономиста И.П. Покровской “Население Карелии” (1978 г.). В книге раскрыта половозрастная специфика, динамика городского и сельского населения, особенности расселения с учетом этнического фактора, изменения в национальном составе и владении языками жителей Карелии. Автор отмечает, в частности, что за период с 1939 по 1959 гг. число белорусов в Карелии увеличилось в 17 раз, а за период 1959–1970 гг. число белорусов уменьшилось на 5,5 тыс. чел. [6, с. 116].

Карелия как “район планового вселения белорусов” в результате организованного набора рабочих, общественных призывов и сельскохозяйственного переселения, появляется в 1970-х гг. и в демографических исследованиях, проводившихся в Белорусской ССР. Изучением миграций занимались научные сотрудники Института социологии Академии наук БССР и Института статистики и анализа при Министерстве статистики и анализа: Г.И. Касперович, А.Н. Пешкова, А.А. Раков, Л.Е. Тихонова [7].

Другим направлением исследований, в сферу внимания которого попали проживавшие в Карелии белорусы, стало изучение истории промышленных рабочих советской Карелии. Первая значительная работа в русле этой тематики была создана А.С. Жербиным и выпущена в виде монографии в 1971 г. В общих чертах была показана роль оргнабора в пополнении рабочих кадров Карелии в 1946–1958 гг. [8]. Эта работа стала отправной для последовавших

го “социального заказа”, определившего тематику кандидатских диссертаций О.П. Илюха (1988) и Ю.М. Килина (1990). Начинающие исследователи, первая – применительно к 1960-м, второй – к 1970-м гг., показали значение мигрантов из Белоруссии в пополнении кадров промышленности КАССР, относительно низкий уровень образования белорусов [9, с. 97; 10, с. 66–67]. В результате исследований В.Г. Макурова о развитии лесной промышленности было уточнено значение оргнабора для этой отрасли, обозначена большая эффективность формы набора рабочих самими предприятиями, роль которой возрастала с 1950-х гг. [11, с. 30–31]. Взгляд историков на проблему национального состава рабочих кадров ограничивался задачами их конкретных исследований, а также характером информации архивных источников советского периода. Более широкое изучение этнических процессов требовало формирования специальной информационной базы, привлечения материалов конкретно-социологических исследований.

Продуктивным направлением в этом плане стала быстро развивавшаяся этносоциология. Использование методов двух дисциплин, а также методологические наработки в области социальной психологии и демографии, позволили на макроуровне изучать социальные процессы в разных этнических средах. В Карелии это научное направление получило развитие в работах Е.И. Клементьева и А.А. Кожанова [12; 13]. Особое внимание они уделяли изучению сельской поселенческой структуры, которая рассматривалась с точки зрения ее социально-экономических функций, миграционных процессов, изменения этнического состава жителей. Эмпирическую основу работы составили данные переписей населения 1959, 1970 и 1979 г., похозяйственных книг сельсоветов за 1949, 1959 и 1969 г., а также материалы масштабного этносоциологического исследования, проведенного в 1979 г. В этническом разрезе выборка была представлена тремя наиболее многочисленными этносами республики: карелами, русскими и белорусами. Помимо статистической “сводки” о числе и демографическом поведении белорусов, исследователи обратились к изучению их миграционных планов.

По результатам опроса 1979 г., около 40% белорусов сообщили о желании покинуть Карелию и выехать в Белоруссию. Была отмечена активная языковая ассимиляция белорусского населения. Согласно данным 1979 г., 31,6% белорусов признали родным языком язык своей национальности, что стало естественным результатом длительного проживания вне территории своей этнической родины [12, с. 16–17]. Важной составляющей этносоциологического исследования было изучение семьи и брачного поведения населения. А.А. Кожанов предполагал, что широкое распространение смешанных браков, а также мнение молодежи относительно определения национальной принадлежности своих детей, является фактором сокращения численности белорусской прослойки в будущем [12, с. 19].

В историко-социологических очерках “Сельская среда и население Карелии 1945–1960 гг.”, написанных Е.И. Клементьевым совместно с А.А. Кожановым, авторы практически не касались этнической специфики поселений³. Вместе с тем, один из разделов содержит важные сведения, которые

³ Исключение составляет написанный А.А. Кожановым раздел “Население”. Его структура и выводы раздела в целом согласуются с данными статьи автора 1986 г.

проливают свет на бытовые трудности рабочих лесных поселков, среди которых было немало белорусов.

С конца 1970-х гг. исследователи начинают говорить уже не об этнической интеграции, а о тенденции этнической ассимиляции, прежде всего, коренных этнических групп. Однако в сфере их внимания оказались и другие крупные этнические группы – белорусы и украинцы, этнические процессы в которых развивались по схожему сценарию. Кроме того, в работах этносоциологов исследовались социально-бытовые аспекты жизни сельского населения. В более ранних работах проблемы, с которыми сталкивались жители лесных поселков, лишь затрагивались.

Распад Советского Союза, становление на постсоветском пространстве независимых государств, обусловили новый этап развития национальных и этнических процессов, что вызвало переосмысление теоретических разработок и методологических подходов к этносоциальным проблемам. В 1992 г. вышла монография В.Н. Бириня “Брак и семья сельского населения Карельской АССР в 1950–1970-е годы”, написанная в русле этнодемографии. Работа стала первой попыткой широкого сравнительного изучения брака и семьи у основных этнических групп Карелии (карелы, русские, белорусы, украинцы) [14, с. 7]. Значительное место в монографии уделено особенностям брачного поведения указанных этнических групп. Так, максимальная доля карельско-белорусских браков была зафиксирована в Лоухском и Кемском районах – там, где карелы преобладали над белорусами. Тогда как в Сегежском и Суоярвском районах, где белорусы преобладали над карелами, отмечалось самое низкое число карельско-белорусских супружеских пар. По мнению автора, подобная картина является, в частности, следствием определенной национальной предпочтительности в выборе брачного партнера: мужчины и женщины белорусской национальности обращали внимание, прежде всего, на “хозяйственность партнера” [14, с. 144]. Добавим, что “предпочтения” в значительной мере определялись состояниями локальных “брачных рынков”, спецификой национального состава изученных населенных пунктов. Заявленный в монографии подход В.Н. Бириня развивал и в других своих работах [15].

В 1992 г. вышла в свет первая статья Е.И. Клементьева, А.А. Кожанова и В.Н. Бириня, специально посвященная формированию этнической группы белорусов в Карелии. Она была опубликована в “Вестнике Академии наук Белоруссии” на белорусском языке [16]. Статья основана преимущественно на данных социологического опроса 1979 г., а также материалах более поздних переписей населения. Произведенная авторами выборка дала возможность выявить области, из которых белорусское население прибывало в Карелию в послевоенные годы. Основной поток мигрантов был зафиксирован из Барановичской (существовала до 1954 г.), Гомельской, Гродненской, Могилевской и Молодечненской (существовала до 1960 г.) областей БССР [16, с. 91]. Исследование показало, что, белорусы в 1980-е гг., как и прежде, отличались высокими показателями смешанных браков. Отдельный раздел статьи был посвящен языковым процессам в белорусских семьях. Сравнив данные опроса 1979 г. с результатами переписи 1989 г., авторы отметили устойчивую тенденцию языковой ассимиляции белорусов с ориентацией на русский язык

[16, с. 97]. Вместе с тем, в статье подчеркивалось, что культурные связи с исторической родиной не прерывались: многие читали литературу на родном языке, были в курсе последних событий, навещали родственников в Белоруссии.

В 2000-х гг. продолжалось этнодемографическое исследование белорусов в Карелии, представленное публикациями В.Н. Бирин [15]. Другой подход связан со смещением исследовательского интереса от изучения макропроцессов к микроанализу социальных явлений, локальных общностей, специфики меньшинств и их социальных практик. Обновление методологического инструментария нашло отражение в нескольких публикациях, посвященных национальным меньшинствам в Карелии. Так, в опросе методом полуструктурированного интервью в 2006 г. были опрошены руководители 12 национально-культурных организаций Республики Карелия [17].

В 2008 г. в серии “Устная история в Карелии” вышел сборник “Карелия и Беларусь: повседневная жизнь и культурные практики населения в 1930–1950-е гг.” [18]. Главная цель проекта, по словам составителей сборника, заключалась в том, чтобы “сформировать комплекс устных источников, дополненных и верифицированных архивными материалами, на основании которых можно будет провести полноценное исследование трансформации повседневных культур населения двух приграничных республик – Карелия и Беларусь – в предвоенное и первое послевоенное десятилетия сквозь призму повседневных адаптивных практик” [18, с. 74]. В основе сборника – материалы интервью, собранные белорусскими и российскими участниками проекта. Публикация сопровождалась краткой исторической справкой по истории Беларуси и Карелии.

Авторы, в частности, делают вывод о том, что быстрому взаимопроникновению культур способствовало то, что включение белорусов, украинцев, финнов и представителей других национальностей в состав местного населения происходило, как правило, в бесконфликтной среде. Республика, которая изначально существовала как многонациональная и при этом малонаселенная, охотно принимала переселенцев, их приезд не воспринимался как нечто чрезвычайное – работы и места хватало всем [19, с. 84]. Этот феномен, безусловно, заслуживает дальнейшего серьезного исследования.

Интересным моментом изучения истории белорусской диаспоры в Карелии стало обращение к “старой” теме – истории оргнабора и другим советским способам перемещений рабочей силы – добровольным и принудительным. Эта работа возобновилась и в Белоруссии, и в Карелии [20; 21]. Введение в научный оборот новых источников, уточненных цифр и фактов, в том числе из архивов Беларуси, проливает свет на ход работы по вербовке жителей прежней Белорусской ССР для “трудонедостаточных” регионов советского государства. Новый взгляд на проблему дает ее объемное видение, раскрытое через источники из района “выхода” и из района “входа” мигрантов. Актуальность этой “старой” проблематики связана с остротой в современном мире в целом и на постсоветском пространстве в частности проблемы трудовой миграции, поскольку перемещение больших групп населения влечет за собой широкие социальные и этнокультурные последствия.

Заклучение

Итак, история изучения белорусов Карелии прошла полувековой путь, в результате чего были созданы десятки трудов: монографий, диссертаций, статей. Исследовательская работа была сконцентрирована, в основном, в Карелии, тогда как в Белоруссии внимание к этой теме не было столь же пристальным, поскольку Карелия являлась лишь одним из многих регионов, принимавших белорусских мигрантов.

Изучение белорусских переселенцев в Карелию осуществлялось этнологами, этносоциологами, историками, экономистами, демографами. Каждое направление привнесло свои подходы и свое видение проблемы. Наиболее продуктивными оказались этносоциологический и этнодемографический подходы, имеющие на вооружении инструментарий, адекватный рассмотрению проблем этносоциальных групп в самом широком плане. Выполненные в этом ключе исследования В.Н. Бирина, Е.И. Клементьева, А.А. Кожанова являются на сегодняшний день наиболее значительными в раскрытии темы. Отдельные ее аспекты нашли отражение в исследованиях по этнографии рабочих-лесозаготовителей (В.В. Пименов, Р.Ф. Тароева), по истории промышленных рабочих (А.С. Жербин, О.П. Илюха, Ю.М. Килин) и экономике, включая демографический аспект (И.П. Покровская).

В итоге всех этих более или менее фундированных исследований показаны причины и результаты переселения белорусов в Карелию, выявлена роль оргнабора в этом процессе. Получены убедительные результаты, характеризующие брачное поведение и состав белорусских семей в Карелии, раскрыты основные проблемы, затруднявшие адаптацию белорусов на новом месте жительства, показаны способы их решения. К сожалению, в меньшей степени изучена бытовая культура белорусов в Карелии: фрагментарно выявлены те элементы национальной культуры, которые обладают наибольшей устойчивостью, так же, как и те, что быстро исчезают в инокультурной среде.

Современный период, отмеченный обновлением методологического инструментария, характеризуется появлением работ на основе микро-исторического подхода и методов устной истории (И.А. Милюкова, А.В. Голубев, И.Р. Такала). Отмеченный исследователями феномен быстрого взаимопроникновения культур на фоне бесконфликтного включения белорусов, как и представителей других национальностей в состав местного населения, пока еще не раскрыт в должной мере. В связи с актуализацией в современном мире проблем трудовой миграции, становится понятным обращение исследователей и Карелии, и Беларуси к “старой” проблеме организованного набора, советской формы организации трудовой миграции (Н.В. Барабаш, Л.И. Вавулинская, О.И. Кулагин).

Вместе с тем, назрела необходимость объединения усилий исследователей Белоруссии и Карелии в этом направлении, сверки методологических подходов и взаимообогащения источниковой базы. Несомненно, поддержанный Российским гуманитарным научным фондом и Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований проект “Белорусская диаспора в Карелии: формирование и процессы интеграции (середина XX – начало XXI веков)”, в рамках которого написана данная статья, будет способствовать решению этой задачи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года : в 11 т. [Электронный ресурс]. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. – Табл.: 4. – С. 54. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. – Дата доступа: 15.10.2015.
2. Верхний Олонец – поселок лесорубов: опыт этнографического описания / Акад. наук СССР, Петрозаводский Институт языка, литературы и истории. – М. : Л. : Наука, 1964. – 191 с.
3. **Гребенюк, М. Н.** Советский народ: государственно-политический конструкт / М. Н. Гребенюк [Электронный ресурс] / М. Н. Гребенюк // Электронное научное издание “Аналитика культурологии”. – 2011. – Вып. 3(21). – Режим доступа: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/769-18.html>. – Дата доступа: 01.11.2015.
4. **Пименов, В. В.** Этнические процессы в Советской Карелии / В. В. Пименов, Р. Ф. Тароева // 50 лет Советской Карелии. – Петрозаводск : Карелия, 1970. С. 214–247.
5. Научный архив Карельского научного центра РАН. – Фонд 1. Оп. 20, 29; **Тароева, Р. Ф.** Русско-карельские культурные связи (по данным материальной культуры) / Р. Ф. Тароева // Научная конференция по итогам работы за 1964 год; Петрозаводский институт языка, литературы и истории Академии Наук СССР. – Петрозаводск : Карельский филиал АН СССР, 1965. – С. 100–101; **Пименов, В. В.** Бригада лесорубов как объект этнографического и социологического изучения / В. В. Пименов // Научная конференция по итогам работ за 1965 год; Петрозаводский институт языка, литературы и истории Академии Наук СССР. – Петрозаводск : Карельский филиал АН СССР, 1966. – С. 104–106; **Санникова, А. П.** Социально-бытовые особенности дореволюционной и современной семьи в Карелии : дис... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. П. Санникова ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – М., 1970. – 240 с. и др.
6. **Покровская, И. П.** Население Карелии / И. П. Покровская. – Петрозаводск : Карелия, 1978. – 192 с.
7. **Касперович, Г. И.** Миграция населения в города и этнические процессы: на материалах исследования городского населения БССР / Г. И. Касперович. – Минск : Наука и техника, 1985. – 149 с.; **Пешкова, А. Н.** Тенденции миграционных процессов и некоторые вопросы управления ими (на примере БССР) / А. Н. Пешкова. – Минск : Бел-НИИВТИ, 1979. – 11 с.; **Пешкова, А. Н.** Миграция населения Белоруссии / А. Н. Пешкова. – Минск : [Б.и.], 1973. – 138 с.; **Раков, А. А.** Население БССР / А. А. Раков. – Минск : Наука и техника, 1969. – 219 с.; **Тихонова, Л. Е.** Социально-экономические аспекты миграции населения БССР : автореф. дис. ... канд. эконом. наук : 08.00.18 / Л. Е. Тихонова ; АН СССР, Ин-т социол. исслед. – М., 1982. – 19 с.
8. **Жербин, А. С.** Промышленные рабочие Карелии: 1946–1958 г. / А. С. Жербин. – Петрозаводск : Карелия, 1971. – 105 с.
9. **Илюха, О. П.** Промышленные рабочие Карелии в 1960-х годах : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / О. П. Илюха ; Ленингр. отд. Ин-та истории СССР Академии наук СССР. – Л., 1988. – 246 с.
10. **Килин, Ю. М.** Промышленные рабочие Карелии в 1970-е годы : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ю. М. Килин; Ин-т истории СССР. – Л., 1990. – 262 с.

11. **Макуров, В. Г.** Развитие лесной промышленности Европейского Севера СССР в послевоенный период / В. Г. Макуров. – Петрозаводск : Карелия, 1979. – 80 с.
12. **Кожанов, А. А.** Изменения в этническом составе сельского населения Карельской АССР в послевоенный период (1945–1979 гг.) / А. А. Кожанов // Этнокультурные процессы в Карелии. – Петрозаводск : Карельский филиал АН СССР, 1986. – С. 5–20.
13. **Клементьев, Е. И.** Сельская среда и население Карелии 1945–1960 гг. : ист.-социолог. очерки / Е. И. Клементьев. – Л. : Наука, 1988. – 212 с.
14. **Бирин, В. Н.** Брак и семья сельского населения Карельской АССР в 1950–1970-е годы / В. Н. Бирин. – Петрозаводск : [Б. и.], 1992. – 255 с.
15. **Бирин, В. Н.** Этнический состав Заонежья в Советский период / В. Н. Бирин // Заонежье. – Петрозаводск : [Б. и.], 1992. – С. 76–84; **Бирин, В. Н.** Тенденции демографического развития / В. Н. Бирин // Прибалтийско-финские народы России. – М. : Наука, 2003. – С. 212–219; **Бирин, В. Н.** Этнодемографическая ситуация в Карелии / В. Н. Бирин // Вестник Карельского филиала СЗАГС-2006. – Петрозаводск : Издательство Петрозаводского государственного университета, 2006. – Ч. 1. – С. 3–20 и др.
16. **Кляменцеў, Е. І.** Беларусы ў Карэліі: фарміраванне этнічнай групы / Е. І. Кляменцеў, А. А. Кашанаў, В. М. Бірын // Весці Акадэміі навук Беларусі. Серыя грамадскіх навук. № 1. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – С. 90–98.
17. **Милокова, И. А.** Национально-культурные общества Карелии как субъект межнациональных отношений: опыт социологического исследования / И. А. Милокова // Молодежь Карелии в пространстве этнического самоопределения и межэтнической коммуникации : сб. ст. / Федеральное агентство по образованию, ГОУВПО “КГПУ”. – Петрозаводск : Изд-во КГПУ, 2007. – С. 28–49.
18. Устная история в Карелии : сборник научных статей и источников. Вып. IV. Карелия и Беларусь: повседневная жизнь и культурные практики населения в 1930–50-е гг. / сост. и науч. ред. И. Р. Такала [и др.]. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2008. – 400 с.
19. **Такала, И. Р.** Научно-исследовательский проект “Предвоенное и послевоенное десятилетия : трансформация культуры сквозь призму повседневных адаптивных практик (БССР, КФССР)” : первые итоги / И. Р. Такала, А. В. Голубев // Устная история в Карелии : Вып. IV. Карелия и Беларусь : повседневная жизнь и культурные практики населения в 1930–1950-е гг. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2008. – С. 73–85.
20. **Барабаш, Н. В.** Организованный набор рабочих и общественные призывы в БССР (1946–1965 гг.) / Н. В. Барабаш // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – Выпуск 30. – С. 203–209; **Йоцюс, В. А.** Переселение из БССР трудовых ресурсов в Карело-Финскую ССР (1940–1941 гг.) / В. А. Йоцюс // Европа: актуальные проблемы этнокультуры : материалы VIII Междунар. науч.-теорет. конф., г. Минск, 22 декабря 2014 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка ; редкол. В. В. Тугай (отв. ред.). – Минск : Минский государственный ПТК полиграфии, 2015. – С. 210–212.
21. **Вавулинская, Л. И.** Организованный набор рабочих в лесную промышленность Карелии во второй половине 1940-х – 1960-е гг. / Л. И. Вавулинская // Историческая демография. – 2014. – № 13. – С. 35–38;

Кулагин, О. И. Институциональные проблемы социально-трудовых отношений в лесопромышленном комплексе Карелии (1945–1970) / О. И. Кулагин. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2015 – 109 с.

Поступила в редакцию 20.11.2015 г.

Контакты: litvinjulia@yandex.ru (Литвин Юлия Валерьевна)

ihar.pushkin.st@gmail.com (Пушкин Игорь Александрович)

Плуха О.Р., Litvin Y.V., Pushkin I.A. BELARUSIANS IN KARELIA: THE RESULTS OF THE ETHNIC GROUP STUDY.

The article outlines the research history of the Belarusians in Karelia, the third largest ethnic group in the Republic. Its intensive formation occurred in the 1940s – the first half of the 1960s as a result of migration because of labour recruitment. The article displays the main directions and results of the research of the Belarusian diaspora for fifty years and points out the approaches as well as the gaps and prospects of the study of the largest ethnic group in Karelia.

Key words: Karelia, Belarusian diaspora, ethnic groups in Karelia, history, migration of population.

УДК 316.356.2

СЕМЬЯ И БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (на примере студентов учреждений высшего образования г. Могилева)

О. В. Борисова

старший преподаватель кафедры политологии и социологии
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Статья посвящена изучению представлений современной студенческой молодежи о семье и брачно-семейных отношениях. В ней анализируются данные социологического исследования, проведенного среди студентов МГУ имени А.А. Кулешова и Белорусско-Российского университета. Эмпирический материал перемежается теоретическими положениями и данными статистики. Результаты могут быть использованы в воспитательной и образовательной работе со студентами.

Ключевые слова: семья, брак, брачно-семейные отношения, ценности, семья как институт, семья как малая группа, кризис семьи, брачность, сожителство, рождаемость, “гражданский брак”.

Введение

Семья принадлежит к числу тех социокультурных явлений, интерес к которым носит устойчивый характер. Взаимоотношения в семье формируют человека, систему его взглядов, нравственную ориентацию; в семье возникают определенные ценности, которые влияют на состояние и уровень культурного комфорта, а, следовательно, и на устойчивость человека в мире.

Существует много научных определений семьи, подходов к ее объяснению. Современная семья, в трактовке С.Н. Буровой, определяется как “общность людей, которая может быть основана на браке, кровном родстве, юридическом договоре и образована для моральной и экономической поддержки друг друга, выполнения ряда общественных функций по воспроизводству населения и эмоционально-психологической стабилизации взрослых индивидов, а также для удовлетворения в наиболее приемлемой форме комплекса других биологических и социальных индивидуальных потребностей” [1, с. 4].

Современная семья и брачно-семейные отношения претерпевают существенные изменения. Постепенно осуществляется переход от отношений иерархии и субординации, доминирования и подчинения к отношениям партнерства, равенства и уважения. Индивидуализация жизни привела к тому, что многие люди рассматривают семью как объект для удовлетворения эгоцентрических потребностей, подтверждением чего является сознательная бездетность в пользу удовлетворения иных потребностей, предпочтение личных интересов семейным и пр.

Современная молодежь отличается от предыдущих поколений. Характерным для нее является рост индивидуализма, независимости, приоритет собственных интересов над семейными, материальных ценностей над духовными. Весьма важным является исследование особенностей развития института семьи глазами студенческой молодежи, так как это может стать прогнозом для развития всей системы взаимоотношений в целом, ведь именно от нынешней молодежи будет зависеть, какой будет семья (да и общество в целом) в будущем.

Основная часть

В целях изучения данной проблемы в апреле-мае 2015 г. студентами-социологами МГУ имени А.А. Кулешова под руководством автора статьи было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие студенты двух учреждений высшего образования города Могилева: Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова и Белорусско-Российского университета. Методом анкетирования было опрошено 455 студентов 1–4 курсов. Цель исследования – проанализировать образ современной семьи в представлениях студенческой молодежи. Основные задачи: выявить приоритетные ценности для современных студентов; изучить семейные, брачные и репродуктивные установки студенческой молодежи; определить показатели успешности брачно-семейных отношений и др.

Прежде чем перейти к анализу полученных ответов, назовем основные характеристики респондентов: 44,4% юношей и 56,6% – девушек в возрасте от 18 до 24 лет; 27,2% – выходцы из сельской местности, 72,6% – коренные горожане; 5,9% – на момент опроса состояли в официально зарегистрированном браке, 8,6% – имели совместное проживание с партнером без официальной регистрации отношений; 5,2% респондентов уже имели детей.

Одной из задач исследования было выявление общей структуры ценностей студентов, что позволит определить место и роль семейных ценностей в их числе. Покажем, какие из предложенных ценностей студенты оценили как “очень важные” (таблица 1).

Таблица 1 – Ценностные установки студентов, %

Варианты ответов	Юноши	Девушки	Общее
Здоровье	78,9	88,5	84,3
Благополучная семья	77,9	88,4	83,7
Дружба	65,3	65,1	65,2
Дети	58,3	66,3	62,7
Независимость, самостоятельность	54,8	53,0	53,8
Профессиональная самореализация	48,2	43,9	45,8
Материальное благополучие	45,9	39,2	42,2
Творческая самореализация	33,8	32,3	33,0

Как видно из таблицы, ценность семьи занимает ведущее место наравне со здоровьем (83,7% и 84,3% соответственно). Причем нет особых различий в ответах юношей и девушек, т. е. такие традиционные ценности, как здоровье, благополучная семья, дружба, дети одинаково важными являются для

всех. Обратим внимание на то, что материальное благополучие как ценность занимает далеко не первое место, что позволяет усомниться в общепринятом мнении о том, что современная молодежь меркантильна и прагматична.

Полученные данные можно сравнить с данными других исследований. Так, например, в 2012 г. российский ученый С.М. Барсуков проводил исследование на тему: “Молодая семья: статус, основные проблемы и тенденции развития”. Результаты опроса также показали, что 86% респондентов считают семью общепризнанной ценностью [2, с. 274].

Теперь перейдем непосредственно к мнениям и оценкам молодежи о браке и семье. На протяжении последних десятилетий брачно-семейные отношения претерпевали существенные трансформации. Сформировались две противоположные парадигмы относительно будущего семьи. Первая – “парадигма модернизации”, согласно которой происходит переход от традиционной, патриархальной семьи к современной (А.Г. Вишневский, С.И. Голод и др.). Вторая – “кризисная парадигма”, где высказывается мысль о возможности разрушения семьи из-за преобладания индивидуализма и эгоизма над общественными интересами (А.И. Антонов, В.М. Медков и др.). Неоспоримо то, что некоторые функции семьи сегодня выносятся за ее пределы и выполняются другими социальными институтами. Сами брачно-семейные отношения характеризуются нестабильностью, о чем свидетельствует статистика разводов. Достаточно посмотреть на цифры, приводимые Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь (таблица 2) [3].

Таблица 2 – Браки, разводы и общие коэффициенты брачности и разводимости (с 2005 по 2015 гг.)

Годы	Число браков	Число разводов	На 1000 чел. населения	
			браков	разводов
2005	73333	30531	7,6	3,2
2006	78979	31814	8,2	3,3
2007	90444	36146	9,5	3,8
2008	77201	36679	8,1	3,8
2009	78800	35056	8,3	3,7
2010	76978	36655	8,1	3,9
2011	86785	38584	9,2	4,1
2012	76245	39034	8,1	4,1
2013	87127	36105	9,2	3,8
2014	83942	34864	8,9	3,7
Январь–март 2015 [4]	12906	8351	5,5	3,6

В среднем на 1000 браков приходится около 500-600 разводов. А каждый развод имеет экономические, психологические, социальные последствия. Как результат – многие люди ставят под сомнение необходимость юридического оформления своих отношений. Ученые предсказывают широкое распространение альтернативного брака (сожительства или так называемого “гражданского брака”). Неготовность брать на себя ответственность за судьбу другого человека, отсутствие твердой уверенности в правильности сделанного брачного выбора, материальная необеспеченность обуславливают поведенческую ориентацию современной молодежи на внебрачные сожительства.

Что касается наших респондентов, то 60,1% считают, что юридически оформленный брак является обязательным условием создания семьи. Отношение к так называемым “гражданским бракам” неоднозначное: 39,3% респондентов их одобряют, 38,7% – нет, 22% – затруднились со своей оценкой. Заметим, что юноши относятся к данному явлению более одобрительно, чем девушки (47,8% и 32,4% соответственно). Причем лично для себя такую форму отношений считают приемлемой 40,9% респондентов, из которых 47,5% – это юноши и 35,6% – девушки.

Возникает вопрос: может ли сожителство со временем заменить официальный брак? Анализ данных показывает, что об этом говорить рано, по крайней мере, в ближайшей перспективе, так как для молодежи “гражданский брак” – это скорее подготовительный этап перед юридическим оформлением отношений в будущем (63,6%). Следует сказать, что практика распространения “гражданского брака” может иметь как положительный, так и отрицательный эффект. С одной стороны, совместный опыт проживания партнеров до заключения официального брака делает его более крепким и снижает вероятность развода. С другой стороны, при сожителстве стороны не имеют материальных и иных прав в случае прекращения отношений, а также возможен психологический дискомфорт и т. д.

Отдельно рассмотрим отношение молодежи к церковным бракам (венчанию). Большинство современных государств, в том числе и Беларусь, в настоящее время не признают юридической силы церковного брака, поэтому перед его заключением следует провести регистрацию в органах ЗАГС. В ходе проведения исследования выяснилось, что 67% респондентов одобряют венчание, причем как юноши, так и девушки (62,9% и 69,7% соответственно). На первый взгляд, это хорошо, ведь во время обряда венчания супруги дают клятву верности друг другу, берут на себя обязанность социальной, экономической и физической взаимной опеки. Освящение брака перед церковным алтарем считается самой сильной формой скрепления брака. Однако действенность этого механизма зависит от степени религиозности молодых людей, которая, как показывают другие социологические исследования, невысока. Венчание сегодня – это скорее дань моде, а не сознательный и обдуманный шаг.

Современная жизнь характеризуется не только увеличением лояльности в отношении оформления супружеских отношений, но и в других вопросах, например, относительно гомосексуальных связей. В условиях изменения многих социокультурных норм, отмены прежних табу и распространения “сексуальной революции” идет процесс узаконения гомосексуализма как самостоятельного, а не дополнительного к гетеросексуальности, формы сексуальных связей. Сегодня число стран, где на национальном уровне легализованы однополые браки, приближается к двадцати [5]. В некоторых странах их узаконили на региональном уровне (например, в Великобритании и Мексике). Есть страны, узаконившие однополые “гражданские партнерства”, “союзы” (например, Германия, Чехия, Австрия и др.). В отличие от однополых браков, где все юридические нормы для однополых и гетеросексуальных семей одинаковы, “гражданские партнерства или союзы однополых” ограничены в юридических правах (например, при усыновлении детей, искусственном оплодотворении, суррогатном материнстве и пр.).

По данным проведенного исследования негативно к легализации однополых браков относятся 2/3 (63%) опрошенных студентов (среди них – 74,5% юношей и 54% девушек), четвертая часть респондентов (27%) относится нейтрально и только 9% положительно. Таким образом, молодежь в этом вопросе пока настроена довольно консервативно, особенно мужской пол. Также респонденты высказались против возможности усыновления такими семьями детей (67,4%), и опять же больше противников среди юношей (73,9%), чем среди девушек (62,2%).

Следующий блок вопросов был направлен на выявление семейных и репродуктивных установок студентов. Одна из задач исследования – выяснение основного мотива вступления в брак. На рисунке 1 показано распределение ответов на вопрос о мотивации вступления в брак.

Ведущим мотивом вступления в брак, причем среди обоих полов (правда, среди девушек почти на 10% больше), является любовь. Среди юношей оказалось немного больше тех, для кого важным является рождение ребенка (юноши – 13,1%, девушки – 8,4%) и “избегание одиночества” (юноши – 7,6%, девушки – 2%). “Расчет” как мотив для брака занимает далеко не лидирующую позицию – всего 1,8%. Наиболее редкими вариантами ответов являются “возраст” и “мнение окружающих”, что можно объяснить возрастными особенностями респондентов (18–24 года). Кстати, именно в этом вопросе в последнее время также произошли изменения: наметилась тенденция к увеличению возраста вступления в брак и рождения детей.

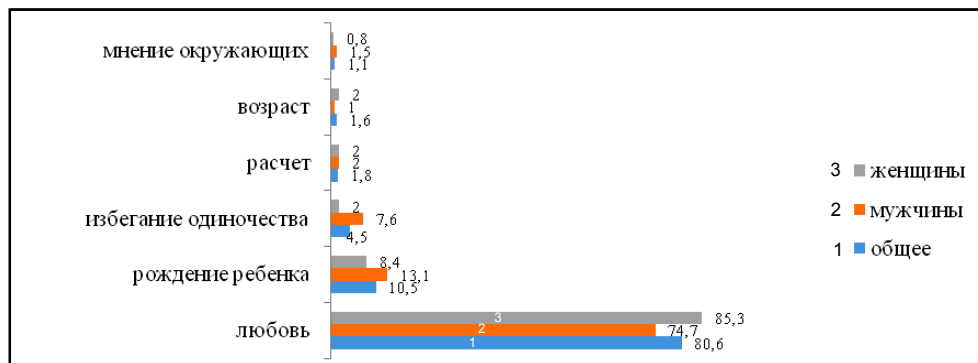

Рисунок 1. Основной мотив вступления в брак, %

Респондентам также был задан вопрос о том, каков оптимальный возраст для вступления в брак и рождения первого ребенка (см. рис. 2, 3).

Судя по полученным ответам, для девушки оптимальным возрастом вступления в брак считается 21–23 года, а с 21 до 26 лет – лучшее время для рождения первого ребенка. Для юношей же лучше вступать в брак чуть постарше – в 24–26 лет, и в этом же возрасте уже можно становиться отцом. Такая разница связана с желанием молодых людей сначала “встать на ноги”, найти хорошую работу, стать более независимым в материальном плане, так как на них ложится большая ответственность за содержание семьи.

Успешность брачно-семейных отношений – это сложная, собирательная оценочная категория, которая характеризует качество брачно-семейной жизнедеятельности. В советской социологии первыми начали работать с этой категорией А.Г. Харчев и М.С. Мацковский.

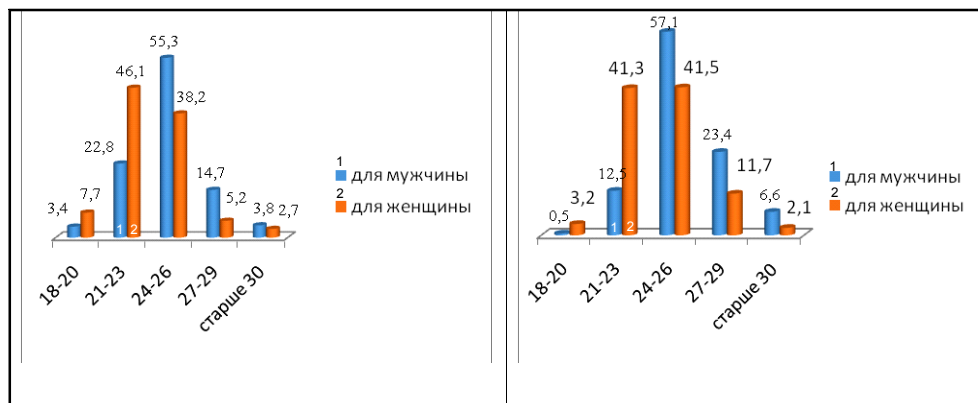

Рисунок 2. Оптимальный возраст для вступления в брак, %

Рисунок 3. Оптимальный возраст для рождения первого ребенка, %.

Факторы, влияющие на успешность брачно-семейных отношений, можно разделить на две группы – добрачные и брачные. К добрачным относятся: структура и характер отношений в родительской семье; природные задатки женихов и невест; их характер и темперамент; возрастное соответствие, физическая, психологическая и социальная зрелость; продолжительность знакомства; социальная, профессиональная и национальная гомогенность; мотивация брака; соответствие структуры личностей жениха и невесты (интеллектуальное, эмоционально-психологическое, нравственное, культурное развитие); уровень подготовленности к заключению брака и созданию семьи и др. К брачным факторам относятся: наличие необходимых материальных и социальных условий для жизни; супружеская совместимость; эмоционально-психологический климат в семье; согласованность в выполнении домашних обязанностей; характер отношений с родственниками и друзьями и др. [2, с. 137–138].

Данное исследование позволяет охарактеризовать некоторые добрачные факторы, так как основная масса респондентов еще не состоит в браке. Начнем с родительской семьи. 71,7% респондентов имеют полную родительскую семью, 21,4% – неполную. Известно, что характер родительских взаимоотношений чаще всего воспроизводится в собственной семье детей. Каковы же отношения в семьях респондентов? (см. рис. 4).

Рисунок 4. Отношения между родителями в полных семьях, %

Как видно из графика, в полных семьях преобладают скорее эгалитарные тенденции, так 63,6% респондентов отметили, что в отношениях между родителями существует гармония. Четверть семей можно отнести к авторитарным, где есть сильная власть одного из членов семьи: 15,5% – отца (патриархальный тип) и 10% – матери (матриархальный тип).

Кроме того, 94,4% респондентов имеют хорошие отношения с родителями (из них 62,5% – доверительные, 31,9% – скорее доверительные). 85% всех респондентов оценивают брак своих родителей как вполне успешный (51,8% – успешный, 33,2% – скорее успешный, чем нет). А 66% желали бы иметь такую же семью, как у родителей (37,3% – да, 28,7% – скорее да). Таким образом, родительская семья является вполне успешным образцом для подражания.

В следующем блоке вопросов были выявлены основные характеристики и качества, необходимые для успешных брачно-семейных отношений. Студентам было предложено оценить значимость некоторых характеристик индивида для создания семьи и брака. Суммируя положительные ответы “важно” и “скорее важно”, была получена следующая последовательность:

- 1) любовь как основа построения семьи – 96,9%;
- 2) развитая культура взаимоотношений и поведения, устойчивость чувств и свойств личности – 96,8%;
- 3) сексуальная культура – 94,2%;
- 4) экономическая самостоятельность – 92,3%;
- 5) гражданская зрелость, самостоятельность и ответственность – 91,9%;
- 6) физическое и психическое здоровье – 90,6%;
- 7) владение хозяйственно-экономическими умениями и навыками – 90,4%;
- 8) наличие необходимых знаний о семейной жизни – 88,3%.

Помимо вышеперечисленных характеристик учитываются и личностные особенности избранника(цы) (рис. 5, 6).

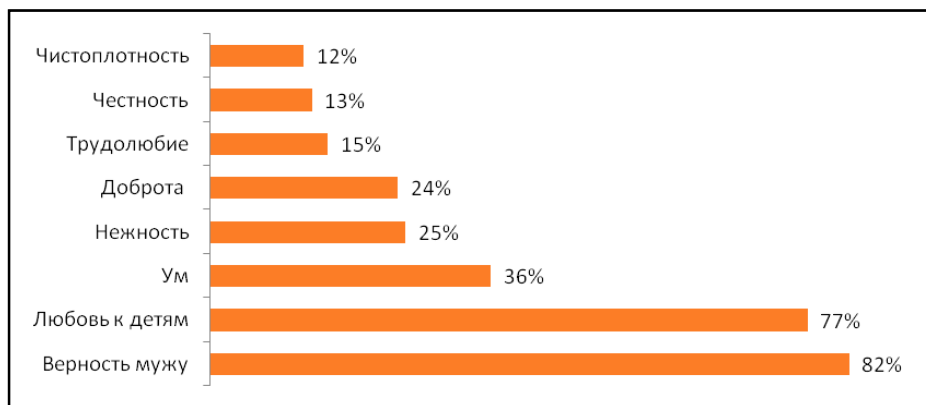

Рисунок 5. Качества “идеальной жены”

Рисунок 6. Качества "идеального мужа"

Налицо довольно традиционные представления о качествах мужа и жены. Идеальная супруга – это женщина, верная мужу и любящая детей. А муж – заботливый, верный жене, уважающий женщин, надежный. При этом юноши считают, что приоритетным качеством для идеальной супруги является верность (82%), а девушки приоритетным качеством для идеального мужа считают надежность (88%).

Если для создания семьи и брака важным является наличие любви, то что же респонденты считают необходимым для создания счастливой семейной жизни? (таблица 3)

Таблица 3 – Условия, необходимые для совместной счастливой жизни, %

Варианты ответов	Юноши	Девушки	Общее
Взаимная любовь	37	43	80
Наличие детей	17	17	34
Совместное участие в воспитании детей	10	11	21
Верность со стороны супруга(и)	13	17	30
Уважение друг к другу	20	31	51
Сексуальная совместимость	10	10	20
Психологическая совместимость	8	11	19
Материальный достаток	9	11	19
Юридически оформленный брак	2	3	5
Отдельно проживание от родителей	4	10	14

Как видно из ответов, для счастливой жизни в семье необходимы, прежде всего, взаимная любовь, уважение друг к другу, наличие детей и верность со стороны супруга(и). Для лучшего сравнения ответов юношей и девушек, представим их в ранжированном виде (таблица 4).

Таблица 4 – Юноши и девушки об условиях, необходимых для совместной счастливой жизни, %

Юноши	Ранг	Девушки
– взаимная любовь	1	– взаимная любовь
– уважение друг к другу	2	– уважение друг к другу
– наличие детей	3	– наличие детей; верность со стороны супруга

Окончание таблицы 4

Юноши	Ранг	Девушки
– верность со стороны супруги	4	– совместное участие в воспитании детей; материальный достаток; психологическая совместимость
– сексуальная совместимость, совместное участие в воспитании детей	5	– сексуальная совместимость; отдельно проживание от родителей
– материальный достаток	6	– юридически оформленный брак
– психологическая совместимость	7	
– отдельное проживание от родителей	8	
– юридически оформленный брак	9	

Как видно из таблицы, представители обоих полов единодушны в выборе основных условий. Обратим внимание на то, что юридически оформленный брак поставлен на последнее место, то есть это, по мнению респондентов, самое незначительное условие для счастливой жизни.

Одной из важнейших функций семьи является репродуктивная. В свете сложившейся демографической ситуации в стране рождение детей является необходимым не только для удовлетворения индивидуальной потребности в детях, но и необходимым условием продолжения существования белорусского этноса. Каковы репродуктивные установки и намерения молодых людей? Ведь именно они, в свою очередь, определяют установки на применение контрацептивов, аборт, протогенетические (между браком и рождением первого ребенка) и интергенетические (между рождением детей разной очередности) интервалы и т.д.

Большинство опрошенных (80,3%) считают, что в семье обязательно должны быть дети, среди них 76,9% юношей и 83% девушек. Что является основной мотивацией для рождения ребенка? (см. рис. 7)

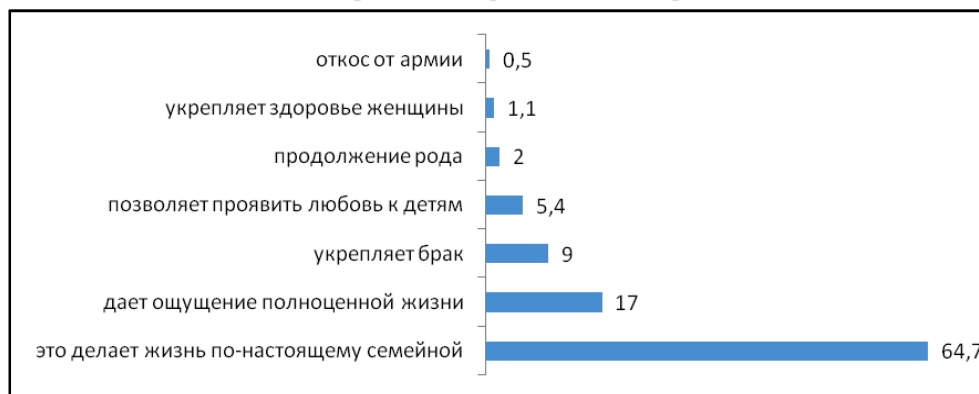

Рисунок 7. Основная мотивация для рождения детей, %

По мнению респондентов, рождение детей делает жизнь действительно семейной, дает ощущение полноты жизни, укрепляет брак. Тем не менее, пятая часть респондентов не намерена иметь детей. Основными причинами

этого оказались: намерение “делать карьеру” (35,3%) (особенно это характерно для юношей), проблемы со здоровьем (27,5%), отсутствие любви к детям (17,6%), большие материальные затраты (15,7%).

Из тех, кто планирует иметь детей, в основном хотят иметь двух детей – 59,4%; троих детей – 20,3%; а 15,6% хотят иметь одного ребенка. На сегодняшний день в Республике Беларусь установилась норма однодетной семьи, что является очень большой проблемой для государства. Если бы действительно реализовались намерения молодых людей, и произошел переход к двухдетной семье, это позволило бы хотя бы притормозить процесс депопуляции.

Свои планы относительно рождения детей респонденты переносят на будущее, в основном после окончания обучения и вступления в брак (таблица 5).

Таблица 5 – “Когда Вы планируете рождение детей?”, %

Сроки	Общее	Юноши	Девушки
– ближайшие год-два	9,6	9,5	9,8
– ближайшие 3–4 года	34,9	22,4	45,1
– ближайшие 5–6 лет	40	44,8	36,2
– в более поздний срок	15,4	23,4	8,9

Как видно из таблицы, реализовать свои планы респонденты собираются в среднем в ближайшие 3–6 лет, но юноши планируют сделать это в более поздней перспективе.

В ходе исследования был также поставлен вопрос о возможности рождения ребенка вне брака. Выяснилось, что пятая часть опрошенных допускает такую возможность для себя. Большая же часть респондентов (47,9%) – не допускает. При этом достаточно много респондентов (32,1%) затруднились ответить на этот вопрос.

В случае наступления нежелательной беременности многие женщины прерывают ее, прибегая к абортам. Многие страны запретили аборты и пытаются таким образом регулировать процессы рождаемости. В Республике Беларусь проведение абортов разрешено. Как к этому относятся респонденты проводимого исследования? Большая часть – 70,3% – относится негативно (из них 47,6% – отрицательно и 22,7% – скорее отрицательно). Положительно к абарту респонденты относятся лишь в следующих случаях:

- прерывания беременности вследствие изнасилования (31,5%);
- когда роды угрожают здоровью женщины (25,2%);
- когда нет средств для воспитания ребенка (20,7%);
- для удержания любимого мужчины (9,9%);
- если есть отклонения в развитии ребенка (8,1%);
- для сохранения рабочего места и карьерного роста (4,5%).

То есть при исключении случая изнасилования, женщины готовы прервать беременность по двум основным причинам: при угрозе здоровью и из-за нехватки материальных средств.

Одним из ключевых вопросов был вопрос о том, что же мешает рождению большего числа детей (см. рис. 8).

Рисунок 8. Причины, препятствующие рождению детей, %

Наиболее значимыми препятствиями могут быть: материальные трудности (так думают 78% девушек и 67% юношей), непрочность семьи (51% и 42%); злоупотребление супругом(ой) спиртными напитками, наркотиками (47% и 42%).

Какие меры респонденты предлагают предпринять для повышения уровня рождаемости в нашей стране (см. рис. 9).

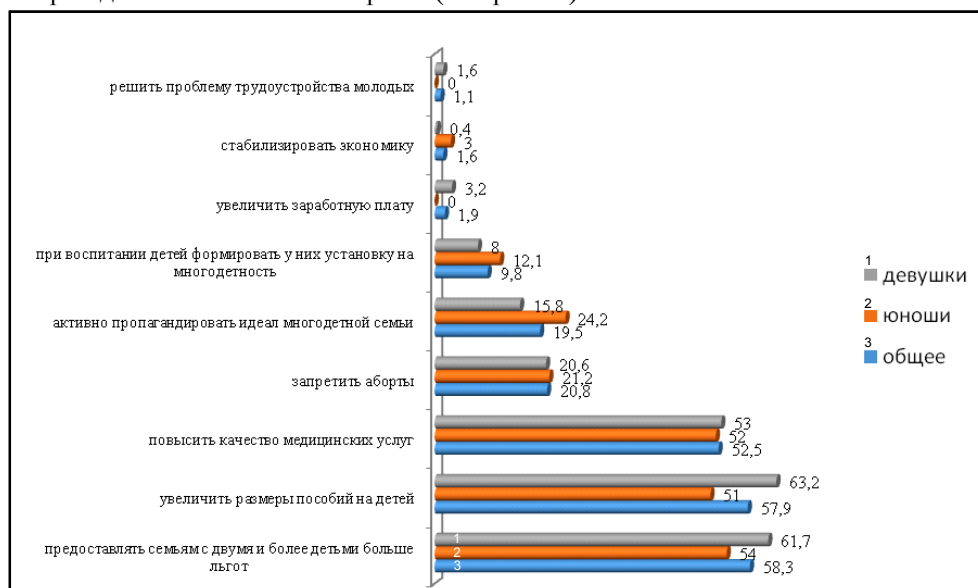

Рисунок 9. Меры для повышения рождаемости в Республике Беларусь, %

Как видно из ответов, наиболее популярным является материальное стимулирование (увеличение льгот и пособий), о чем чаще высказываются девушки. Еще одной значимой мерой является улучшение качества медицинских услуг. Помимо материального стимулирования респонденты отмечают и меры нематериального характера (на что указывают в большей степени юноши): активная пропаганда идеала многодетности; воспитательная работа с детьми, чтобы они, повзрослев, смогли реализовать эту установку в своей собственной семье.

Заключение

В брачно-семейных отношениях на протяжении последних десятилетий проявляется ряд негативных тенденций: невысокая стабильность семей, особенно молодых; повышенная конфликтность в семье, результат которой – рост разводов; увеличение доли неполных семей; сокращение удельного веса семей с 3-4 детьми и др. Как результат всего этого – относительное ослабление института семьи: легкость разводов, более поздний возраст вступления в брак, увеличение доли лиц, никогда не состоящих в браке, либерализация половой морали. Проведенное исследование показало, что:

– для молодежи любовь и брак являются одними из главных жизненных ценностей;

– для большинства респондентов обязательным условием создания семьи по-прежнему является юридически оформленный брак;

– несмотря на то, что молодежь довольно лояльно относится к “гражданскому браку” (особенно юноши), он рассматривается скорее как подготовительный этап перед юридическим оформлением отношений; одобряется церковный брак;

– молодежь в основном негативно относится к легализации однополых браков (особенно юноши), а также против возможности усыновления детей такими парами;

– основным мотивом вступления в брак является любовь;

– оптимальный возраст для вступления в брак и создания семьи для девушек – 21–23 года, а для юношей – 24–26 лет; оптимальный возраст для рождения первого ребенка – 24–26 лет для обоих полов;

– приоритетные качества “идеальной супруги” – верность мужу и любовь к детям; “идеального супруга” – забота о семье и верность жене;

– важнейшее условие для создания семьи – любовь и развитая культура взаимоотношений и поведения, устойчивость чувств и свойств личности;

– основные условия счастливой совместной жизни – любовь, уважение друг к другу;

– в семье должны быть дети, это делает жизнь по-настоящему семейной; эталон семьи – двухдетная семья (желаемое, идеальное и ожидаемое число детей совпадает – два ребенка);

– рождению детей препятствуют материальные трудности;

– увеличить рождаемость в нашей стране позволят: увеличение размеров пособий для детей, повышение качества медицинских услуг, предоставление семьям с двумя и более детьми большего числа льгот.

Таким образом, проведенное исследование имеет практическое значение. Мониторинг данного вопроса позволит внести предложения в те социальные программы, которые нацелены на улучшение положения семьи и будут способствовать решению демографических и социальных проблем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Бурова, С. Н.** Социология семьи: пособие для студентов факультета философии и социальных наук / С. Н. Бурова. – Минск : БГУ, 2011. – 208 с.
2. **Барсуков, С. М.** Молодая семья в представлениях студенческой молодежи среднего города / С. М. Барсуков // Вестник ЮРГТУ (НПИ). – 2012. – № 6. – С. 273–277.

3. Браки, разводы и общие коэффициенты брачности и разводимости. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/naselenie/demografiya_2/g/braki-razvody-i-obschie-koeffitsienty-brachnosti-i-razvodimosti/ Дата доступа: 20.01.16
4. Браки и разводы Республики Беларусь. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/naselenie/demografiya_2/operativnaya-informatsiya_1/o-demograficheskoi-situatsii/o-demograficheskoi-situatsii-v-yanvare-marte-2015-g/ Дата доступа: 20.01.16
5. Однополый брак. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Однополый_брак. – Дата доступа: 16.01.16

Поступила в редакцию 11.11.2015 г.

Контакты: olya-bor2009@yandex.ru (Борисова Ольга Васильевна)

Borisova O.V. MODERN STUDENTS' IDEAS ABOUT FAMILY AND FAMILY RELATIONS (with regard to Mogilev university students).

The article is devoted to the study of the ideas modern students have about family and marital relations. It examines the data of the sociological research conducted among the students of the Mogilev State A. Kuleshov University and the Belarusian-Russian University. The empirical material is interlaced with the theoretical propositions and statistics. The results can be used in educational and ideological work with students.

Key words: family, marriage, marriage and family relations, values, family as an institution, family as a small group, family crisis, nuptiality, cohabitation, birth rate, "civil marriage".

УДК 325:33

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ МИГРАЦИИ: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ПОДХОДОВ

С. В. Богуславская

аспирант

Институт социологии НАН Беларуси

В статье рассмотрены теоретические подходы к изучению феномена миграции в рамках экономической теории с конца XIX в. Обозначена их специфика и методологическая преемственность. Сделан акцент на необходимости междисциплинарного рассмотрения миграционной проблематики.

Ключевые слова: миграция, междисциплинарность, экономическая теория, факторы миграции.

Введение

Миграция, как социальный феномен, процесс, а также сопутствующие ей экономические, политические, социально-культурные трансформации, находятся в фокусе исследования различных наук (антропология, демография, социология, экономика, история, юриспруденция и др.). Спектр изучаемых вопросов широк и вариативен по характеру исследуемой проблематики и по используемому теоретико-методологическому инструментарию. При этом уже укоренившейся тенденцией является междисциплинарный характер реализуемых исследовательских проектов и практик¹, а также устойчивое стремление к артикуляции миграционной проблематики из корпуса других наук и формированию самостоятельной дисциплинарности по типу “миграциология”². Однако, несмотря на желание обозначить ее как самостоятельную область научного знания, миграционная проблематика так или иначе инкорпорирована в корпус более широкого экономического, социологического, исторического и др. знания, что находит отражение и в предметности, и в используемом категориальном аппарате.

Основная часть

Актуальность миграции как социального феномена определяется самим содержанием данного явления, которое может быть рассмотрено предельно широко, как любое пространственное перемещение вне зависимости от целей, сроков, характера, так и специфицировано, например, до индивидуальной либо групповой социальной мобильности. Отсутствие универсального видения того, что есть миграция, обуславливает и диверсифицированность теоретических подходов к ее концептуализации. Попытку систематизации

¹ На междисциплинарный характер исследований миграционной проблематики указывали М. Каслс, К. Бреттел, Дж. Холлифилд, Д. Мейсси, Т.Н. Юдина.

² Хореев, Б. С. Миграциология / Б. С. Хореев, М. Б. Денисенко, В. А. Ионцев. – М. : Изд. МГУ, 1989; Castles, S. Theageofmigration: International Population Movements in the Modern World / S. Castles, M. Miller. – New York : Guilford Press. – P. 30.

теорий миграции предприняли белорусские исследователи В.В. Почекина и Р.М. Супранович [1, с. 22–24]. Они выделили теории происхождения миграции (неоклассическая, новая экономика миграции, теория двойного рынка труда, теория мировых систем) и теории постоянной миграции (социальной сети, институциональная, миграционной системы).

Традиционно, в качестве основного фактора, влияющего на миграционные процессы, рассматривается экономический. Уже в конце XIX в. под влиянием стремительной индустриализации в западноевропейских обществах и сопутствующих ей изменений в социально-бытовой, культурной, демографической сферах появляются теории, ставящие целью объяснить причины и основные принципы миграции населения. В 1885 г. британский географ Эрнст Георг Равенштайн опубликовал статью “Законы миграции”³. В своем исследовании Равенштайн использовал статистические данные переписи населения Великобритании, в которой с 1841 г. присутствовал вопрос о месте рождения, поэтому сформулированные им законы касались, прежде всего, миграционных процессов внутри страны. Законы имеют следующий вид: 1. Большинство мигрантов перемещаются только на короткие расстояния. 2. Когда мигранты перемещаются в центры поглощения, они оставляют “дыры”, которые заполняют мигранты из более отдаленных районов. Таким образом возникают миграционные потоки, охватывающие даже самые отдаленные территории. 3. Существует также процесс рассеивания, противоположный процессу поглощения. 4. Каждый значимый миграционный поток порождает компенсационный обратный поток. 5. Мигранты, преодолевающие значительные расстояния, направляются преимущественно в центры торговли и промышленности. 6. Жители городов менее склонны к перемещениям, нежели сельские жители. 7. Женщины более предрасположены к миграции, чем мужчины (позже Равенштайн уточнил, что речь идет о перемещениях внутри страны. Во внешней миграции активнее мужчины) [2; 3].

Основываясь на обширном эмпирическом материале, Равенштейну удалось выделить базовые характеристики миграционных процессов. Однако его законы носят довольно описательный характер и в них отсутствует объяснение причин миграции и факторов, способствующих воспроизводству этого явления [4].

Законы миграции оказали огромное влияние на последующие работы в области моделирования и концептуализации миграционных процессов. В частности, они легли в основу **неоклассической теории миграции**, представители которой ставили цель объяснить, почему происходит миграция и как формируются направления миграционных потоков.

Согласно широко известной теории “притяжения и выталкивания” (push and pull theory) Эверетта Ли, на принятие решения о миграции и на сам процесс влияет совокупность факторов, которые Э. Ли обозначил, как притягивающие, выталкивающие, удерживающие, или промежуточные.

К факторам “выталкивания” относят экономические кризисы и нестабильность, социальные потрясения, стихийные бедствия, низкий уровень

³ Ravenstein, E. “The Laws of Migration” / E. Ravenstein // The Journal of the Statistical Society of London. – 1885. – Vol. 48. – № 2; Ero же. “The Laws of Migration” // The Journal of the Royal Statistical Society. – 1889. – Vol. 52. – № 2.

жизни, политические репрессии. Факторами “притяжения”, являющимися решающими при выборе “пункта назначения”, выступают высокий уровень экономического развития, политическая свобода, высокий уровень социального обеспечения, спрос на рабочую силу, возможность получить доступ на рынок труда (в том числе в неформальном секторе, что особенно важно для нелегальных иммигрантов). Э. Ли отмечает, что миграция является процессом селективным, и одни и те же факторы могут влиять на разных людей по-разному. Решение в пользу миграции вероятнее в том случае, если комбинация притягивающих и выталкивающих факторов настолько сильна, что оправдывает трудности, связанные с переездом, адаптацией на новом месте жительства, изменением статуса и материального положения [5, с. 52].

Промежуточные факторы возрастают с увеличением расстояния между территориями и могут выступать в качестве ограничителей миграционных потоков. В их число входят транспортные расходы, законодательное регулирование перемещения и т. д. Особенно значимую роль играет наличие информации о предполагаемом регионе прибытия [6, с. 45].

Важной характеристикой, влияющей на склонность к миграции, является нахождение на определенных этапах жизненного цикла. Вступление в брак либо начало трудовой деятельности в значительно большей мере предполагают возможность миграции, нежели развод или выход на пенсию (в таких случаях возможна обратная миграция). Помимо этого, эмоциональная привязанность к определенной местности, связанная с воспоминаниями о проведенных годах детства, юности, может также повлиять на принятие решения о миграции [5, с. 55].

Модель концептуализации миграции, предложенная Э. Ли и основанная на выделении различных факторов, завоевала исключительную популярность в миграционной литературе и стала фактически доминирующей миграционной теорией.

Дальнейшее развитие миграционной проблематики в рамках неоклассического подхода происходило на **макро- и микроуровне**. На макроуровне базовым положением данного подхода являлось допущение о наличии свободной конкуренции и совершенного рынка факторов производства, а миграция рассматривалась как результат географических различий в спросе и предложении труда и в уровнях доходов между территориями происхождения и потенциального въезда. Следовательно, миграция является инструментом, нивелирующим неравенство, поэтому в миграционной литературе неоклассическая теория получила название “пространственно-экономического баланса” [7, с. 22]. Направление миграционных потоков определяется экономическими характеристиками территорий: если они привлекательные, то на территорию происходит иммиграция, если негативные – то эмиграция.

Согласно микроэкономической модели индивидуального выбора (М. Тодаро, Л. Маружко) отдельные индивиды принимают решение о миграции на основании рационального сравнения издержек и выгод (cost-benefit approach), которые неизбежно сопряжены с переездом на новое место жительства. Таким образом, решение о миграции носит весьма утилитарный характер, а в качестве причины миграционной подвижности населения рассматривается различие в уровнях заработной платы. Международная мигра-

ция понимается как форма инвестиций в человеческий капитал, точно такая же как в образовании, квалификацию, здоровье и др. Люди выбирают территорию перемещения таким образом, чтобы в месте вселения они могли реализовать свои профессиональные навыки и соответственно увеличить свой доход [8, с. 434].

Дальнейшая модификация неоклассической теории миграции была осуществлена в рамках **теории двойного (сегментированного) рынка труда**, разработанной американским экономистом Майклом Пиоре в конце 70-х гг. По мнению М. Пиоре, иммиграция в странах происхождения вызвана такими факторами, как низкая заработная плата и высокая безработица, а в принимающих странах напротив, существует потребность в иностранной рабочей силе, таким образом, миграция вызывается не “выталкивающими” факторами в донорских странах, а притягивающими факторами в принимающих.

Данная теория исходит из того, что трудовым рынкам развитых (пост) индустриальных стран свойственна неразрывная взаимосвязь между рабочей силой и капиталом, связанная с сегментированной структурой рынка труда. Население экономически развитых стран занято преимущественно в “первичном” капиталоемком секторе, где гарантированы высокая оплата труда и возможность профессионально-карьерного роста. “Вторичный” трудоемкий сектор рынка труда, который характеризуется низкой заработной платой, часто меняющимися условиями труда, незначительной перспективой для карьерного продвижения, заполняется посредством привлечения иммигрантов⁴ [9, с. 300–330].

Недостатки теории М. Пиоре заключаются в том, что он рассматривает исключительно притягивающие факторы (возможность трудоустройства, улучшения материального положения), упуская из виду выталкивающие факторы (связанные с демографическими трансформациями в развивающихся странах) [6].

Таким образом, в представленных теориях, делается акцент на рассмотрении влияния экономических факторов как обуславливающих миграционные процессы в масштабах национальных государств и глобальных систем. Прослеживается “генетическая связь” данных подходов на уровне формулирования проблемы и постановки исследовательской задачи: “Чем объясняется решение мигрировать и эффект этого решения?”⁵ Предлагаемые в качестве ответа концептуальные схемы, фокусируясь на эконометрической оценке миграции, игнорируют ее социально-демографические, культурные и др. аспекты.

Значительный интерес в этой связи представляет рассмотрение миграции в контексте **мир-системной парадигмы**, предложенной И. Валлерстайном, в которой отражено влияние на формирование миграционных потоков

⁴ В международном обороте закрепился неологизм 3Ds jobs (dirty, dangerous, difficult), обозначающий грязную, опасную, сложную работу, на которую соглашаются, как правило, только иммигранты.

⁵ Таким образом, Кэролайн Б. Бреттел и Джеймс Ф. Холлифилд в книге “Migration Theory: talking across disciplines” в рамках междисциплинарной матрицы сформулировали основной вопрос экономики при изучении миграционной проблематики.

не только экономических факторов, но и исторических, социокультурных. Все современные национальные государства являются частью мировой капиталистической системы и включены в глобальные экономические, политические процессы. Однако как на внутреннем рынке труда принадлежность к определенным классам и социальным группам определяет доступ к различным ресурсам, так и на мировом – различные государства имеют различный доступ к товарам и услугам [10]. По И. Валлерстайну, происходит разделение стран, в зависимости от их положения в мировой экономической системе на центральные, полупериферийные, периферийные и изолированные страны⁶, выпадающие из системы. Периферийные страны наименее развиты и выступают в качестве поставщиков сырья, сельскохозяйственной продукции и дешевой рабочей силы для стран ядра. Полупериферийные государства занимают двойственное положение: с одной стороны, они являются поставщиками ресурсов для ядра, с другой – эксплуатируют периферийные страны. Распределение стран по данным группам имеет исторически укоренившийся характер со времен политики колониализма, где бывшие метрополии входят в группу центральных стран, или ядра, которые аккумулируют политические, экономические и военные ресурсы, поддерживая тем самым глобальное неравенство [11, с. 401–405].

Международная миграция является естественным следствием проникновения глобальной экономики, например, транснациональных корпораций, в периферийные регионы. Международная миграция особенно характерна для бывших метрополий и их колоний, потому что культурные, языковые, административные, инвестиционные, транспортные и коммуникационные связи были установлены уже давно, что привело к формированию специфических транснациональных рынков и культурных систем [11, с. 406].

Заключение

Миграционная проблематика уже более ста лет находится в предметном поле исследования различных наук. Значительную популярность приобрели подходы, разработанные в рамках экономической теории, которые в процессе своей эволюции концептуально диверсифицировались и совершенствовались с точки зрения методологической. Кроме того, как результат критического осмысления теорий миграции, предложенных экономической наукой, происходило развитие альтернативных подходов в рамках социологии, антропологии, истории, политологии, примером чего служит мир-системная парадигма И. Валлерстайна.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Почекина, В. В.** Рынок труда в мировой экономике / В. В. Почекина, Р. М. Супранович. – Минск : Право и экономика, 2006. – 247 с.
2. **Corbett, John.** Ernest George Ravenstein: The Laws of Migration, 1885 [Electronic resource] / John Corbett // Center for Spatially Integrated Social Science Classics. – Mode of access: <http://eprints.cdlib.org/uc/item/3018p230#page-1>. – Date of access: 19.01.2016.

⁶ К данной группе И. Валлерстайн относит небольшие гомогенизированные сообщества, занимающиеся преимущественно присваивающим хозяйством и существующие в виде автаркий.

3. **Tobler, Waldo.** Migration: Ravenstein, Thorntwaite, and beyond / Waldo Tobler // Urban Geography, Spatial Analysis in Geography. – 1995. – Vol. 16, iss. 4. – P. 327–343.
4. **Абылкаликов, С. И.** Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда [Электронный ресурс] / С. И. Абылкаликов, М. В. Винник // Бизнес. Общество. Власть (онлайн-издание). – 2012. – № 12. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/mag/27364712/2012-12/71249233.html>. – Дата доступа: 19.01.2016.
5. **Everett, Lee.** A Theory of Migration / Lee Everett // Demography. – 1966. – Vol. 3. – № 1. – P. 47–57.
6. **Ивахнюк, И. В.** Развитие миграционной теории в эпоху глобализации [Электронный ресурс] / И. В. Ивахнюк // Век глобализации. – № 1. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-migratsionnoy-teorii-v-usloviyah-globalizatsii>. – Дата доступа: 19.01.2016.
7. **Castles, S.** The Age of Migration / S. Castles, M. J. Miller. – 3rd ed. – New York : Guilford Press, 2003. – 306 p.
8. Theories of International Migration: Review and Appraisal / D. S. Massey [et al.] // Population and Development Review. – 1993. – Vol. 19 (3). – P. 431–466.
9. **Радаев В. В.** Экономическая социология / В. В. Радаев. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005 г. – 605 с.
10. **Martinez-Vela, Carlos A.** World Systems Theory [Electronic resource] / Carlos A. Martinez-Vela // Research Seminar in Engineering Systems. – Mode of access: <http://web.mit.edu/esd.83/www/notebook/WorldSystem.pdf>. – Date of access: 19.01.2016.
11. **Wallerstein, I.** The rise and Future Demise of the World Capitalist System: Concepts for Comparative Analysis / I. Wallerstein // Comparative Studies in Society and History. – 1974. – Vol. 16, iss. 4. – P. 387–415.

Поступила в редакцию 25.01.2016 г.

Контакты: (+375 29) 683 70 30 (Богуславская Светлана Викторовна)

Boguslavskaya S.V. ECONOMIC THEORIES OF MIGRATION: REVIEW OF FOREIGN APPROACHES.

Different theoretical approaches towards the phenomenon of migration conducted since the end of the XIX century are reviewed in the article. The specificity of each approach and their methodological coherence are shown. The emphasis is laid on the interdisciplinary character of the migration research.

Key words: migration, interdisciplinarity, economic theory, factors of migration.

УДК 343.375

НАСИЛЬСТВЕННОЕ ЗАВЛАДЕНИЕ ИМУЩЕСТВОМ ПУТЕМ ГРАБЕЖА И РАЗБОЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

М. Д. Веремеенко

кандидат исторических наук, доцент права,
профессор кафедры правовых дисциплин
Могилевский институт МВД Республики Беларусь

Статья посвящена проблеме насильственного завладения имуществом. Особое внимание уделено правовой оценке хищений, совершаемых с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, ядовитых, отравляющих и сильнодействующих веществ, а также дискуссионным вопросам, связанным с определением степени интенсивности насилия при завладении чужим имуществом. При этом автором высказаны собственные суждения и предложения по исследуемой теме.

Ключевые слова: грабеж, разбой, хищение, физическое и психическое насилие, завладение имуществом.

Введение

Проблема насильственного завладения имуществом является предметом пристального внимания ученых на протяжении многих лет. Подтверждением тому служат работы таких отечественных и зарубежных авторов, как А.И. Бойцов, Г.Н. Борзенков, О.А. Буркина, В.В. Векленко, В.А. Владимиров, Б.В. Волженкин, Л.Д. Гаухман, Г.Л. Кригер, Н.А. Лопашенко, Б.С. Никифоров, И.С. Тишкевич, Р.Е. Токарчук, В.В. Хилюта и др. В них содержится довольно обстоятельная характеристика насильственного завладения имуществом путем грабежа и разбоя. Вместе с тем далеко не все вопросы этой темы получили исчерпывающее и единообразное освещение. Еще встречается немало трудностей и разногласий в правовой оценке хищений, совершаемых с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, ядовитых, отравляющих и сильнодействующих веществ. Определенные сложности вызывают вопросы, связанные с определением степени интенсивности насилия при завладении чужим имуществом и с квалификацией действий виновных, применивших угрозы для завладения имуществом. Между тем правильное решение этих вопросов имеет огромное значение для квалификации хищений, дифференциации уголовной ответственности и стабильности правоприменительной практики.

Основная часть

В теории уголовного права насильственными признаются такие преступления, в том числе и хищения, которые совершаются с применением физического или психического насилия [1, с. 427; 2, с. 3]. Поэтому для правильно-

го установления таких хищений важно уяснить само понятие “насилие”, выявить наиболее существенные для него признаки.

В толковых словарях насилие толкуется как “принуждение, неволя, силованье” [3, с. 468], “применение физической силы, принудительное воздействие на кого-либо” [4, с. 394]. Легального понятия насилия в законодательстве нет. Изучение юридической литературы по данному вопросу свидетельствует о том, что в настоящее время существуют различные подходы к содержанию насилия и его определению [5, с. 7–8; 6, с. 9–10; 7, с. 9–10]. Не случайно завладение имуществом потерпевших с применением насилия сопряжено с многочисленными трудностями квалификации, вызывает ряд вопросов. В этой связи представляется совершенно уместным предложение В.В. Хилюты о необходимости “выработать общие признаки криминального насилия и предусмотреть его дефиницию в общей части уголовного закона” [8, с. 55].

Характеризуя насилие, авторы подразделяют его в зависимости от интенсивности на опасное и не опасное для жизни или здоровья. Уголовное законодательство Республики Беларусь определяет, что при насильственном грабеже используется насилие, не опасное для жизни или здоровья, либо угроза применения такого насилия, а при разбое – опасное [9]. Как видим, интенсивность насилия служит показателем характера и степени общественной опасности преступления, позволяет разграничить такие смежные составы преступлений, как насильственный грабеж и разбой. Поэтому в каждом конкретном случае важно установить, какое насилие использовалось, в чем выразилось такое насилие и по каким причинам оно создавало реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего. Однако, как свидетельствуют материалы судебной практики, установление этих обстоятельств сопряжено с рядом трудностей, их юридическая оценка вызывает определенные разногласия. Так, при оценке степени интенсивности насилия, используемого для завладения чужим имуществом, в большинстве случаев учитывается такой критерий, как последствия применения физического насилия. Но имеется и другой критерий: способ действия. Его оценка зависит от конкретных обстоятельств совершенного преступления. Например, сбрасывание потерпевшего с высоты, выталкивание из движущего транспортного средства и тому подобные действия при определенном благоприятном стечении обстоятельств могут оказаться совершенно безвредными в физическом отношении, но по своему характеру и способу действия они относятся к опасному для жизни или здоровья насилию. Поскольку же, как справедливо отмечает В.В. Хилюта, нет точных, определенных критериев разграничения опасного и не опасного для жизни или здоровья насилия [8, с. 90], то определение его степени и характера опасности по способу действия во многом зависит от субъективного представления того или иного правоприменителя, от сложившейся практики.

Под насилием, не опасным для жизни или здоровья, следует понимать причинение легких телесных повреждений, не повлекших за собой кратковременного расстройства здоровья либо незначительной стойкой утраты трудоспособности, нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо ограничением его свободы [10]. К такого рода насилию на практике относят: сбивание потерпевшего с ног, выкручивание и (или) заламывание рук, при-

менение наручников, нанесение потерпевшему ударов, побоев, удержание потерпевшего, связывание конечностей, ограничение его свободы путем связывания, помещения в закрытое пространство и т. д. [11, с. 109; 12, с. 109]. Но даже указанные случаи насилия, не опасного для жизни и здоровья потерпевшего, не всегда могут оцениваться однозначно. В реальной действительности применяемое к потерпевшему одинакового вида насилие при совершении хищения по способу действия может быть опасным и не опасным для жизни или здоровья. Так, ограничение свободы может быть отнесено и к насилию, опасному для жизни или здоровья, когда, например, потерпевшего зимой на длительное время связывают и помещают в закрытое неотапливаемое помещение. В то же время, как отмечают некоторые авторы, нельзя признавать насильственным грабежом или разбоем ограничение (лишение) свободы, если виновный, совершая хищение не применял для этого насилия, направленного против телесной неприкосновенности потерпевшего [8, с. 68].

Во всех указанных случаях в целях завладения чужим имуществом в отношении потерпевшего применяется ограничение (лишением) свободы. Но квалификация их, как мы выяснили, различная. В этой связи представляется необходимым для правильной оценки характера насилия и квалификации содеянного учитывать не только вызванные насилием последствия, но и способ действия, обстоятельства совершенного преступления.

Актуальным, но также дискуссионным, является вопрос о завладении имуществом под угрозой применения насилия. Это связано с тем, что установить интенсивность психического насилия и, соответственно, является ли содеянное насильственным грабежом или разбоем, довольно сложно, поскольку оценивать приходится не реально причиненный вред, а вред предполагаемый, вероятный. В настоящее время в уголовном праве существует ряд критериев в оценке степени опасности угрозы применения насилия: оценка его самим потерпевшим, направленность умысла и субъективное отношение к угрозе виновного, учет всех конкретных обстоятельств дела [1, с. 478; 8, с. 104–109; 13, с. 213]. Однако, как свидетельствует практика, эти критерии понимаются по-разному. Так, потерпевшие зачастую склонны преувеличивать угрожающую им опасность и видеть ее в довольно невинных ситуациях, а иногда и специально придумывать ее. И, наоборот, возможны такие случаи, когда потерпевший хорошо владеет приемами самозащиты и не испугается и занесенного над ним ножа. Кроме того, в реальности имеют место и такие случаи, когда виновный при завладении имуществом применил угрозу насилия, не опасную для жизни и здоровья потерпевшего и считал, что она таковой и является, хотя потерпевший воспринял ее по-другому. В этой связи вряд ли можно согласиться с утверждением, что содержание и характер угрозы следует оценивать в зависимости от факта ее восприятия самим потерпевшим или субъективного отношения к ней виновного. Представляется, что важно установить не только отношение к ней потерпевшего и нападающего, но и то, находит ли субъективное восприятие потерпевшим насильственных действий (опасными или не опасными для жизни или здоровья они являются) подтверждение в действительности. Таким образом, при определении степени опасности угрозы применения насилия нужно исходить из всех названных критериев, а не из какого-то одного. Именно такой подход

получил закрепление в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 “О применении судами уголовного законодательства по делам о хищении имущества”, где сказано, что при определении угрозы применения насилия необходимо учитывать не только субъективное восприятие потерпевшего, но и конкретные обстоятельства дела, а также направленность умысла виновного [10].

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что ответственность за реальное применение насилия и угрозу его применения установлена одинаковая в одной и той же норме. Вряд ли это можно считать правильным. Ведь общественная опасность таких деяний различная. В этой связи, как нам представляется, заслуживает внимания и обсуждения предложения, высказанные в юридической литературе о том, что угроза как способ завладения имуществом должна быть выделена из составов грабежа и разбоя и найти свое самостоятельное закрепление [8, с. 110].

Одним из спорных вопросов рассматриваемой темы является вопрос о завладении имуществом, совершенным с применением оружия, в том числе негодного или его имитацией. В юридической литературе по данному вопросу существуют различные точки зрения. Так, большинство авторов полагает, что использование огнестрельного или холодного оружия относится к насилию, опасному для жизни или здоровья. К такому же насилию, по их мнению, относится и угроза применения негодным оружием или его имитацией, если потерпевший воспринимал их как настоящее оружие [12, с. 110; 14, с. 439; 15, с. 109; 16, с. 591–592].

Вместе с тем некоторые авторы, на наш взгляд, справедливо считают, что применение оружия, в том числе негодного или его имитации, а также предметов, используемых в качестве оружия, не всегда свидетельствует о том, что имело место насилие, опасное для жизни или здоровья потерпевшего. Так, по мнению Г.А. Кригера, использование преступником при нападении детского игрушечного пистолета, пугача или иного макета оружия, которыми фактически нельзя причинить вред здоровью потерпевшего можно рассматривать как разбой только в тех случаях, если в действиях виновного были другие признаки состава этого преступления [17, с. 143].

А.И. Бойцов утверждал, что применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, далеко не всегда является показателем того, что имело место насилие, опасное для жизни или здоровья, и что не каждый вид оружия способен при его применении создавать реальную возможность причинения такого насилия. Например, применение пневматического оружия, электрошоковых устройств, газового оружия и тому подобных предметов может и не грозить наступлением физических последствий, свойственных насилию, опасному для жизни или здоровья [1, с. 470–471]. Такого же мнения придерживается и В.В. Хилота [8, с. 84–85].

Наша позиция по данному вопросу состоит в следующем. Поскольку оружие и предметы, используемые в качестве оружия, создают возможность причинения различных физических последствий, правильная оценка опасности насилия и квалификация действий виновного должны решаться с учетом их поражающих свойств и характера воздействия на потерпевшего в каждом отдельном случае.

Специального рассмотрения заслуживает вопрос о юридической оценке привидения потерпевшего в бессознательное состояние путем введения в его организм отравляющих, ядовитых или одурманивающих веществ с целью последующего завладения имуществом. В юридической литературе до сих пор нет единого мнения по данному вопросу. Так, одни авторы отрицательно относятся к признанию физическим насилем тайного или обманного введения химических веществ в организм человека. Поэтому завладение чужим имуществом, которому предшествовало приведение потерпевшего в бессознательное состояние с помощью таких веществ, они предлагают квалифицировать как кражу и соответствующее преступление против личности, если при этом причинен вред здоровью потерпевшего [5, с. 18–19; 18, с. 56–58].

Большинство авторов привидение лица в беспомощное состояние с использованием химических веществ независимо от способа их введения признают физическим насилем и предлагают квалифицировать их применение с целью последующего завладения имуществом потерпевшего как насильственный грабеж или разбой в зависимости от “поражающих” свойств вещества [1, с. 447–450; 5, с. 50; 17, с. 130–132]. Эту позицию поддержал и Верховный Суд Республики Беларусь. Так, согласно п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 в случаях, когда в целях хищения чужого имущества в организм потерпевшего против его воли или путем обмана введено опасное для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество с целью приведения потерпевшего в беспомощное состояние, содеянное должно квалифицироваться как разбой. Если с той же целью в организм потерпевшего введено вещество, не представляющее опасности для жизни или здоровья, содеянное надлежит квалифицировать как грабеж, соединенный с насилем [10].

Однако дискуссия о признании или непризнании физическим насилем тайного или обманного введения ядовитых, одурманивающих и других веществ в организм потерпевшего с целью хищения и квалификации таких деяний не прекращалась. Некоторые авторы не без оснований стали утверждать, что практика квалификации подобного рода действий как насильственного грабежа ошибочна, так как противоречит способу завладения имуществом. Действительно, грабеж – это открытое завладение имуществом потерпевшего. Согласно же п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря № 15 открытым похищением имущества (грабежом) признается такое завладение имуществом, которое совершается в присутствии потерпевшего, лиц, которым имущество вверено или под охраной которых оно находится, либо на виду у посторонних, когда лицо, совершающее хищение, сознает, что присутствующие при этом лица понимают противоправный характер его действий [10]. Следовательно, если преступник намерен лишить потерпевшего возможности осознавать происходящее и “угощает” его алкогольными напитками, наркотическими средствами, сильнодействующими, ядовитыми или одурманивающими веществами, то в этом случае как бы отсутствует открытое похищение имущества. В связи с изложенным подобного рода действия предложено квалифицировать как разбой или кражу в зависимости от того, причинен ли ущерб здоровью или нет [8, с. 95–101].

Если рассматривать только внешнюю сторону содеянного, абстрагируясь от самой сущности насилия и механизма его совершения, то с подобным предложением можно согласиться. Однако, как нам представляется, здесь не все так просто. Ведь физическое насилие – это не просто применение физической силы, когда применяется силовое воздействие на тело человека. Введение в организм потерпевшего химических веществ также является физическим насилием, поскольку происходит противоправное воздействие на внутренние органы и ткани, хотя и без повреждения кожного покрова. Что же касается способа совершения хищения, то в основу отграничения кражи от насильственного грабежа и разбоя положен такой его критерий, как применение насилия. Насилие же может быть как открытым, так и тайным, либо с использованием обмана. Но во всех этих случаях преступник понимает, что причиняет физический вред вопреки воле потерпевшего.

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Проблема насильственного завладения чужим имуществом является предметом пристального внимания ученых на протяжении многих лет. Однако до сих пор нет единого мнения по ряду вопросов. Так, дискуссионными являются вопросы, связанные с определением степени интенсивности насилия при завладении чужим имуществом, с квалификацией действий виновных, применивших угрозы для завладения имуществом, с правовой оценкой хищений, совершаемых с применением оружия, отравляющих, ядовитых и сильнодействующих веществ.

2. Для разграничения насильственного грабежа и разбоя необходимо установить характер насилия, использованного при совершении хищения. Для оценки интенсивности насилия, как нам представляется, имеют значение не только вызванные им последствия в виде реального вреда здоровью, но и способ действия.

3. При квалификации действий виновных, завладевших имуществом под угрозой применения насилия нужно учитывать не один какой-то, а все критерии оценки степени угрозы в их совокупности: оценка ее самим потерпевшим, направленность умысла, субъективное отношение к угрозе виновного, конкретные обстоятельства дела.

4. Вопрос о квалификации действий виновных при использовании для завладения имуществом оружия, в том числе пневматического, газового, сигнального, электрошоковых устройств следует решать с учетом их поражающих свойств и характера воздействия на потерпевшего.

5. Для правильной оценки противоправного введения веществ в организм человека с целью хищения важно более глубоко изучить признаки насилия, механизм его совершения, уяснить его сущность, а также найти тот критерий, который будет являться определяющим мерилom при отграничении кражи от насильственного грабежа и разбоя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. **Бойцов, А. И.** Преступления против собственности / А. И. Бойцов – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. – 775 с.

2. **Гаухман, Л. Д.** Насилие как средство совершения преступления / Л. Д. Гаухман – Москва : Юрид. лит., 1974. – 168 с.
3. **Даль, В.** Толковый словарь живого великорусского языка : Т. 1–4 / В. Даль. – Москва : Рус. яз., 1989. – Т. 2.: И-О, 1989. – 779 с.
4. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Институт рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд.; испр. и доп. – Москва : Русский язык, 1981–1984. Т. 2 : К-О, 1983. – 736 с.
5. **Буркина, О. А.** Уголовная ответственность за посягательства на собственность с применением насилия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / О. А. Буркина. – Омск, 2008. – 30 с.
6. **Иванцова, Н. В.** Отражение и оценка общественно опасного насилия в уголовном праве (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Н. В. Иванцова; Казанский государственный университет. – Казань, 2005. – 52 с.
7. **Шарапов, Р. Д.** Насилие в уголовном праве: понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Р. Д. Шарапов ; Екатеринбургская юридическая академия. – Екатеринбург, 2006. – 54 с.
8. **Хилота, В. В.** Хищение: способы совершения, вопросы квалификации и практики правоприменения / В. В. Хилота. – Минск : Амалфея, 2014. – 672 с.
9. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : Одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.; в ред. Закона Республики Беларусь от 28.04.2015 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
10. О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 21 декабря 2001 г., № 15 : в ред. Постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 24.09.2009 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
11. **Лопашенко, Н. А.** Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование / Н. А. Лопашенко. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 408 с.
12. **Владимиров, В. А.** Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность / В. А. Владимиров, Ю. И. Ляпунов. – Москва : Юрид. лит., 1986. – 224 с.
13. Уголовное право. Особенная часть : учеб. пособие / Е. А. Авраменко [и др.] ; под ред. В. А. Кашевского ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2012. – 734, [2] с.
14. **Гаухман, Л. Д.** Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – 4-е изд., перераб. и доп. / Л. Д. Гаухман. – Москва : АО «Центр ЮрИнфоР», 2010. – 559 с.
15. **Гаухман, Л. Д.** Уголовная ответственность за преступления в сфере экономики / Л. Д. Гаухман, С. В. Максимов. – Москва : Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1996. – 304 с.
16. Энциклопедия уголовного права. – Т. 18 : Преступления против собственности. – Издание профессора Малинина. – СПб ГКА, СПб., 2011. – 1018 с.

17. **Кригер, Г. А.** Квалификация хищений социалистического имущества. – 2-е изд., испр. и доп. / Г. А. Кригер. – Москва : Юрид. лит, 1974. – 336 с.
18. **Владимиров, В. А.** Социалистическая собственность под охраной закона / В. А. Владимиров, Ю. И. Ляпунов. – Москва : Юрид. лит, 1979. – 200 с.

Поступила в редакцию 09.09.2015 г.

Контакты: (+375 222) 72 83 98 (Веремеенко Михаил Дмитриевич)

Veremeyenko M.D. FORCIBLE SEIZURE OF PROPERTY BY PLUNDER AND ROBBERY: CURRENT ISSUES OF LAW ENFORCEMENT THEORY AND PRACTICE.

The article deals with the issue of violent appropriation of property. Particular attention is paid to the legal evaluation of theft committed with weapons or objects used as weapons, poisonous, toxic and potent substances, as well as to the controversial issues related to the determination of the degree of violence intensity in the misappropriation of property. The author expresses his own opinion and suggestions on the subject in question.

Key words: robbery, burglary, theft, physical and mental violence, seizure of property.

УДК 346.2

СТАТУС, ПРИЗНАКИ И ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ МОНОПОЛИЙ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н. В. Пантелеева

кандидат юридических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Статья посвящена понятию и сущности естественных монополий на рынке однородных товаров, работ и услуг, в процессе исследования автор определяет основные элементы естественной монополии, основания ее функционирования, правовую природу, источники правового регулирования и вырабатывает признаки, характеризующие субъекта естественной монополии и само ее понятие.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство, естественные монополии, конкуренция, монополия, недобросовестная конкуренция, субъекты хозяйствования, товарный рынок, ответственность.

Введение

Правовое регулирование статуса и деятельности естественных монополий представляет собой актуальный процесс, так как совершенствование антимонопольного законодательства и мер по упорядочению отношений в области монополистической деятельности является одной из составляющих политики государства, в том числе на международном уровне. В частности 29 июня 2014 г. в г. Астане был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе, приложение № 20 которого закрепляет единые принципы и правила регулирования деятельности субъектов естественных монополий. Основными источниками, регламентирующими статус естественных монополий и сфер их деятельности в Республике Беларусь являются Закон Республики Беларусь “О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции”, принятый Палатой Представителей 22 ноября 2013 г. и одобренный Советом Республики 27 ноября 2013 г. (далее по тексту – Закон о противодействии монополистической деятельности) и Закон Республики Беларусь “О естественных монополиях” от 16 декабря 2002 г. № 162-З (далее по тексту – Закон о естественных монополиях).

Согласно Закону о естественных монополиях рассматриваемый субъект хозяйствования – состояние рынка услуг, при котором создание конкурентных условий для удовлетворения спроса на определенный вид услуг невозможно или экономически нецелесообразно в силу технологических особенностей производства и предоставления данного вида услуг.

Учитывая, что понятие естественной монополии включает также и экономическую составляющую, то целесообразно его рассматривать и с этой

позиции. Так, опираясь на точку зрения В.Г. Гавриленко, естественная монополия (англ. natural monopoly) это:

1) ситуация, при которой экономия от масштаба столь значительна, что минимум затрат достигается только тогда, когда весь выпуск отрасли сосредоточен в руках одного производителя, так что производственные затраты в условиях монополии оказываются ниже, чем при совершенной конкуренции или олигополии. Существование естественной монополии служит основным аргументом в пользу национализации таких отраслей, как железные дороги;

2) сферы деятельности, где в результате природных, технологических и иных условий исключается или ограничивается возможность существования конкурентных рынков [1].

Основная часть

Понятие и статус естественных монополий целесообразно исследовать, руководствуясь различными источниками. Закон о противодействии монополистической деятельности определяет критерии признания субъекта монополистом. В частности статья 5 Закона о противодействии монополистической деятельности указывает, что доминирующим признается положение хозяйствующего субъекта:

1) доля которого на товарном рынке составляет 35 и более процентов;

2) менее 35%, если доминирующее положение такого хозяйствующего субъекта установлено антимонопольным органом, исходя из:

– возможности хозяйствующего субъекта в одностороннем порядке определять уровень цены (тарифа) на товар и оказывать решающее влияние на общие условия реализации товара на соответствующем товарном рынке;

– наличия экономических, технологических, административных или иных ограничений для доступа на товарный рынок;

– периода существования возможности хозяйствующего субъекта оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на товарном рынке.

3) доминирующим признается положение каждого из нескольких хозяйствующих субъектов, если выполняются в совокупности следующие условия:

а) совокупная доля двух хозяйствующих субъектов, которым принадлежат наибольшие доли на товарном рынке определенного товара, составляет 54 и более процентов, или совокупная доля трех хозяйствующих субъектов, которым принадлежат наибольшие доли на товарном рынке, составляет 78 и более процентов, или совокупная доля четырех и более хозяйствующих субъектов, доля каждого из которых больше долей других хозяйствующих субъектов на соответствующем товарном рынке, превышает 95%;

б) в течение не менее одного года или, если такой срок составляет менее одного года, в течение срока существования товарного рынка размеры долей хозяйствующих субъектов неизменны или подвержены малозначительным изменениям, а также доступ на соответствующий товарный рынок новых конкурентов затруднен.

в) не может быть признано доминирующим положение хозяйствующего субъекта, доля которого на товарном рынке не превышает 15%.

Исходя из вышперечисленных понятий, можно прийти к выводу, что во всех случаях правового определения естественной монополии сделан акцент на

положительном аспекте факта отсутствия конкуренции. Отсюда следует, что наличие естественной формы монополии в Республике Беларусь является скорее положительным, нежели отрицательным явлением, что противоречит общей антимонопольной политике государства и говорит о том, что монополия – это неоднозначное явление, ее следует рассматривать и как положительную тенденцию развития рынка. Однако исследовать монополию в положительном ключе, согласно антимонопольному законодательству Республики Беларусь, можно только в строго определенных сферах, которые предусмотрены Законом о естественных монополиях.

К таким сферам относятся следующие:

- транспортировка нефти и нефтепродуктов по магистральным трубопроводам;
- транспортировка газа по магистральным и распределительным трубопроводам;
- передача и распределение электрической и тепловой энергии;
- централизованное водоснабжение и водоотведение;
- услуги электрической и почтовой связи общего пользования;
- услуги, оказываемые коммуникациями железнодорожного транспорта, обеспечивающими движение транспорта общего пользования, управление движением поездов, железнодорожные перевозки;
- услуги транспортных терминалов, аэропортов;
- аэронавигационные услуги.

Данный список является исчерпывающим и значит, что монополии, развивающиеся в иных сферах в отличие от естественных монополистов,

- не рассматриваются как естественные;
- не имеют статуса правомерной монополии;
- не санкционированы государством;
- действуют в условиях активной (добросовестной или недобросовестной) конкуренции;
- не имеют прав и обязанностей естественной монополии;
- не имеют ограничений в деятельности (например, отказываться от заключения договора с отдельными потребителями на производство (реализацию) товаров при наличии у них возможности произвести (реализовать) такие товары);
- заносятся в государственные реестры хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение на товарных рынках республиканского и местного уровня, тогда как естественные монополисты имеют отдельный, специализированный реестр.

Отсюда можно выработать следующие признаки естественной монополии:

- 1) производство отрасли находится в ведении одного производителя;
- 2) деятельность монополиста санкционирована государством;
- 3) монополия выступает как система общественных отношений, содержанием которой выступают субъективные права и субъективные обязанности монополиста;
- 4) удовлетворение спроса потребителя на товарном рынке, где функционирует монополист эффективнее в отсутствии конкуренции;

- 5) товары, работы и услуги, производимые субъектом естественной монополии не могут быть заменены в потреблении другими;
- 6) большие масштабы производства;
- 7) сферы деятельности данной формы монополии имеют естественную природу и др.

Таким образом, данный вид монополии – это исключение, в силу которого эффективность функционирования субъекта хозяйствования и прибыль будет выше именно в отсутствии конкуренции. В этой связи естественные монополии в Республике Беларусь имеют природу правомерных монополий, так как их функционирование не только санкционировано государством, но и находится под его правовой защитой. Это представляется вполне оправданным, так как естественные монополии появляются и развиваются в сферах, определенных Законом Республики Беларусь “Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства” от 15.07.2010, № 169-З и относительно таких объектов, которые находятся только в собственности государства.

Представляется в этой связи, что термин “естественная” монополия указывает на естественный источник происхождения монополии, такой, как энергия, газ, нефть, воздушные линии и т. д. В этом заключается отличие естественных монополий от иных санкционированных монополий – государственных. При этом “естественность” монополии не исключает, а подтверждает государственную собственность на такую монополию, но в отличие от любой государственной монополии естественные образуются только в специфических и оговоренных законом сферах.

В этой связи можно согласиться с утверждением К.И. Скуратович о том, что если субъект хозяйствования является субъектом естественной монополии (например, осуществляет транспортировку нефти, газа и т. д.), то на него не распространяется действие Закона Республики Беларусь от 12.12.2013 № 94-З “О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции” за исключением тех случаев, когда такой субъект хозяйствования осуществляет деятельность вне сферы естественных монополий, последствием которой стало или может стать ограничение конкуренции на товарных рынках [2].

В соответствии со ст. 13 Закона о естественных монополиях субъект хозяйствования, являющийся субъектом естественной монополии, должен получить согласие Департамента ценовой политики Министерства экономики Республики Беларусь (далее – Департамент) на следующие действия:

- заключение любых сделок, в результате которых субъект естественной монополии приобретает право собственности на основные средства или право пользования основными средствами, не предназначенными для производства (реализации) товаров в условиях естественных монополий, если стоимость таких основных средств превышает 10% стоимости чистых активов субъекта естественной монополии по последнему балансу;
- инвестиции субъекта естественной монополии в производство (реализацию) товаров, которое не отнесено к сферам деятельности субъектов естественных монополий, в размере, превышающем 10% стоимости чистых активов субъекта естественной монополии по последнему балансу;

– заключение любых сделок, в результате которых юридическое или физическое лицо приобретает право собственности на часть основных средств субъекта естественной монополии, предназначенных для производства (реализации) товаров в условиях естественных монополий, либо право владения и (или) пользования такой частью, если их балансовая стоимость превышает 10% стоимости чистых активов субъекта естественной монополии по последнему балансу.

Е.А. Реуцкая приводит примерную классификацию монополистической деятельности по различным основаниям в зависимости от формы ее закрепления. Считаем, что эту классификацию можно применить и в отношении естественной монополистической деятельности. Так, она делится:

1) в зависимости от заключаемых субъектами хозяйствования соглашений на монополистическую деятельность договорную и внедоговорную;

2) от количества участников – подразделяется на индивидуальную и коллективную. Этот критерий можно рассматривать с разных позиций, если исходить из того, что монополист заполняет собой весь рынок однородных товаров, работ и услуг, то его монополистическая деятельность может носить и индивидуальный характер. Однако, если подобная деятельность осуществляется по соглашению с иным естественным монополистом, связанным с ним технологически или организационно, либо с любым иным субъектом хозяйствования, занимающим (не занимающим) доминирующее положение на рынке, либо – с соответствующим государственным органом, то тогда такая деятельность будет иметь коллективный характер и в зависимости от вида правонарушений (действие или бездействие) будет выражаться в пассивной или активной множественности;

3) от субъектного состава – осуществляемую субъектами хозяйствования или государственными органами [3].

Заключение

В условиях отсутствия конкуренции очень важно стимулировать дальнейшее развитие сфер естественных монополий иными отличными от механизма конкуренции правовыми и экономическими средствами. Однако в тех сферах, в которых по объективным технологическим причинам сохраняется состояние естественной монополии, а возможная конкуренция будет носить разрушительный характер, должны вводиться специальные жесткие регулирующие ограничения, касающиеся ценообразования, объемов и качества услуг, условий обслуживания, норм потребления.

В связи с этим в настоящее время правовому регулированию создания и деятельности субъектов естественных монополий уделяется существенное внимание, как на республиканском, так и на международном уровнях. Сферы естественных монополий настолько серьезны и значимы для Республики Беларусь, что правовая регламентация включает как принципы осуществления деятельности естественными монополистами, так права и обязанности и соответствующие запреты и ограничения, а также контроль со стороны антимонопольных и иных государственных органов.

На основе проведенного исследования нормативных правовых актов, точек зрения ученых, существующих концепций естественной монополии пред-

ставляется целесообразным выработать иное определение естественной монополии, наиболее отвечающее всем ее признакам в следующей редакции:

“Естественная монополия – это доминирующее на рынке однородной продукции, работ и услуг, предприятие, осуществляющее производство и продажу товаров, работ и услуг в полном объеме рыночного спроса потребителя, удовлетворение которого эффективнее в отсутствие конкуренции в специальных сферах, предусмотренных антимонопольным законодательством, при этом соответствующие продукция, работы и услуги не могут быть заменены в потреблении другой продукцией, в связи с чем деятельность данного предприятия санкционирована и строго регламентирована государством”.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Гавриленко, В. Г.** Капитал. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / В. Г. Гавриленко // ИБ “КонсультантПлюс : БеларусьКомментарии Законодательства Белорусский Выпуск” [Электронный ресурс] / ООО “ЮрСпектр”. – Минск, 2016.
2. **Скуратович, К. И.** Взаимодействие субъектов хозяйствования (в том числе нерезидентов) с антимонопольными органами Республики Беларусь [Электронный ресурс] / К. И. Скуратович // ИБ “КонсультантПлюс : Комментарии Законодательства Белорусский Выпуск” [Электронный ресурс] / ООО “ЮрСпектр”. – Минск, 2016.
3. **Реуцкая, Е. А.** Хозяйственное право : курс лекций / Е. А. Реуцкая. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2005. – 324 с.

Поступила в редакцию 22.01.2015 г.

Контакты: natalivik@tut.by (Пантелеева Наталья Викторовна)

Panteleyeva N.V. STATUS, PROPERTIES AND LEGAL REGULATION OF NATURAL MONOPOLIES AFFECTING BUSINESS DEVELOPMENT.

The article deals with the concept and essence of natural monopolies at the market of homogenous goods, jobs and services. In the course of the study the author defines the key elements of natural monopoly, the bases of its functioning, its legal nature, the sources of its legal regulation and works out the features that characterize the subject of natural monopoly and its concept.

Key words: antitrust, natural monopolies, competition, monopolistic activities, monopoly, unfair competition, economic entities, commodity market, and responsibility.

УДК 343.2

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И УКРАИНЫ В ЧАСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

И. В. Буянова

старший преподаватель

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Статья посвящена сравнительному анализу норм, касающихся освобождения от уголовной ответственности, закрепленных в законодательстве Республики Беларусь и Украины. На основании проведенного анализа формулируются выводы и предлагается авторское определение понятия “освобождение от уголовной ответственности”.

Ключевые слова: уголовная ответственность, освобождение от уголовной ответственности, виды освобождения от уголовной ответственности, уголовно-правовая компенсация.

Введение

Межотраслевой институт освобождения от уголовной ответственности в правовом, демократическом государстве занимает особое место при решении вопросов реализации уголовной ответственности. Данный институт является, своего рода, компромиссом при восстановлении социальной справедливости и стимулировании законопослушного поведения.

Важность института освобождения от уголовной ответственности, получившего свое закрепление в уголовном законодательстве ряда государств, бесспорна. Можно отметить, что данный институт способствует реализации таких принципов, как гуманизм и справедливость правосудия. Эффективное противодействие преступности является одной из основных целей уголовной политики любого демократического государства. Нормативное закрепление в уголовном законодательстве и реализация в практической деятельности отдельных оснований освобождения от уголовной ответственности, а также сам институт освобождения от уголовной ответственности как таковой составляют важный аспект уголовной политики.

Основная часть

Понятие “освобождение от уголовной ответственности” не раскрывается в Уголовных кодексах Республики Беларусь и Украины (далее – УК), оно лишь употребляется в нормах как Общей, так и Особенной частей УК.

В русском языке слово “освобождать” имеет несколько значений: “сделать свободным”, “избавить от чего-то нежеланного, вредного”, “избавить от каких-нибудь обязанностей”, “дать возможность не делать чего-нибудь, избавить от чего-нибудь”, а слово “ответственность” понимается как “необходимость, обязанность отвечать за свои действия, поступки, быть ответственным”.

ным за них” [1, с. 115]. На наш взгляд, понятие “освобождение от уголовной ответственности” становится цельным выражением, обретающим смысл, когда за глаголом “освобождать” следует производное слово “от чего-то, кого-то”, в данном случае – от уголовной ответственности.

Обязательной предпосылкой освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности является наличие необходимых и достаточных условий, предусмотренных в УК Республики Беларусь и Украины.

Если в Республике Беларусь правом освобождения от уголовной ответственности наделяется следователь, лицо, производящее дознание, прокурор, суд, то в Украине освобождение осуществляется исключительно судом. На наш взгляд, тот факт, что освобождение от уголовной ответственности по УК Украины осуществляется только судом, в значительной степени соответствует презумпции невиновности и подкрепляет принцип законности, который является одним из основополагающих в осуществлении правосудия.

Как в Республике Беларусь, так и в Украине – лицо, совершившее преступление, при освобождении от уголовной ответственности не освобождается от требований по гражданскому иску, от возмещения причиненного вреда; может быть привлечено к административной или дисциплинарной ответственности; не имеет права на возмещение ущерба, а также на компенсацию морального вреда, причиненных ему в связи с производством предварительного расследования и судебного разбирательства; не вправе претендовать на возмещение расходов, связанных с оказанием ему юридических услуг.

Общая сущность и юридическая природа объединяет все виды освобождения от уголовной ответственности. В отношении лица, совершившего преступление, не выносятся обвинительный приговор, не назначаются меры уголовного наказания, нет судимости. Однако это не влечет прощение лица и его реабилитацию.

Освобождение от уголовной ответственности имеет социальное значение, которое состоит в том, что государство дает лицу, совершившему преступление, шанс исправиться и рассчитывать в дальнейшем на его законопослушный образ жизни. В УК Республики Беларусь и Украины содержится исчерпывающий перечень оснований освобождения от уголовной ответственности.

Виды освобождения от уголовной ответственности, закрепленные в УК Украины:

- в связи с актом амнистии или актом помилования (ст. 44 УК);
- в связи с действенным раскаянием (ст. 45 УК);
- в связи с примирением виновного с потерпевшим (ст. 46 УК);
- в связи с передачей лица на поруки (ст. 47 УК);
- в связи с изменением обстановки (ст. 48 УК);
- в связи с истечением сроков давности (ст. 49 УК);
- в связи с применением к несовершеннолетнему мер воспитательного воздействия (ст. 97 УК)
- специальные виды освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные Особенной частью УК.

Следует отметить, что УК Украины предусматривает применение мер уголовно-правового характера не только к физическим, но и к юридическим

лицам, а в соответствии с этим статья 96-5 УК содержит основания для освобождения юридического лица от применения мер уголовно-правового характера.

Виды освобождения от уголовной ответственности, закрепленные в УК Республики Беларусь:

- в связи с истечением сроков давности (ст. 83 УК);
- освобождение от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности (ст. 86 УК);
- в силу утраты деянием или лицом общественной опасности (ст. 87 УК);
- в связи с деятельным раскаянием (ст. 88 УК);
- в связи с добровольным возмещением причиненного ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путем (ст. 88¹ УК);
- в связи с примирением с потерпевшим (ст. 89 УК);
- в связи с актом амнистии (ст. 95 УК);
- освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности с передачей его под наблюдение родителей или лиц, их заменяющих (ст. 118 УК);
- специальные виды освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные Особенной частью УК.

В Республике Беларусь освобождение лица от уголовной ответственности является безусловным, а вот в Украине может быть как безусловным, так и условным. Безусловное освобождение означает, что лицо освобождается от уголовной ответственности окончательно, бесповоротно. Такое освобождение не ставится в зависимость от дальнейшего поведения лица после принятия решения об его освобождении.

С этой точки зрения в Украине большинство видов освобождения от уголовной ответственности являются безусловными, кроме освобождения от уголовной ответственности с передачей лица на поруки коллектива предприятия, учреждения или организации (ст. 47 УК Украины), и в связи с применением к несовершеннолетнему мер воспитательного воздействия (ст. 97 УК Украины). В первом случае лицо освобождается от уголовной ответственности при условии, что на протяжении года оно оправдает доверие коллектива, в противном случае оно может быть привлечено к уголовной ответственности за ранее содеянное преступление. Во втором случае при уклонении несовершеннолетнего, совершившего преступление, от применения к нему принудительных мер воспитательного характера, эти меры отменяются и он привлекается к уголовной ответственности.

Законодатели обеих стран связывают освобождение от уголовной ответственности в той или иной степени с категорией преступления. И здесь есть небольшое расхождение в определении категорий преступлений. В Украине выделяют преступления небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие (ст. 12 УК Украины), в Республике Беларусь выделяют следующие категории преступлений: преступления, не представляющие большой общественной опасности, менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие (ст. 12 УК Республики Беларусь). Хотелось бы подчеркнуть, что разница в подходе к определению категорий преступлений не влияет на суть вопроса об освобождении от уголовной ответственности.

Помимо категории преступлений, в статьях, регулирующих вопросы освобождения от уголовной ответственности, есть указание на такое обстоятельство, как совершение преступления впервые, под которым понимается фактическое совершение преступления в первый раз или когда за предыдущее деяние лицо было освобождено от уголовной ответственности, либо по нему истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности, либо судимость была погашена или снята в установленном законом порядке.

Весьма интересной новеллой уголовного законодательства Республики Беларусь является введение института уголовно-правовой компенсации как одного из условий освобождения от уголовной ответственности. При этом уплата уголовно-правовой компенсации не освобождает лицо от обязанности возместить причиненный преступлением ущерб (вред) и (или) уплатить доход, полученный преступным путем, если указанные условия предусмотрены в качестве таковых для принятия решения об освобождении от уголовной ответственности. Данный институт получил свое закрепление в УК Республики Беларусь сравнительно недавно, поэтому практика его применения пока отсутствует.

Несмотря на поиск новых условий освобождения от уголовной ответственности для придания некоторой “гибкости” уголовному правосудию, законодатель обращает свое внимание и на ранее действовавшие нормы.

Так, действующее уголовное законодательство Республики Беларусь не сохранило такие виды освобождения от уголовной ответственности, которые были в прежнем УК БССР, как освобождение с передачей материалов дела на рассмотрение комиссии по делам несовершеннолетних или на рассмотрение товарищеского суда. С учетом изменений в экономике, в социальной сфере страны эти два вида освобождения от уголовной ответственности не стали применяться в практической деятельности. Между тем, уголовное законодательство Республики Беларусь сохранило норму, которая была закреплена в УК РСФСР – освобождение от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности. Закрепление данной нормы в действующем уголовном законодательстве представляется весьма спорным. Так, 13 сентября 1990 г. Комитет конституционного надзора СССР вынес заключение “О несоответствии норм уголовного, уголовно-процессуального законодательства, определяющих основания и порядок освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия, Конституции СССР и международным актам о правах человека” [2, с. 45–46].

Некоторые нормы уголовного законодательства советской эпохи сохранились и в УК Украины. Например, освобождение от уголовной ответственности с передачей виновного на поруки (аналогично норме УК РСФСР 1960 г.).

При решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности в УК обеих стран указаны определенные признаки, позволяющие применять тот или иной вид освобождения. В ряде случаев при решении вопросов об освобождении лица от уголовной ответственности решающую роль играют действия субъекта, подлежащего уголовной ответственности:

- явка с повинной;
- способствование раскрытию и расследованию преступления;

- примирение с потерпевшим по делам частного или частно-публичного обвинения;
- возмещение в полном объеме причиненного ущерба бюджетной системе государства;
- уплата уголовно-правовой компенсации.

В статьях 44, 49 УК Украины и статьях 83, 95 УК Республики Беларусь законодатель не связывает освобождение от уголовной ответственности с какими-либо действиями со стороны субъекта, лицо освобождается от уголовной ответственности по иным юридически значимым, объективным обстоятельствам, таким, как амнистия или истечение сроков давности. Хотя не все авторы считают истечение сроков давности объективным обстоятельством. По утверждению российского ученого В.В. Сверчкова, освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности совершения преступления носит не объективный, а субъективный характер, поскольку предполагает утрату лицом общественной опасности, что доказывается его правопослушным поведением в течение давностного срока, установленного в законе [3, с. 39]. Согласимся с мнением тех авторов, которые оспаривают данную точку зрения, например, также российский ученый Л.В. Головкин, который считает: “Позиция В.В. Сверчкова, будем откровенны, несколько странная. Ведь “правопослушное” поведение может быть вызвано какими угодно обстоятельствами (от болезни до отбывания наказания в виде лишения свободы за совершение другого преступления) и вовсе не обязательно свидетельствует об исправлении лица и утрате им общественной опасности” [4, с. 277–278].

Заключение

На основании анализа норм уголовного законодательства Республики Беларусь и Украины, касаемо института освобождения от уголовной ответственности, можно определить, что законодательство обеих стран в данном вопросе имеет как однозначно положительные, так и спорные нормы.

На наш взгляд, законодателю Республики Беларусь следовало бы учесть практику, применяемую в Украине, где освобождение от уголовной ответственности осуществляется только судом. Это в значительной степени соответствует презумпции невиновности и подкрепляет принцип законности, который является одним из основополагающих в осуществлении правосудия.

Закрепление в УК Республики Беларусь освобождения от уголовной ответственности с привлечение лица к административной ответственности, как уже отмечено выше, является весьма дискуссионным вопросом. Предполагается, что за совершенное преступление, лицо должно подвергаться именно уголовной, а не административной или какой-либо иной ответственности, а уж если она применяется в рамках уголовного права, то возникает необходимость закрепления в УК Республики Беларусь понятия “ответственность в уголовном праве”. По мнению российского ученого Т.А. Лесниевски-Костаревой, недопустимо наполнять уголовное законодательство не только уголовной, но дополнительно другими видами ответственности, поскольку это по существу размывает границы уголовного права как отрасли права и законодательства и создает для правоприменителей опасность произвола [5, с. 35].

Данный вопрос весьма интересный и может быть предметом отдельного, самостоятельного исследования.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что ни УК Республики Беларусь, ни УК Украины не содержит законодательного определения понятия “освобождение от уголовной ответственности”. Законодательная дефиниция данного определения позволила бы отчасти упростить понимание и восприятие данного института.

Проанализировав положения главы 12 УК Республики Беларусь, можно предложить следующее определение. Освобождение от уголовной ответственности – это правовая процедура, осуществляемая специально уполномоченными органами в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние, связанная с отказом от привлечения его к уголовной ответственности в силу имеющихся достаточных правовых оснований.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что институт освобождения от уголовной ответственности – развивающийся и перспективный институт. Он имеет ряд дискуссионных вопросов, представляющих несомненный интерес, как в теоретическом, так и в практическом плане. Это, прежде всего, его юридическая природа, место в системе уголовно-правовых мер воздействия на преступность и преступника и многое другое.

Закрепление института освобождения от уголовной ответственности в законодательстве Республики Беларусь и Украины является признанием возможности самостоятельного учета интересов субъектов уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, поскольку они не препятствуют достижению целей правосудия. Учитывая мировую тенденцию развития сокращенных форм уголовного судопроизводства и принципа дискреционного преследования, нашедшего отражение в международных правовых актах, практика применения освобождения от уголовной ответственности соответствует одному из перспективных направлений уголовной политики Республики Беларусь и Украины.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Ожегов, С. И.** Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – 24-е изд., испр. – М. : ООО “Издательство Оникс”, 2007. – С. 115 с.
2. Вестник Верховного Суда СССР. – 1991. – № 1. – С. 45–46.
3. **Головко, Л. В.** Классификация оснований освобождения от уголовной ответственности // Л. В. Головко // Законность. – 1998. – № 11. – С. 39.
4. **Головко, Л. В.** Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л. В. Селевко. – СПб. : Издательство “Юридический центр Пресс”, 2002. – С. 277–278.
5. **Лесниевски-Костарева, Т. А.** Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика / Т. А. Лесниевски-Костарева. – М. : Издательство Норма, 1998. – С. 35.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 09 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.01.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

7. Уголовный кодекс Украины (УКУ) / Закон от 05.04.2001 № 2341-III [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon1.rada.gov.ua>. – Дата доступа: 10.03.2015.

Поступила в редакцию 25.06.2015 г.

Контакты: buyanova26@mail.ru (Буянова Ирина Владимировна)

Buyanova I.V. COMPARATIVE ANALYSIS OF CRIMINAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND UKRAINE WITH REGARD TO EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY.

The article presents the comparative analysis of the norms of the exemption from criminal liability fixed in the legislation of the Republic of Belarus and Ukraine. On the basis of the analysis the conclusions and the author's definition of the concept "exemption from criminal liability" are provided.

Key words: criminal responsibility, exemption from criminal responsibility, types of exemption from criminal liability, criminal law compensation.

УДК 349.2 (476+470+574)

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ БЕЛАРУСИ, РОССИИ, КАЗАХСТАНА

М. В. Новицкая

старший преподаватель
Могилевский институт МВД РБ

В статье исследуются вопросы становления и развития законодательства о коллективных трудовых спорах, анализируются наиболее актуальные аспекты порядка разрешения коллективных трудовых споров по законодательству Беларуси, России, Казахстана. Проведенный сравнительно-правовой анализ позволил автору выдвинуть ряд предложений по совершенствованию законодательства о труде Беларуси, с учетом позитивного опыта правового регулирования отношений в сфере коллективных трудовых споров в Российской Федерации и Республике Казахстан. Кроме того, в статье обозначены пути сближения национальных трудовых законодательств Беларуси, России, Казахстана в исследуемой сфере, в условиях их тесного взаимодействия в рамках международных региональных организаций.

Ключевые слова: коллектив работников, коллективный трудовой спор, выдвижение требований, момент возникновения коллективного трудового спора, примирительные процедуры, примирительная комиссия, посредник, арбитраж, забастовка, локаут, профсоюз.

Введение

В Республике Беларусь на современном этапе сравнительные исследования правового регулирования коллективных трудовых споров по законодательству Беларуси, России, Казахстана не проводились. Вместе с тем, в связи с тесным взаимодействием указанных государств, в рамках международных региональных организаций, интеграционные процессы между ними получили мощный стимул.

В процессе совершенствования механизма взаимодействия Беларуси, России, Казахстана, которые к тому же достаточно близки по своим правовым системам, особую значимость имеет исследование перспектив развития правового регулирования трудовых отношений. В частности одного из важнейших институтов трудового права – коллективных трудовых споров. Опыт стран с развитой рыночной экономикой свидетельствует, что одной из задач трудового права в современных условиях является максимально возможная защита трудовых прав и интересов работников, с целью сохранения социальной стабильности в обществе. Сказанное, предопределяет необходимость наличия эффективного правового регулирования коллективных трудовых споров для своевременного и объективного их разрешения.

На основании изложенного целью статьи является исследование теоретических и практических проблем института коллективных трудовых споров по законодательству Беларуси, России, Казахстана, изучение их положительного опыта в данной сфере для обозначения путей их сближения, а также выработка предложений, направленных на совершенствование норм законодательств Республики Беларусь о коллективных трудовых спорах.

Основная часть

1. Становление и развитие законодательства о коллективных трудовых спорах. Проведение историко-правового исследования вопросов становления и развития трудовых споров необходимо для определения путей дальнейшего совершенствования норм современного трудового законодательства о коллективных трудовых спорах.

В 1835 г. в Российской империи принимаются Положения “Об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на них по найму” от 24 мая 1835 г. и “О воспрещении фабрикантам назначать в ночные работы малолетних менее 12-летнего возраста” от 7 августа 1845 г. Принятые акты можно считать источниками возникновения отечественного трудового права [1, с. 2].

В случаях возникновения разногласий между работниками и фабрикантами государство на начальных этапах развития трудового права занимало позицию работодателя. Характерной особенностью указанного периода является то, что при отсутствии норм о трудовых спорах в целом были закреплены нормы-санкции за проведение стачек. Так, в ст. 112 Устава о промышленности фабричной и заводской 1857 г. за прекращение работы до истечения, установленного работодателем времени, в целях принуждения к повышению платы, на основании Уложений о наказаниях зачинщики подвергались аресту – на время от трех недель до трех месяцев, прочие от семи дней до трех недель [2, с. 694].

Как правомерное явление коллективные трудовые споры в форме забастовок были признаны только в начале XX в. 2 декабря 1905 г. был принят Указ императора Николая II, которым утверждались Временные правила “О наказуемости наиболее опасных проявлений в забастовках”. Правилами предусматривалась ответственность не за стачки как таковые, а за сопровождавшие их насильственные действия забастовщиков, приводившие к повреждению имущества предприятия и за насильственное принуждение к участию в забастовке. Кроме того, указанные Правила устанавливали уголовную ответственность за прекращение работ и занятий в правительственных учреждениях, казенных и частных железных дорогах, на почте и телеграфе и на других предприятиях, прекращение деятельности которых угрожает безопасности государству или создает угрозу общественного бездействия [1, с. 51]. Государственным служащим запрещалось принимать участие в забастовках под угрозой лишения права занимать должности по государственной службе [3, с. 52], заработная плата во время забастовки не выплачивалась.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что в современное трудовое законодательство Беларуси, России, Казахстана также содержит ограничение права проведения забастовок для отдельных категорий работников и не

предусматривает выплату заработной платы работникам, участвовавшим в забастовке (ТК Беларуси, ч. 1 ст. 396; ТК России ч. 4 ст. 414; ТК Казахстана ч. 3 ст. 175). Следовательно, можно выделить некую схожесть правового регулирования проведения забастовок в современном законодательстве и первым нормативным правовым актом, который принимался для снижения стачечного движения.

Кроме того, признавая существование стачечного движения, государство не запрещало локауты, рассматривая их как своего рода забастовки работодателей.

Примечательно, в законодательстве до сих пор однозначно не решен вопрос относительно закрепления права или запрета на проведения локаута. Так, в ст. 284 ТК Республики Азербайджан установлено право работодателя на объявление локаута. В России и Казахстане предусмотрен прямой запрет на его проведение (ст. 415; ст. 178). В ТК Беларуси отсутствуют нормы как позволяющие, так и запрещающие нанимателям проведение локаута.

Следующим значимым моментом формирования законодательства о коллективных трудовых спорах является утверждение в августе 1917 г. Временным правительством Положения о примирительных камерах и третейских судах, создаваемых для разрешения трудовых конфликтов. Примирительные камеры формировались на паритетных началах из представителей работников и предпринимателей. Они учреждались в территориальных районах или отраслях промышленности. Если примирительная камера не могла разрешить спор, то дело передавалось в третейский суд, создаваемый также на паритетных началах [4, с. 394]. Прогрессивность указанного Положения неоспорима, посредством принятия данного акта Временное правительство во-первых, признало существование трудовых разногласий как таковых; во-вторых, попыталось учредить специализированную трудовую юстицию.

К сожалению, с падением Временного правительства специализированные суды так и не были сформированы, а указанный вопрос до сих пор остается актуальным. Современные специалисты в области трудового права выражают уверенность в необходимости выделения специализированного судопроизводства и создания специализированных трудовых судов [5].

Зачатки законодательного регулирования конфликтного разбирательства содержались и в Положении СНК РСФСР о порядке утверждения коллективных договоров (тарифов) от 25 июля 1918 г. Согласно этому Положению, в случае конфликта, возникшего между союзом (обществом) предпринимателей либо отдельными предпринимателями и союзом рабочих и служащих при переговорах о заключении коллективного договора, профсоюз вносил разработанный им проект коллективного договора в местный орган труда или Народный комиссариат труда, который имел право утвердить, изменить или отклонить коллективный договор [6, с. 53].

В первом Кодексе законов о труде (1918 г.) не было специального раздела, посвященного рассмотрению трудовых конфликтов, но эти вопросы регулировались в его отдельных статьях.

В период действия КЗоТ 1918 г. функция разрешения конфликтов на основании Положения об отделах труда перешла к созданным в то время отделам труда. На них, наряду с другими обязанностями, возлагалось обязан-

ности по созданию примирительных камер и третейских судов, которые при отсутствии законодательной базы стали образовываться явочным порядком. Созданные органы не имели закрепленных нормами права функций, порядок их образования и полномочия устанавливался в коллективных договорах.

Таким образом, с введением КЗоТ 1918 г. была предпринята попытка создать систему органов по разрешению трудовых споров, которая носила внесудебный порядок.

В 1919–1921 гг. из-за принудительности труда, жесткого государственного регулирования всех его условий при прямом участии профсоюзов, нормы о трудовых конфликтах не применялись, а возникавшие крайне редко споры ликвидировались административным порядком.

Начало развития трудовых споров как самостоятельного института советского трудового права связано с принятием более поздних нормативных актов: постановления СНК РСФСР “О порядке разрешения конфликтов, возникающих на почве применения труда в негосударственных предприятиях и учреждениях” от 18 января 1922 г. и постановления Наркомтруда РСФСР “О расценочно-конфликтных комиссиях” от 6 апреля 1922 г.; положения о примирительных камерах и третейских судах, утвержденное СНК РСФСР 18 июля 1922 г. и инструкции по применению этого Положения, утвержденная Наркомтруда РСФСР 29 августа 1922 г. [6, с. 53].

В соответствии с указанными актами в целях разрешения конфликтов, возникающих при заключении, выполнении и изменении коллективных договоров создавались примирительные камеры и третейские суды. Указанные органы создаются при Народном Комиссариате Труда и его местных органах. При этом примирительные камеры принимали к своему рассмотрению дела, связанные с коллективными договорами, после их предварительного рассмотрения в местной расценочной конфликтной комиссии. Примирительные камеры образовывались на паритетных началах из представителей сторон спора. Возглавлял камеру представитель отдела труда. Постановления примирительных камер имели силу закона и обжалованию не подлежали.

Если решение по существу разногласия в примирительной камере не было достигнуто, то при наличии согласия сторон трудовой спор рассматривался третейским судом.

Если стороны добровольно не исполняют решение третейского суда, то отдел труда обращался в народный суд, который выдавал заинтересованной стороне исполнительный лист для принудительного исполнения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что период с 1918 г. по 1922 год характеризуется активным формированием законодательства, направленного на создание системы органов по разрешению трудовых споров, регламентацию их деятельности и разграничение компетенции указанных органов.

Система разбирательства трудовых споров окончательно сформировалась после введения в действие Правил о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов, утвержденных постановлением ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г. (далее – Правила). Правила являлись первым общесоюзным нормативным актом, который упорядочил всю ранее существовавшую систему разрешения споров, возникавших в связи с применением труда рабочих и служащих.

Правилами были сохранены прежние органы рассмотрения трудовых споров: примирительно-третейские (РКК, примирительные камеры, третейские суды) и судебные (трудовые сессии народного суда). В Правилах подробно указывалась компетенция РКК, устанавливались сроки подачи заявления в РКК для рассмотрения трудового спора. В компетенцию РКК входили следующие вопросы:

а) утверждение норм выработки и сдельных расценок, отнесение работ и должностей к тарифным разрядам, утверждение порядка применения поощрительных систем оплаты труда, установление размеров допустимого брака продукции, установление форм испытания для вновь принимаемых работников (вопросы установления условий труда);

б) разрешение споров, возникавших между работниками и администрацией при применении законов о труде, коллективных и трудовых договоров (споры искового характера) [7, с. 5].

При недостижении соглашения сторон в РКК дела передавались: по вопросам установления условий труда – в примирительные камеры или третейские суды, а по вопросам искового характера – в трудовые сессии народного суда.

Анализ указанных Правил позволяет сделать вывод, что они имели ряд неоспоримых преимуществ, которые сыграли значительную роль в дальнейшем совершенствовании трудовых споров. Так, Правила не только устанавливали строго определенный круг органов по разрешению трудовых конфликтов, определяли их компетенцию, но и предусматривали зависимость порядка разрешения конфликта от характера возникших разногласий. Вместе с тем, к сожалению, данный нормативный правовой акт не был лишен недостатков. Так, сроки и порядок разрешения разногласий не были четко урегулированы. Данный недостаток характерен и для современной системы разрешения коллективных трудовых споров.

В 1933 г. после слияния Наркома труда СССР с ВЦСПС Правила о примирительно-третейском судебном рассмотрении трудовых конфликтов от 1928 г. формально изменены не были, но в значительной степени перестали применяться. Вскоре была прекращена организация примирительных камер и третейских судов. Большинство вопросов установления новых условий труда на разрешение РКК не передавалось, а РКК преимущественно рассматривал индивидуальные трудовые споры искового характера [8, с. 773].

В результате становления государственной экономики, управляемой единым центром, отпала основа существования коллективных трудовых споров в рамках предприятия. В условиях, когда трудовые отношения регулировались централизованно, исключая договорной порядок, любое разногласие с администрацией превращалось в конфликт общегосударственный, следовательно, коллективные трудовые споры отрицались как явление. Указанная ситуация существовала вплоть до 1989 г., когда был принят Закон СССР «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» (далее – Закон 1989 г.), впервые закрепивший понятие «коллективного трудового спора» в качестве правовой категории.

Мощным толчком к созданию данного нормативного акта явились события лета 1989 г., когда по территории всего СССР прокатилась волна шахтерских забастовок.

Закон 1989 г. принимался весьма поспешно, поэтому многие его нормы практически оказались не в состоянии сгладить возникающие противоречия. Они представляли собой довольно громоздкие и плохо работающие на практике юридические конструкции.

Несмотря на все недостатки Закона 1989 г., он был разработан с учетом международно-правовых норм о примирительно-посредническом разрешении трудовых споров и зарубежного опыта, предусматривал единую подведомственность коллективных трудовых споров независимо от предмета спора. Примирительная комиссия и трудовой арбитраж являлись обязательными стадиями разрешения коллективного трудового спора. Право на забастовку возникало только после прохождения сторонами названных стадий разрешения коллективного спора [4, с. 993].

После распада СССР бывшие союзные республики, ставшие суверенными государствами, встали на путь реформирования экономической и политической системы, формирования рыночной экономики, что потребовало серьезных изменений законодательства.

Исходным началом развития законодательства о труде в бывших союзных республиках были кодексы законов о труде, принятые в начале, которые строились по единому унифицированному образцу в соответствии с Основами законодательства Союза ССР и союзных республик о труде 1970 г. с максимальным приближением по структуре и содержанию к КЗоТу РСФСР 1972 г.

Отметим, что новейшее трудовое законодательство бывших советских республик базируется на кодификационных актах по труду, разработанных с учетом общепризнанных принципов и норм международного права.

И.Я. Киселев отмечает, что в трудовом законодательстве бывших республик СССР наблюдается расширение договорных начал в правовом регулировании труда, сдвиг от законодательства и централизации к договору и автономии сторон, от императивности к диспозитивности, повышение роли локальных источников трудового права [9, с. 191].

В Республике Беларусь 1 января 2000 г. вступил в силу Трудовой кодекс Республики Беларусь, который пришел на смену ранее действующему Кодексу законов о труде, имеющему отсылочные нормы к Закону Республики Беларусь “О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)” от 18 января 1994 г. № 2708–ХІІ в части разрешения коллективных трудовых споров. Указанный закон во многом воспроизвел положения Закона СССР от 09.10.1989 г. “О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)”. Однако он характеризовался рядом новелл: двухстадийный порядок разрешения коллективного трудового спора (примирительные комиссии и трудовой арбитраж), предусмотренный в союзном законе, был дополнен еще одной стадией – рассмотрение спора с участием посредника. Кроме того, Закон предусматривал образование Республиканского трудового арбитража в целях разрешения коллективных трудовых споров, расширил содержание права на забастовку. Дальнейшее развитие правовой механизм разрешения коллективных трудовых споров получил в 36 главе нового Трудового кодекса Республики Беларусь.

В Российской Федерации процедура разрешения коллективных трудовых споров регламентирует глава 61 Трудового кодекса, принятого в конце 2001 г.

В Республике Казахстан в 2015 г. принят новый Трудовой кодекс, содержащий отдельную главу, регламентирующую рассмотрение коллективных трудовых споров (гл. 16 ТК Казахстана).

Несмотря на непрерывный процесс совершенствования правового механизма разрешения коллективных трудовых споров, наличие пробелов в нормах трудового права и практике их применения приводят к необходимости дальнейшего исследования указанных вопросов в современных условиях развития трудовых отношений.

Проведенный анализ позволяет выделить следующие этапы формирования законодательства о коллективных трудовых спорах: 1 этап – принятие первых актов, регулирующих отношения между фабрикантами и рабочими, отсутствие признания коллективных трудовых споров как правового явления, квалификация стачек в качестве уголовно-наказуемого деяния (1835–1905 гг.); 2 этап – закрепление права рабочих на участие в стачках и объединение в союзы (1905–1917 гг.); 3 этап – выработка и законодательное закрепление примирительно-третейского механизма разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов), попытка формирования специализированной трудовой юстиции (1918–1930 гг.); период; 4 этап – введение командно-административных систем управления в социально-трудовой сфере, исключая возможность существования коллективных трудовых споров (1930–1989 гг.); 5 этап – закрепление в законодательстве дефиниции “коллективный трудовой спор (конфликт)”, механизмов их мирного урегулирования, права работников на объявление забастовки и участия в ней (1989–1990 гг.); 6 этап – становление, развитие и совершенствование национального законодательства о порядке разрешения коллективных трудовых споров (1991 – настоящее время).

Таким образом, обобщение исторических этапов формирования законодательного регулирования вопросов разрешения коллективных трудовых споров позволило выявить: во-первых, на развитие указанного института, в первую очередь, воздействовали интересы государства в области трудовых отношений, а также политические и социально-экономические изменения, протекавшие в нем; во-вторых, практика их разрешения строилась по принципу примирительно-третейского разбирательства, что указывает на наличие преимущества мирного разрешения споров, в-третьих, наличие ряда проблем, которые не нашли своего решения и в современном законодательстве.

2. Представительство интересов работников при разрешении коллективного трудового спора. В истории трудового права различных государств представительство интересов работников как социально-правовой институт возникло чаще всего в связи с необходимостью защиты прав работников при коллективных трудовых спорах. В Беларуси, России и Казахстане функция представительства интересов работников традиционно выполнялась профессиональным союзом.

Определение понятия “профессиональный союз” закреплено в статье 1 ТК Беларуси и ст. 1 Закона Беларуси “О профессиональных союзах” от 22 апреля 1992 г. (в ред. от 01 января 2015 г.). Следует особо отметить, что

белорусская конструкция данного понятия отличается существенным недостатком – отсутствием законодательно закрепленной функции представительства интересов работников. Между тем, как справедливо отмечает М.А. Драчук, по нормам международного права и национального законодательства практически всех современных государств уставная деятельность профсоюзов предполагает выполнение следующих функций:

- представительство членов объединений;
- защита (охрана) интересов членов объединений;
- консультационная деятельность и информационный обмен [10, с. 180].

Следовательно, по нашему мнению, учитывая изложенное, определение понятия “профсоюз” по законодательству Беларуси нуждается в корректировке.

В легальных определениях понятия “профсоюз”, содержащихся в законодательстве России и Казахстана, подобный недостаток отсутствует. Так, ст. 2 Закона России “О профсоюзах, их правах и гарантиях деятельности” от 12 января 1996 № 10-ФЗ (в ред. от 22.12.2014 г.) определяет профсоюз как добровольное общественное объединение граждан, связанных общими производственными, профессиональными интересами по роду их деятельности, создаваемое в целях представительства и защиты их социально-трудовых прав и интересов.

В соответствии с п. 6 ст. 1 Закона Республики Казахстан “О профессиональных союзах” от 27 июня 2014 г. № 211-V (в ред. от 23.11.2015 г.) профессиональный союз (профсоюз) – общественное объединение с фиксированным членством, добровольно создаваемое на основе общности трудовых, производственно-профессиональных интересов граждан Республики Казахстан для представительства и защиты трудовых и социально-экономических прав и интересов своих членов.

При изучении профсоюзов – представителей работников в коллективном трудовом споре – исследователи сталкиваются с рядом важных проблем. Одной из таких проблем можно назвать недобросовестность как нанимателей, так руководителей профсоюзного органа. Недобросовестность со стороны нанимателя может выражаться как в оказании давления на руководителя профсоюзного органа, так и в подкупе последнего с целью лишения работников возможности полной и всесторонней защиты своих прав при разрешении коллективного трудового спора.

Вторая проблема – представительство интересов работников, не являющихся членами профсоюза во взаимоотношениях с нанимателем. В ч. 1 ст. 11 Федерального Закона “О профсоюзах, их правах и гарантиях деятельности” указано, что профсоюзы в области коллективных прав и интересов работников защищают их независимо от членства в профсоюзах. В соответствии со ст. 4 Закона Беларуси “О профессиональных союзах” принадлежность или непринадлежность граждан к профсоюзам не влечет каких-либо ограничений их трудовых, социально-экономических, политических, личных прав и свобод, гарантируемых законодательством Республики Беларусь. Однако, несмотря на наличие в законодательстве Беларуси и России указанных норм, реальное представительство работников, не являющихся членами профсоюза, представляется сомнительным. Во-первых, профсоюз, представляя в коллективном трудовом споре работников, не являющихся его членами, начина-

ет утрачивать черты организационно-правовой формы, суть которой состоит в членских отношениях участников объединения. Во-вторых, с практической точки зрения, поскольку профсоюз финансируется в основном за счет членских взносов, у него не возникает стимула защищать права работников, не являющихся его членами.

Наконец, третья проблема – представительство интересов работников в урегулировании коллективного трудового спора на предприятии (организации), где по тем или иным причинам профсоюз не создан. В соответствии со ст. 354 ТК Беларуси, помимо профсоюзов представительство интересов работников могут осуществлять и “... иные представительные органы работников, действующие на основании актов законодательства”. Схожая норма содержится в ст. 29 ТК России, однако ни в ТК Беларуси, ни в ТК России содержание понятия “иной представительный орган” и его правовой статус не раскрывается. Л.Я. Островский приходит к выводу, что в ст. 354 ТК Беларуси содержится требование принять акт, регулирующий порядок образования, действия представительных органов. И если в организации есть профсоюз, то он является представительным органом работников, если они не возражают. А если нет и акт законодательства не принят, то трудовой коллектив вправе сам решать вопрос о своем представительстве [11, с. 86].

Е.А. Волк отмечает, что анализ практики свидетельствует, что суды порой косвенно признают только профсоюзы в качестве представителей работников. В одном из своих определений Минский областной суд, решая вопрос о взыскании премии по итогам работы за 2007 г., опирается на условия контракта и Положение об условиях оплаты труда и премирования работников. А также указывает на отсутствие коллективного договора в организации в связи с тем, что не создан профсоюз [12, с. 99].

На наш взгляд, следует согласиться с мнением М.А. Драчук о том, что данная проблема была бы решена адекватно, если бы представителем работников в организации признавался не орган первичной профсоюзной организации, а некий “третий” субъект – производственный совет или совет трудового коллектива, который участвовал бы в регулировании трудовых отношений всех работников. Таким способом устраняется любая возможная дискриминация по признаку принадлежности к общественному объединению [10, с. 198].

Б.Б. Синьков указывает, что при отсутствии профсоюзной организации в целях защиты своих интересов работники на общем собрании (конференции) могут создавать организации на выборной основе, определять ее численность, компетенцию, порядок и принципы деятельности, сформировать программу действий. Выборный орган общего собрания (конференции) работников, по мнению Б.Б. Синькова, – это организация, которая может быть уполномочена работниками представлять их интересы, и вправе участвовать в коллективных переговорах по заключению коллективного договора [13, с. 2].

Следовательно, в целях разрешения проблем при осуществлении профсоюзом представительства интересов работников в коллективном трудовом споре, повышения эффективности защиты трудовых прав работников при возникновении коллективного трудового спора, конкретизации правового статуса работников при реализации коллективных трудовых прав считаем

целесообразным дополнить ст. 1 ТК Республики Беларусь следующим определением: “Коллектив работников организации (ее обособленных структурных подразделений) – работники, осуществляющие совместную трудовую деятельность в организации (ее обособленных структурных подразделениях) на основе заключенных трудовых договоров, объединившихся с целью обеспечения и защиты социально-трудовых прав и интересов”.

3. Внесудебное урегулирование коллективных трудовых споров по законодательству Беларуси, России, Казахстана.

Обстоятельством, характеризующим правовую природу определения понятия “коллективный трудовой спор”, является момент его возникновения. В законодательстве определение возникновения коллективного трудового спора сформулировано с той целью, чтобы придать разрешению спора процессуально-правовой характер, когда стороны обладают определенными правами и несут определенные обязанности.

Возникновение коллективного трудового спора определяется следующими особенностями:

1. Наличие разногласий по поводу коллективного трудового интереса и права.

2. Выдвижение требований нанимателю в установленном законом порядке. Из анализа норм ТК Беларуси, России, Казахстана следует, что в случае возникновения разногласий между сторонами коллективных трудовых отношений требования нанимателю утверждаются на собрании, конференции. Требования излагаются в письменной форме и направляются нанимателю (ст. 379 ТК Беларуси, ст. 399 ТК России, ч. 3 ст. 164 ТК Казахстана).

3. Наличие письменного отказа нанимателя в удовлетворении всех или части требований работников или неуведомлении о своем решении в установленный законодательством срок (ч. 3 ст. 379 ТК Беларуси, ч. 3 ст. 398 ТК России, ст. 163 ТК Казахстана). Указанный признак характерен только для коллективного трудового спора. В случае возникновения индивидуального трудового спора работник, минуя нанимателя, может обратиться за разрешением спора сразу в юрисдикционный орган.

В действующем законодательстве Беларуси, в частности в п. 3 Инструкции “О порядке учета возникших коллективных трудовых споров и созданных трудовых арбитражей”, утвержденной постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 10 октября 2013 г. № 101 (далее – Инструкция № 101), моментом возникновения коллективного трудового спора считается дата отказа нанимателя в удовлетворении всех или части требований работников. Анализируя указанное определение можно отметить, что, во-первых, исходя из буквального толкования указанной нормы, возникновение коллективного трудового спора напрямую зависит от действий нанимателя, которому ТК Беларуси отводит десять дней для рассмотрения требования. Следует обратить внимание на то, что указанная норма не определяет можно ли считать моментом возникновения коллективного трудового спора бездействия нанимателя, т. е. неуведомление нанимателем работников о своем решении. Несмотря на то, что из ч. 1 ст. 380 ТК Беларуси следует, что “при отказе нанимателя ... или неуведомлении о своем решении в трехдневный срок создается примирительная комиссия”, следовательно, между нормой

Инструкции № 101 и ТК Беларуси существует коллизия в части определения момента возникновения коллективного трудового спора.

Во-вторых, по нашему мнению, само наличие разногласия, а также обращение с требованием к нанимателю еще не говорит о возникновении спора. Поскольку получив ответ нанимателя, работники, с одной стороны, могут смириться со сложившейся ситуацией и отказаться от защиты своих прав и интересов, с другой – обсудив доводы нанимателя, согласившись с ними также отказаться дальнейшего разрешения возникших разногласий. Однако закрепленная в законодательстве норма о моменте возникновения коллективного трудового спора, изложенная в п. 3 Инструкции № 101 автоматически констатирует наличие спора. Следовательно, для возникновения спора требуется, чтобы работники, получив отказ нанимателя от удовлетворения всех или части требований или не получив ответ вовсе, выразили свое волеизъявление к защите прав, законных интересов и прибегли к предусмотренным законодательством примирительным процедурам, направленным на разрешение коллективного трудового спора.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

– для возникновения коллективного трудового спора необходимо наличие ряда юридических фактов, совокупность которых обуславливает его возникновение, в частности: а) наличие разногласий по поводу коллективного трудового интереса и права; б) выдвижение в установленном законом порядке требований нанимателю; в) наличие письменного отказа нанимателя в удовлетворении всех или части требований работников или неуведомлении о своем решении в установленный законодательством срок; г) выражение волеизъявления работников к защите прав, законных интересов, посредством использования примирительных процедур.

– поскольку определение момента возникновения коллективного трудового спора имеет важное процессуальное значение и является одним из ключевых аспектов правильного разрешения спора, следует дополнить им ст. 377 ТК Беларуси, сформулировав следующим образом: *“моментом возникновения коллективного трудового спора, считается дата создания представителями сторон спора примирительной комиссии”*.

С момента начала коллективного трудового спора стороны должны перейти к примирительным процедурам. Следует оговориться, что автор в своих публикациях не единожды раскрывал особенности разрешения коллективного трудового спора примирительной комиссией, указывал на необходимость внесения изменений и дополнений в ст. 381 ТК Беларуси *“Порядок работы примирительной комиссии”* для устранения пробелов в вопросах объема прав и обязанностей, возлагаемых на членов примирительной комиссии, о регламенте работы примирительной комиссии. Следовательно, целесообразно перейти к одному из возможных этапов разрешения коллективных трудовых споров – **посредничеству**.

В юридической литературе по трудовому праву институт посредничества недостаточно исследован. По мнению В.А. Сафонова, это очевидно связано с недостаточной распространенностью конкретных механизмов посредничества. Г.В. Дрыжов констатирует, что *“к сожалению, в настоящее время отсутствует информация о том, насколько часто при разрешении коллектив-*

ных трудовых споров стороны прибегают к услугам посредничества, что не позволяет достоверно оценить степень необходимости в данном этапе разрешения коллективного трудового спора”. А.В. Ясинская-Казаченко, отмечает, что “в период с 1994 по настоящее время не было ни одного случая обращения к посреднику” [14, с. 64]. В связи с изложенным, закономерен вопрос о целесообразности существования посредничества в рамках трудового права. Однако в силу того, что цель примирительных процедур – достижение соглашения по возникшим разногласиям, убеждены в важности посредничества как дополнительной возможности разрешения коллективного трудового спора.

На наш взгляд, отсутствие практики применения посредничества, в том числе обусловлена и тем, что в трудовом законодательстве Беларуси, России и Казахстана институт посредничества указан в самом общем виде, не содержится определение понятия “посредничество”, отсутствуют не только четкие формулировки в отношении прав и обязанностей посредника, но и какие-либо требования к его кандидатуре.

Применение процедуры посредничества является возможным этапом разрешения коллективного трудового спора. Как справедливо отмечает Ю.М. Гриценко, факт включения посредника в примирительные процедуры характеризует качественные изменения в отношениях сторон, признания сторонами потерю возможности разрешения коллективного трудового спора путем прямых переговоров в примирительной комиссии [15, с. 67]. Следовательно, посредничество, можно рассматривать как возможный этап разрешения коллективного трудового спора, реализуемый с помощью третьего независимого участника (посредника).

В соответствии с пп. 12 п. 1 ст. 1 ТК Казахстана посредник – физическое или юридическое лицо, привлекаемое сторонами трудовых отношений для оказания услуг по разрешению трудового спора. Как указывает Б.М. Сапарбаев, посредник – лицо нейтральное, он не наделен полномочиями выносить какое-либо решение, а только помогает достичь соглашения, предлагая сторонам альтернативы по процедуре и по существу переговоров, создавая тем самым условия для добровольного разрешения коллективного трудового спора усилиями сторон. В качестве посредников стороны выбирают авторитетных лиц и организации, независимых по отношению к спорящим сторонам. Г.В. Дрыжов отмечает, что эффективность работы посредника зависит от личных качеств посредника (авторитет и независимость посредника; знания, профессиональный опыт, умение вести переговоры и пр.).

На наш взгляд, главными критериями должны выступать: во-первых, отсутствие у лица, претендующего на участие в процедуре посредничества, заинтересованности в исходе дела; во-вторых, наличие соответствующих знаний в области трудовых и связанных с ними отношений и навыков ведения переговоров. В остальном определение критериев приглашения лица в качестве посредника должно зависеть от сторон коллективного трудового спора. К сожалению, в ТК Беларуси и России не содержится определение понятия “посредничество” и “посредник”, что снижает эффективность указанной процедуры в разрешении споров. С учетом вышеизложенного, предлагаем дополнить ст. 382 ТК Республики Беларусь следующими определениями:

“Посредничество в сфере разрешения коллективных трудовых споров – это возможный этап разрешения коллективного трудового спора, реализуемый с помощью третьего нейтрального, незаинтересованного в исходе дела лица (посредника)”;

“Посредник в сфере разрешения коллективных трудовых споров – нейтральное, незаинтересованное в исходе дела лицо, обладающее соответствующими знаниями в области трудовых и связанных с ними отношений, имеющие навыки ведения переговоров, содействующее сторонам в разрешении коллективного трудового спора”.

Кроме того, в целях закрепления правового статуса посредника, а также создания условий, способствующих эффективному разрешению коллективных трудовых споров необходимо дополнить ТК Беларуси статьей 382¹ “Права и обязанности посредника при разрешении коллективного трудового спора”, предусматривающей полномочия посредника при разрешении коллективного трудового спора и изложить ее следующим образом: *“Посредник при разрешении коллективного трудового спора имеет право:*

- 1) устанавливать порядок проведения процедуры посредничества;
- 2) проводить консультации со сторонами спора (в том числе конфиденциальные);
- 3) запрашивать и получать от сторон спора необходимые документы, сведения по существу спора;
- 4) проводить беседы с каждой из сторон спора индивидуально;
- 5) совместно со сторонами формировать повестку дня;
- 6) подписывать решения, принятые сторонами при его участии;
- 7) получать компенсации и вознаграждения за участие в разрешении коллективного трудового спора. Размер и условия предоставления компенсаций и вознаграждения определяются соглашением сторон;
- 8) отказаться от участия в разрешении спора при наличии обстоятельств, влияющих на оказание помощи сторонам в принятии решения.

В круг обязанностей посредника входит:

- 1) соблюдать установленную процедуру и сроки рассмотрения спора;
- 2) сохранять конфиденциальность в отношении всех аспектов спора, если сторонами не обусловлено иное;
- 3) оказывать содействие достижению примирения сторон спора;
- 4) быть объективным и своевременно сообщать сторонам о возникновении обстоятельств, отрицательно влияющих на его беспристрастность.

Посреднику запрещается:

- 1) распространять и использовать конфиденциальную информацию, полученную в ходе разрешения спора для личной или иной выгоды;
- 2) оказывать давление на стороны в целях принятия решения по спору;

На время рассмотрения коллективного трудового спора посреднику предоставляются гарантии в соответствии со статьей 101 настоящего Кодекса”.

Примирительные процедуры могут быть завершены на этапе посредничества, однако в том случае, когда стороны считают необходимым их продолжить (или когда посредничество не состоялось), стороны по соглашению между собой могут обратиться **в трудовой арбитраж.**

Юридическая сущность трудового арбитража как одного из способов разрешения коллективного трудового спора отличается от примирения. И.С. Войтинский указывал, что "...в отличие от примирительных камер как согласовательных учреждений, другие учреждения бывают призваны вынести определенное решение, хотя бы соглашение представителей работников и представителей предпринимателей не могла состояться. Такие учреждения называются третейскими судами, или арбитражем" [16, с. 7]. С.А. Голощапов и В.Н. Толкунова определяли то, что "арбитражно-третейские процедуры отличаются от примирительно-посреднических тем, что первые состоят в решении спора между двумя сторонами третьим лицом, тогда как в последних стороны сами решают свои разногласия, хотя им в этом помогают третьи лица" [17, с. 41].

Обобщая международную практику разрешения коллективных трудовых споров Н.Л. Лютов, выделяет наличие таких видов арбитража, как добровольный, принудительный и так называемый арбитраж маятника. Наиболее часто применяемым видом является добровольный арбитраж, он используется сторонами в качестве последнего мирного способа разрешения коллективного трудового спора, в тех случаях, когда сторонам не удалось прийти к консенсусу с помощью примирительно-посреднических процедур.

Процедура разрешения коллективного трудового спора трудовым арбитражем закреплена в законодательстве Беларуси, России, Казахстана в общих чертах. Несмотря на то, что примирительные процедуры главным образом должны строиться на достижении соглашения между сторонами спора, однако в силу важности арбитражного разрешения коллективного трудового спора, отдельные вопросы требуют законодательного закрепления. Так, разделяя мнение А.В. Ясинской-Казаченко, считаем, что в ТК Беларуси, России, Казахстана остаются неразрешенными следующие вопросы: о регламенте арбитражных заседаний; правилах замены трудовых арбитров и их отвода [14, с. 70]. Отсутствие законодательного решения указанных вопросов может осложнить и как следствие замедлить работу трудового арбитража. Кроме этого, в целях закрепления правового статуса трудовых арбитров при разрешении спора необходимо предусмотреть объем их прав и обязанностей.

Многие исследователи считают – трудовой арбитраж в целом является удачной формой разрешения коллективных трудовых споров, но его следовало бы в законодательном порядке наделить гораздо более широкими правами и полномочиями. Вместе с тем, недостатком он признает то, что трудовой арбитраж носит временный характер. Представляется – данный вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.

На Западе специализированная трудовая юстиция существует достаточно продолжительное время (во Франции, например с 1806 г.) и накопила огромный опыт по разрешению трудовых споров. Специальные суды по трудовым делам играют ведущую роль при разрешении коллективных и индивидуальных трудовых споров и при этом действуют очень эффективно, обеспечивая максимальный учет интересов участников трудовых правоотношений [18, с. 41]. Кроме того, во многих экономически развитых странах созданы и эффективно выполняют свои функции, постоянно действующие организации. Так, с 1974 г. в Великобритании от Министерства труда отделена –

служба консультации, примирения и арбитраж (АКАС). АКАС обязался поощрять расширение и реформирование системы переговоров между предпринимателями и профсоюзами об условиях труда и выпускать инструктивные материалы в виде сводов правил по ключевым темам трудовых отношений. АКАС был создан в законодательном порядке как трехсторонний орган, во главе которого стоит Совет, состоящий из представителей предпринимателей, профсоюзов и независимых (как правило, юрисконсультов и ученых, специализирующихся в области трудовых отношений и управления персоналом).

В России вопрос о введении специализированной трудовой юстиции стоит достаточно остро. Одни ученые выступают за создание специализированных трудовых судов, другие, за формирование системы постоянно действующих трудовых арбитражей, которые со временем можно будет интегрировать в судебную систему в качестве органов рассмотрения как коллективных, так и индивидуальных трудовых споров. В Республике Казахстан, признавая наличие нерешенных проблем в области разрешения коллективных трудовых споров на XXIV съезде Федерации профсоюзов Казахстана определен комплекс мер, направленных на профилактику возникновения, а также снижения негативных последствий уже возникших споров, среди которых можно выделить разработку механизма функционирования Совета по трудовому арбитражу для предупреждения и разрешения коллективных трудовых споров.

Условиями быстрого и эффективного разрешения спора выступают доступность консультаций; получение сторонами содействия, как в поиске компромиссного решения, так и в организации примирительных процедур; оказание своевременной помощи в подборе посредников и арбитров. Созданию указанных условий будет способствовать формирование именно постоянно действующих структур, а не временных, которые, ко всему прочему, создаются сторонами, находящимися в состоянии неурегулированных разногласий.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ внесудебного разрешения коллективных трудовых споров, характеристика норм национального трудового законодательства в указанной сфере, позволили выявить позитивный опыт и возможности сближения законодательства Беларуси, России, Казахстана.

Исследование вопросов внесудебного урегулирования коллективных трудовых споров предоставляет возможность сделать вывод о том, что в указанных государствах сложилась в достаточной степени развитая система порядка мирного разрешения коллективных трудовых споров, обладающая схожими чертами. Вместе с тем, ТК Беларуси, России, Казахстана имеют свои особенности, в одних случаях нормы, закрепленные в ТК Беларуси, являются более удачными, в других – ТК России и Казахстана отличаются более высоким уровнем правового регулирования. Наличие позитивного опыта в правовом регулировании внесудебного разрешения коллективных трудовых споров по законодательству Беларуси, России, Казахстана, в условиях интеграционных процессов, предоставляет возможность обозначения путей их сближения в исследуемой сфере, посредством совершенствования норм национальных трудовых законодательств, а именно:

- 1) закрепить порядок мирного разрешения коллективных трудовых споров с использованием следующих процедур: примирительная комиссия (обя-

зательный этап), разрешение спора с участием посредника и (или) в трудовом арбитраже (возможные этапы);

2) определить правовой статус членов примирительной комиссии, посредника, арбитров в процессе разрешения коллективного трудового спора, а также гарантии указанным лицам на период участия в его разрешении;

3) принять норму, предусматривающую продолжение примирительных процедур в случае невыполнения решения примирительной комиссии;

4) установить норму, закрепляющую положение о том, что разрешение коллективного трудового спора с участием посредника должно осуществляться на условиях его независимости, нейтральности и компетентности;

5) предусмотреть возможность создания квазисудебных органов для разрешения коллективных трудовых споров.

4. Право на забастовку по законодательству Беларуси, России, Казахстана.

Крайней мерой разрешения коллективного трудового спора является **забастовка**. Право на забастовку признано международным сообществом в качестве законодательно закрепленной возможности защиты социально-экономических прав и интересов работников.

В Беларуси, России, Казахстане право на забастовку имеет конституционную основу, поскольку оно закреплено соответствующими статьями (ст. 41 Конституции Беларуси; ст. 37 Конституции России; ст. 24 Конституции Республики Казахстан). Положения данных статей конкретизированы в ТК Беларуси, России, Казахстана.

Проведение забастовки носит как позитивный, так и негативный характер. С одной стороны, в результате забастовки наносится материальный ущерб собственнику предприятия, а также экономический вред самим работникам, с другой стороны, в случае разрешения спора нормализует и улучшает социально-трудовые отношения на производстве. Следовательно, необходима детальная регламентация правового регулирования порядка проведения забастовки, основанная на учете интересов сторон коллективного трудового спора.

В законодательстве практически всех стран Восточной Европы законными признаются забастовки, направленные на защиту социально-экономических интересов работников. Только в некоторых западных странах, таких, как Италия, Швеция, Франция, с многочисленными оговорками допускается выдвижение во время забастовки наряду с экономическими отдельными политических требований [9, с. 157–158]. Данная ситуация нетипична, следовательно, по общему правилу забастовка по трудовому праву не содержит в себе удовлетворение политических требований.

Анализ легальных определений понятия «забастовка», существующих в национальных законодательствах Беларуси, России, Казахстана позволил выявить четыре критерия, которые определяют действия работников таким образом, что их можно охарактеризовать как «забастовка»: 1) характер действий работников; 2) целевая направленность забастовки; 3) указание на временный характер ее поведения; 4) добровольность участия в забастовке.

Таким образом, на основе проведенного исследования автор предлагает изложить ч. 1 ст. 388 ТК Беларуси следующим образом: «забастовка – временное добровольное прекращение работниками трудовых обязанностей (пол-

ностью или частично) в целях удовлетворения социальных, экономических прав и интересов в коллективном трудовом споре”.

Отличительной особенностью трудового законодательства России и Казахстана является наличие статей, определяющих полномочия органа, возглавляющего забастовку (ст. 411 ТК России, ст. 300 ТК Казахстана). Это означает, что, принимая решение об объявлении забастовки, собрание (конференция) работников вместо органа, который ранее был уполномочен работниками на разрешение коллективного трудового спора и который, объявляя забастовку, созывал это общее собрание (конференцию), может поручить непосредственную организацию и руководство забастовкой другому представительному органу работников.

Отметим, что отсутствие аналогичных норм в ТК Беларуси позволяет сделать вывод о том, что замена представительного органа работников на орган, возглавляющий забастовку, по законодательству Беларуси не допускается. На наш взгляд, отсутствие данной нормы вполне оправдано, т. к. последствия такой замены может сказаться, например, при решении вопроса об ответственности представителей работников за незаконные забастовки. Вместе с тем, представляется целесообразным дополнить *ТК Республики Беларусь* статьей 390¹ “Полномочия представительного органа работников при проведении забастовки”, изложив ее следующим образом: “Представительный орган работников при проведении забастовки, имеет право:

- 1) осуществлять представительство интересов работников во взаимоотношениях с органами государственного управления, нанимателем, объединением нанимателей, по вопросам разрешения выдвинутых требований;
- 2) получать от нанимателя, объединений нанимателя информацию по вопросам выдвинутых требований;
- 3) обращаться к специалистам для подготовки заключений по спорным вопросам;
- 4) с согласия работников досрочно прекращать или приостанавливать забастовку.

Повторное разрешение спора с использованием примирительных процедур не требуется при возобновлении ранее приостановленной забастовки.

Представительный орган работников в письменной форме обязан уведомить нанимателя, объединение нанимателей о намерении возобновить проведение забастовки не позднее, чем за три рабочих дня до ее возобновления.

В случае, когда стороны коллективного трудового спора подписали соглашение об его урегулировании, а также в случае признания забастовки незаконной в соответствии со статьей 395 настоящего Кодекса полномочия представительного органа работников прекращаются”.

Конституционное право на забастовку не является абсолютным. Оно может ограничиваться законом в той мере, в какой это необходимо в интересах национальной безопасности, общественного порядка, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

В законодательстве Беларуси забастовка или решение о ее проведении могут быть признаны незаконными в случаях:

- 1) нарушения требований Трудового кодекса и других законов;

2) невыполнения требований статьи 392 Трудового кодекса (“обязанности сторон во время забастовки”) либо в случаях создания реальной угрозы национальной безопасности, общественному порядку, здоровью населения, правам и свободам других лиц.

Анализ законодательства Беларуси, России, Казахстана в части признания забастовки незаконной показал, что в законодательстве России и Казахстана перечень условий признания забастовки незаконной дан более четко и содержательно, по сравнению с аналогичными статьями ТК Беларуси. По нашему мнению, следовало бы перенять положительный опыт России и Казахстана по указанному вопросу и внести соответствующие дополнения в ч. 1 ст. 395 ТК Беларуси.

Заключение

На основании проведенного исследования предложены и научно обоснованы следующие рекомендации по совершенствованию норм ТК Беларуси в сфере правового регулирования порядка разрешения коллективных трудовых споров:

1. Дополнить ст. 1 ТК Республики Беларусь определением понятия “Коллектив работников организации (ее обособленных структурных подразделений)”.

2. Внести изменения в статью 377 дополнив ее частью 2, закрепляющей определение понятия “момент начала коллективного трудового спора”.

3. Дополнить ст. 382 ТК Республики Беларусь определениями: “*Посредничество в сфере разрешения коллективных трудовых споров*”, “*Посредник в сфере разрешения коллективных трудовых споров*”.

4. В целях закрепления правового статуса посредника при разрешении коллективного трудового спора дополнить ТК Беларуси *статьей 382¹ “Права и обязанности посредника при разрешении коллективного трудового спора”*.

5. Дополнить ТК Беларуси *статьей 390¹* предусматривающей полномочия представительного органа работников при проведении забастовки.

Кроме того, проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет выдвинуть ряд предложений по совершенствованию законодательства о труде Беларуси с учетом позитивного опыта правового регулирования отношений в сфере коллективных трудовых споров в Российской Федерации и Республике Казахстан. Так, в целях конкретизации правового регулирования проведения забастовок выработаны предложения, устанавливающие:

в ч. 1 ст. 388 – признаки отражающие характер работников и целевую направленность проведения забастовки путем изменения указанной нормы словами “прекращение работниками трудовых обязанностей (полностью или частично)”, “в целях удовлетворения социальных, экономических прав и интересов в коллективном трудовом споре”;

в ч. 1 ст. 395 – основания признания забастовки незаконной дополнить следующей нормой:

“Забастовки признаются незаконными в организациях:

1) железнодорожного транспорта, гражданской авиации, здравоохранения для лиц выполняющих основные, профилирующие работы, а также – на работников центрального аппарата;

2) обеспечивающих непрерывное обслуживание жизнедеятельности населения (общественный транспорт, снабжение водой, газом, электроэнергией, теплом, связью). Забастовка в указанных организациях производится в том случае, если сохраняется минимум необходимых для населения работ (услуг), определяемые на основе предварительного соглашения с местным исполнительным органом;

3) с непрерывным производственно-технологическим циклом, приостановка деятельности которых связана с тяжелыми и опасными последствиями. Забастовка в указанных организациях проводится только при условии обеспечения бесперебойной работы основного оборудования, механизмов”.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Киселев И. Я.** Трудовое право России: исторически-правовое исследование / И. Я. Киселев. – М. : НОРМА, 2001. – 372 с.
2. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1945. – 905 с.
3. **Лушников, А. М.** Право на забастовку: историко-правовое эссе / А. М. Лушников, М. В. Лушникова ; предисл. В. В. Коробченко, Е. Б. Хохлов // Правоведение. – 2005. – № 5. – С. 51–73.
4. **Лушников, А. М.** Курс трудового права : учебник : в 2 т. / А. М. Лушников, М. В. Лушникова. – Москва : Проспект, 2009. – Т. 2 : Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право. – 1151 с.
5. **Костян, И. А.** О специализированных судах по трудовым делам и Трудовом процессуальном кодексе / И. А. Костян, И. К. Пискарев, Б. А. Шеломов // Хозяйство и право. – 2003. – № 8. – С. 27–41.
6. **Ясинская-Казаченко, А. В.** История и современные аспекты правового регулирования коллективных трудовых споров / А. В. Ясинская-Казаченко // Право.by. – 2009. – № 3. – С. 80–84. – Библиогр.: 27 назв.
7. **Андерсон, Э. Ф.** Новый порядок рассмотрения трудовых конфликтов / Э. Ф. Андерсон // Пролетарский суд. – 1928. – № 13. – С. 4–7.
8. **Лушников, А. М.** Очерки теории трудового права / М. В. Лушникова, А. М. Лушников. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. – 938 с.
9. **Киселев, И. Я.** Зарубежное трудовое право : учеб. для вузов / И. Я. Киселев. – М. : Норма-Инфра-М, 1998. – 257 с.
10. **Драчук, М. А.** Субъекты трудового права : монография / М. А. Драчук. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2009. – 335 с.
11. **Островский, Л. Я.** Представительство работников при заключении коллективного договора / Л. Я. Островский // Юрист. – 2005. – № 1. – С. 86–87.
12. **Волк, Е. А.** Нормативные соглашения в трудовом праве : монография / Е. А. Волк. – Минск : Амалфея, 2013. – 164 с.
13. **Синьков, Б. Б.** Коллективно-договорное регулирование трудовых правоотношений в социальном партнерстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Б. Б. Синьков ; науч. рук. Г. Б. Шишко ; Национальная Академия Наук Беларуси, Ин-т государства и права. – Минск, 2007. – 22 с.
14. **Ясинская-Казаченко А. В.** Правоотношения по разрешению коллективных трудовых споров: теория и практика : дис... канд. юрид. наук : 12.00.05 / А. В. Ясинская-Казаченко. – Минск, 2015. – 157 с.

15. **Гриценко, Ю. М.** Коллективные трудовые споры: (правовой аспект) : дис... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Ю. М. Гриценко. – М., 2000. – 166 с.
16. **Войтинский И. С.** Примирительное и третейское разбирательство. Трудовые споры и регулирование условий труда на Западе. – М. : В.Ц.С.П.С., 1922. – 132 с.
17. **Голощанов, С. А.** Трудовые споры в СССР : учеб. пособие по спецкурсу / С. А. Голощанов, В. Н. Толкунова. – М. : РИО ВЮЗИ, 1967. – 144 с.
18. **Китаева, А. А.** Зарубежный опыт организации и функционирования служб по урегулированию коллективных трудовых споров / А. А. Китаева // Отдел кадров. – 2004. – № 2. – С. 41–44.

Поступила в редакцию 11.01.2016 г.

Контакты: (+375 29) 740 12 35 (Новицкая Мария Валерьевна)

Novitskaya M.V. TOPICAL ISSUES OF LEGAL REGULATION OF COLLECTIVE LABOUR DISPUTES ACCORDING TO THE LAW OF BELARUS, RUSSIA, KAZAKHSTAN.

The article examines the issues of the formation and development of legislation on collective labour disputes. The author analyzes the most relevant aspects of the procedure of settlement of collective labour disputes according to the legislation of Belarus, Russia and Kazakhstan. The comparative legal analysis allowed the author to put forward a number of proposals on improving the labour legislation of Belarus, taking into account the positive experience of legal regulation of relations in the sphere of collective labour disputes in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. In addition, the article outlines the process of convergence of national labour legislation of Belarus, Russia and Kazakhstan in the study area, in terms of their close interaction in the framework of international regional organizations.

Key words: team of employees, collective labour dispute, nomination requirements, date of a collective labour dispute, conciliation, conciliation commission, mediator, arbitration, strike, lockout, trade union.